

НОРА РОБЕРТС

№1 NEW YORK TIMES — BESTSELLING AUTHOR

ВПЕРВЫЕ
НА
РУССКОМ!

ОДЕРЖИМОСТЬ

Annotation

Детство Наоми Боуз закончилось в тот момент, когда однажды ночью она решила узнать, куда отправился ее отец в столь поздний час. Любопытство влекло вперед, а в душе теплилась надежда, что папа готовит подарок ко дню рождения. Наивный ребенок даже не представлял, какая невообразимо страшная находка поджидает ее в лесу. Там, среди заброшенных развалин старого дома, Наоми узнает ужасную отцовскую тайну, которая навсегда изменит прежнюю жизнь. Начать все заново — единственное, о чем она будет мечтать долгие годы. Но страшные грехи Томаса Боуза будут следовать за девушкой по пятам.

- [Нора Робертс](#)
 -
 -
 - [Экспозиция](#)
 - [Один](#)
 - [Два](#)
 - [Три](#)
 - [Четыре](#)
 - [Пять](#)
 - [Глубина резкости](#)
 - [Шесть](#)
 - [Семь](#)
 - [Восемь](#)
 - [Девять](#)
 - [Десять](#)
 - [Панорама](#)
 - [Одиннадцать](#)
 - [Двенадцать](#)
 - [Тринадцать](#)
 - [Четырнадцать](#)
 - [Пятнадцать](#)
 - [Свет и тень](#)
 - [Шестнадцать](#)
 - [Семнадцать](#)
 - [Восемнадцать](#)

- [Девятнадцать](#)
 - [Двадцать](#)
 - [Фокус](#)
 - [Двадцать один](#)
 - [Двадцать два](#)
 - [Двадцать три](#)
 - [Двадцать четыре](#)
 - [Двадцать пять](#)
 - [Баланс](#)
 - [Двадцать шесть](#)
 - [Двадцать семь](#)
 - [Двадцать восемь](#)
 - [Двадцать девять](#)
 - [Тридцать](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
-

Нора Робертс

Одержимость

Nora Roberts
The Obsession

© Н. Лебедева, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

* * *

Посвящается:

*Элейн, Джанет, Джо-Энн, Кэт, Лоре, Мэри, Мэри
Кей, Николь, Пэт, Саре.*

*И той незабываемой неделе в году, которую мы
проводим вместе.*

Экспозиция

Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло.

Коринфянам 13:12

29 августа 1998 года

Что разбудило ее в ту ночь? Она понятия не имела. Сколько бы ни прокручивала она в голове те давние события, сколько бы ни мучилась ночными кошмарами, этой загадке так и предстояло остаться нераскрытой.

Летняя жара сгустила воздух до состояния раскаленного варева, пахнущего потом и высыхающей на корню травой. Вентилятор на ночном столике без усталости жужжал, перегоняя зной туда и обратно, но это было все равно что находиться в потоках пара, поднимающегося из кипящего котла.

Однако она до того привыкла к этому, что практически не обращала внимания — спала себе и спала возле распахнутого настежь окна. Она открывала его в надежде уловить хоть слабый ночной ветерок, но все, что долетало с улицы, — это неумолчный хор цикад.

Нет, не жара разбудила ее в ту ночь и не тихое гроыхание грозы, собиравшейся где-то у горизонта. Наоми проснулась мгновенно, как будто кто-то толкнул ее или произнес вслух ее имя.

Сна как не бывало. Она уселась в постели, вглядываясь в ночную тьму, настороженно вслушиваясь. Но рядом все также дребезжал вентилятор, цикады голосили за окном, да где-то в лесу монотонно ухала сова. Такие привычные звуки, знакомые ей не хуже собственного голоса. Ничего, что могло бы подбросить ее на постели, как пружину.

Тепло окружало Наоми плотным покрывом, просачивалось в каждую клеточку тела. Жаль, что еще не утро — она могла бы выскользнуть потихоньку из дома и охладиться в соседней речушке.

Домашние обязанности на первом месте — таково было правило. Но жара сгустилась настолько, что казалось, будто придется раздвигать ее руками, лишь бы сделать очередной шаг. Вдобавок наступила суббота, а по субботам мама немного смягчала правила... если папа, конечно, был в хорошем настроении.

До нее донесся отдаленный рокот грома. Выпрыгнув из постели, Наоми бросилась к окну. Ей нравились грозы. Нравилось смотреть, как ветер гнет деревья, как небо темнеет с каждой минутой и только молнии озаряют непроглядный мрак над головой.

Будет здорово, если гроза принесет с собой дождь и прохладный воздух.

Опустившись на колени, она прижалась подбородком к окну. Высоко

над головой виднелся кусочек луны, затуманенный облаками и летней жарой.

Хорошо бы гроза подошла ближе, мысленно повторила она. Большая девочка, почти двенадцать, а все еще верит, что загаданное сбывается.

Прикрыв глаза, она принялась к ночному воздуху и вновь пожелала, чтобы настало утро. И, раз уж за мечты не надо было платить, пожелала, чтобы настало утро дня ее рождения. Ей ужасно хотелось новый велосипед, о чем она раз сто успела намекнуть родителям.

Так она и стояла на коленях у окна, худенькая, высокая девочка, у которой, а она проверяла едва ли не каждый день, все еще не сформировалась грудь. Волосы от жары липли к шее, и Наоми, тряхнув головой, перекинула их через плечо. Жаль, что нельзя остричь их совсем коротко — как у эльфа из книжки сказок, которую подарили ей бабушка и дедушка. Подарили еще до того, как им запретили видеться с внучкой.

Но папа сказал, что девочкам обязательны длинные волосы, а мальчикам — короткие. В результате ее младшего брата регулярно водили в парикмахерскую в соседнем городке, а Наоми приходилось затягивать свою белесую шевелюру в тугий хвостик.

Что поделать, Мейсон был мальчиком. И баловали его безбожно. На день рождения он получил набор для баскетбола — в единоличную собственность. Еще ему разрешалось играть в бейсбол. По правилам, установленным папой, эта привилегия распространялась только на мальчиков (о чем Мейсон не уставал напоминать сестре). Вдобавок, поскольку он был младше Наоми на целых двадцать три месяца — о чем она напоминала ему с той же настойчивостью, — ему не приходилось так много работать по хозяйству.

Разумеется, это было нечестно, но Наоми предпочитала помалкивать — жалобы могли стоить ей любимых телепередач.

Вдобавок она с легкостью простила бы эту несправедливость, если бы ей подарили новый велосипед.

Далеко на горизонте мелькнула молния. Отблеск надвигающейся грозы. Дождя не миновать, сказала себе Наоми. Пусть бы он лил, лил и лил весь день без остановки! Тогда бы ей не пришлось полоть в огороде.

Она настолько воодушевилась, что едва не пропустила вторую вспышку.

Но не молнию, а свет от фонаря.

Первой ее мыслью было, что кто-то шныряет у дома. Грабители? Она привстала, чтобы бежать к отцу.

Но тут она разглядела, что это и был он. Шел от дома к лесу, шел

быстро и уверенно, подсвечивая путь фонариком.

Может, он решил искупаться в речке? Сильно ли он разозлится, если Наоми пойдет следом? Если папа в хорошем настроении, то он только посмеется.

Не раздумывая, она схватила шлепанцы, сунула в карман крохотный фонарик и поспешила к двери.

Наоми знала наперечет все скрипящие ступеньки, а потому без проблем спустилась по лестнице. Добравшись до задней двери, она сунула ноги в обувь и потихоньку проскользнула наружу.

В первый момент ей показалось, что она упустила отца, но тут вдали мелькнул лучик. Наоми заспешила вслед. Лучше держаться позади, пока она не поймет, в каком папа настроении.

Но отец повернул прочь от узкой речушки и направился в глубь леса, почти вплотную подступавшего к их саду.

Куда это он? Любопытство неудержимо толкало Наоми вперед. Что может быть лучше, чем красться во тьме по лесной тропинке, прислушиваясь к рокоту надвигающейся грозы?

Страшно ей не было, хотя она ни разу еще не забиралась в лес так далеко. Детям это не разрешалось. Мать точно спустит с нее шкуру, если узнает, так что лучше ей не попадаться.

Отец шел быстро и уверенно. Его ботинки с хрустом мяли сухую листву. Наоми кралась следом, стараясь держаться на приличном расстоянии — не стоит без повода злить отца.

Кто-то пронзительно ухнул, напугав ее до смерти. Но уже в следующее мгновение она прижала ладошку ко рту, чтобы не рассмеяться. Сова вылетела на ночную охоту.

Облака затянули небо, загасив и без того блеклую луну. В темноте Наоми напоролась пальцем на камень и едва не зашипела от боли.

Отец внезапно остановился, отчего сердце у нее заколотилось как бешеное. Наоми замерла, стараясь дышать как можно тише. Что она будет делать, если он вдруг развернется и направится назад? Бежать нельзя — наверняка услышит. Пожалуй, стоит отползти тихонько в кусты... и надеяться на то, что там не будет змей.

Но отец вновь зашагал вперед, а Наоми осталась на месте. Возвращайся домой, сказала она себе. Иди домой, пока не нарвалась на крупные неприятности. Но огонек фонаря притягивал ее как магнит.

Внезапно луч дрогнул и закачался. Что-то грохнуло и заскрипело, совсем как их кухонная дверь.

И тут свет исчез.

Наоми осталась одна в темной лесной чаще. По спине у нее, несмотря на жару, пробежали холодные мурашки. Она сделала шаг назад, еще один, и волна страха накрыла ее с головой. Бежать, бежать, пока не поздно.

Невидимая рука сжала ей горло, так что Наоми с трудом могла вдохнуть. Тьма, ночная тьма сомкнулась вокруг плотным кольцом.

Домой, беги домой. Вернись в постель, закрой глаза, звенел у нее в ушах чей-то голос. Звенел громко, как ночные цикады.

«Трусишка, — прошептала она, сжимая для храбрости кулаки. — Не будь такой трусихой».

Осторожно, почти на ощупь, она двинулась вперед. Облака вновь разошлись, и в слабом свечении луны проступил силуэт разрушенного здания.

Похоже на старый дом, мелькнула у нее мысль. Дом, сгоревший практически дотла. Остались лишь фундамент да старый дымоход.

Будто зачарованная, Наоми смотрела на развалины, напроочь забыв о своих страхах. В неверном лунном свете все казалось до странности неземным.

И вновь ей захотелось, чтобы поскорее настало утро — она смогла бы без боязни обследовать то, что было когда-то домом. Это могло бы стать ее местом. Убежищем, где можно спокойно почитать книжку, не отмахиваясь ежеминутно от назойливого брата. Где можно посидеть и порисовать. Или просто расслабиться и помечтать.

Раньше здесь жили люди. Кто знает, может, теперь здесь обитают призраки? Сердце у нее вновь заколотилось, но уже не от страха. Наоми с радостью повстречалась бы с призраком.

Вот только куда делся отец?

Ей вновь вспомнилось странное поскрипывание. Может, здесь был проход в иное измерение, и отец, открыв дверь, ушел из этой реальности?

У него были свои секреты. Да что там, они были у всех взрослых! Секреты, которые они не доверяли никому, тем более собственным детям. Может, ее отец был исследователем, странником по иным мирам.

Отец бы точно рассердился, узнай он про ее мысли насчет других миров. Ведь про такое, как и про призраков, ничего не говорилось в Библии. А может, он рассердился бы потому, что ее догадки были верными?

Собравшись с духом, она сделала еще пару шагов вперед и замерла, настороженно прислушиваясь. Но вокруг стояла тишина, лишь где-то вдалеке гроыхала надвигающаяся гроза.

С очередным шагом она вновь стукнулась пальцем о камень и

невольно вскрикнула от боли. «Идиотский камень», — подумала Наоми, бросая взгляд себе под ноги.

Но это был не камень. В тусклом свете луны она разглядела дверь. Настоящую дверь в земле! Возможно даже, волшебную дверь.

Опустившись на четвереньки, она провела по ней ладошкой... и тут же заработала настоящую занозу.

От волшебных дверей не бывает заноз. Всего лишь старый подвал, вырытый когда-то в земле. Настроение ее немножко упало. И все же это была дверь в потаенном месте, у развалин старого дома.

Теперь-то она знала, куда исчез папа.

Велосипед! Что, если он спрятал там новенький велосипед или собирает его из деталей? Рискую заполучить еще одну занозу, Наоми прижалась ухом к дереву. Она даже зажмурилась, чтобы не проронить ни звука.

В какой-то момент ей показалось, что она слышит шаги. И какие-то невнятные звуки. Она представила, как отец собирает ее велосипед, такой новенький и блестящий. Собирает и негромко насвистывает, как он всегда делал, когда работал дома или в саду.

А сейчас он старается для нее, для Наоми. Теперь она даже себе не будет жаловаться на то, что у нее слишком много домашних обязанностей!

Сколько времени потребуется ему на то, чтобы все собрать? Ей бы стоило поспешить домой, чтобы отец не узнал, что она подглядывала за ним. Но ей ужасно, просто безумно хотелось взглянуть на свою мечту. Хоть глазочком.

Наоми на цыпочках прокралась к выгоревшему дотла дому и притаилась за полуразрушенным дымоходом. Отец быстро соберет этот велосипед — работа всегда горела у него в руках. Он мог бы открыть собственную ремонтную мастерскую, а в Моргантауне работал только для того, чтобы его семья ни в чем не нуждалась.

Наоми не раз слышала, как он говорил об этом.

Она бросила взгляд на вспышку молнии — первую яркую развилку. Затем громыхнуло. Похоже, гроза подбиралась все ближе. По правде говоря, лучшее, что она могла сделать сейчас, — это поспешить домой. Но было поздно. Отец мог выйти в любую минуту, и тогда бы он точно заметил ее.

Наоми прекрасно знала, что будет, если ее поймают. Прощай мечта о новеньком красном велосипеде!

Если гроза все-таки начнется, худшее, что ей грозит, — промокнуть. Что ж, это даже неплохо после такой жары.

Еще пять минут, сказала она себе. А когда они прошли, отвела еще пять минут. А потом ей захотелось в туалет. Наоми пыталась отмахнуться от этого желания, пыталась подавить его, но в конце концов не выдержала и поспешила в лес, в гущу деревьев.

Стянув шорты, она присела, стараясь не намочить ноги. Так она сидела, пока не освободилась полностью. Привстав, она начала было натягивать шорты, как вдруг скрипнула и распахнулась дверь в земле.

Наоми замерла, сжимая руками штанишки. Она боялась не то что шевельнуться, но даже вздохнуть.

Снова вспыхнула молния, озарив фигуру ее отца. В этом призрачном свете он выглядел странно, даже пугающе. Коротко стриженные волосы казались почти белыми, вместо глаз — черные провалы. Вместо рта — дикий оскал.

Она бы ничуть не удивилась, если бы этот мужчина откинул вдруг голову назад и завыл по-волчьи. Страх, настоящий страх впервые закрался в ее сердце.

Он довольно потер себя там, внизу, и Наоми почувствовала, как щеки у нее заалели. Затем он захлопнул дверь и задвинул болт — этот скрежещущий звук заставил девочку поежиться. По-прежнему сидя на корточках, она наблюдала за тем, как отец забрасывает дверь палой листвой.

Он встал, и в этот момент молния вновь разрезала небо. Отсвет ее упал на дверь, оставив отца Наоми в полутени. Теперь она видела только очертания, так что его голова стала вдруг похожа на череп. Череп с пустыми, бездушными глазницами.

Отец оглянулся, и Наоми показалось, что он смотрит прямо на нее. Сердце у нее сжалось от ужаса. Она знала, чувствовала нутром, что человек этот, так похожий на ее отца, не остановится ни перед чем — разгляди он ее, и беды не миновать.

Беззвучно всхлипнув, она взмолилась: *«Пожалуйста, папочка, пожалуйста»*.

Но отец уже повернулся к ней спиной и ровной, размеренной поступью зашагал в сторону дома.

Она так и стояла, замерев, пока шаги его не затихли вдали. Теперь лишь ветер тревожил листву над головой. Гроза подбиралась все ближе, но отец ушел, растворился в ночном лесу.

Выпрямившись, она принялась растирать затекшие ноги.

Луна скрылась за тучами, а предвкушение чего-то загадочного сменилось чувством гнетущей тоски.

Глаза Наоми успели привыкнуть к темноте, и она без труда вернулась к двери в погреб. Не зная она, что дверь прямо перед ней, ни за что бы не разглядела ее под слоем листьев.

Она слышала только собственное дыхание да порывы ветра. Воздух наконец-то остыл, но теперь Наоми хотелось тепла. Ледяной холод сковал тело — холод, пробиравший ее изнутри. Наклонившись, она стала сгребать толстый слой листвы.

Засов, закрывавший старую деревянную дверь, был толстым и проржавевшим. Наоми провела по нему пальцами и тут же отдернула руку. Ей не хотелось заглядывать внутрь. Хотелось домой, в уют и покой собственной постели. Укрыться с головой, стряхнуть с себя наваждение ночи.

Но уже в следующее мгновение ее руки вновь легли на засов. Тот долго не поддавался, но затем все-таки отошел с отвратительным скрипом.

Там точно велосипед, сказала она себе, стараясь стряхнуть гнетущую тяжесть. Новенький красный велосипед — подарок на день рождения.

Осторожно приоткрыв дверь, она заглянула вниз, во тьму.

Судорожно сглотнув, Наоми вытащила из кармана фонарик и принялась спускаться по лестнице в свете крохотного луча.

Внезапно ей представилось лицо отца в проеме двери. Этот его ужасный, дикий взгляд. Что, если дверь захлопнется и она навсегда останется здесь? Изнемогая от страха, она едва не рванула вверх, но в этот момент ей послышался странный звук. Словно кто-то скулил там, внизу.

Наоми замерла, не в силах двинуться вверх или вниз.

Какой-то зверек. Но зачем бы отцу держать здесь животное? Или это... щенок? Сюрприз на день рождения? Ей ужасно хотелось собаку, но отец всегда был против. Даже Мейсон не смог выпросить у него питомца.

Чувствуя, как на глаза у нее наворачиваются слезы, Наоми прыгнула на земляной пол. Ей придется молить прощение за все те ужасные мысли — а мысли были таким же грехом, как и поступки, — которые промелькнули у нее об отце.

В радостном предвкушении Наоми посветила фонариком в угол. Но там, где воображение рисовало щенка в коробке, лежала женщина.

Слезы потоком струились из ее широко распахнутых глаз, отчего те напоминали стеклянные оконца. Из рта, залепленного скотчем, вырывались невнятные звуки. На лице и шее темнели свежие синяки и порезы.

На ней совсем не было одежды, ни единого лоскутка, но женщина даже не попыталась прикрыть наготу.

Не смогла бы, осознала Наоми. Руки незнакомки стягивала веревка, конец которой крепился к металлическому штырю. Женщина лежала на старом матрасе. Широко раскинутые ноги ее тоже были привязаны за лодыжки.

Из рта ее продолжали вырываться ужасные звуки, и каждый из них будто молотом бил Наоми по голове, камнем падал в живот.

Как во сне девочка шагнула вперед. В ушах шумело, будто она слишком долго провела под водой. Так долго, что уже и не выбраться на поверхность. Рот пересох, слова черствой крошкой царапали горло.

— Только не кричи, ладно? Не кричи, а то он услышит и вернется. Ладно?

Женщина кивнула. Ее опухшие глаза с мольбой следили за Наоми.

Девочка подцепила ногтями край клейкой ленты.

— Не кричи, — шепнула она, пытаясь справиться с дрожью в руках, и потянула за скотч.

Тот оторвался с противным треском, но женщина сдержалась, не закричала.

— Прощу тебя, — не столько шепнула, сколько прошелестела она, — помоги мне, ради бога. Не бросай меня тут.

— Тебе надо уходить. Нужно бежать отсюда, — Наоми бросила взгляд на дверь в погреб. Что, если он вернется? Что, если тот страшный мужчина, который выглядел как ее отец, застанет их здесь?

Она попыталась развязать веревку, но не справилась с узлами. Схватив фонарик, Наоми принялась осматривать погреб.

Узкий луч выхватил из темноты бутылку спиртного. В их доме не водилось и капли алкоголя — отец бы не потерпел такой распушенности. Свернутая в кольца веревка. Старое одеяло, фонарь. Журналы, на обложках которых красовались обнаженные женщины. А еще... Нет, только не это! Фотографии других женщин, наклеенные на стены. Все как одна без одежды. Руки связаны, на лицах кровь, в глазах застыл ужас.

И другие женщины, смотревшие в камеру остекленевшим взглядом.

Старый стул. На полке, прибитой к стене, ряды консервных банок. Куча тряпок — нет, порванной одежды. Все в пятнах крови.

Наоми отчетливо уловила запах свежей крови.

А еще ножи. Не два и не три. Много.

Стараясь не думать, изгнав из головы все мысли, Наоми схватила один из ножей и принялась резать узел на веревке.

— Только не кричи. Пожалуйста, не кричи.

Она случайно задела кожу, но женщина даже не вскрикнула.

— Быстрее, прошу тебя. Поспеш. — Пленница с трудом сдержала стон, когда ее руки безвольно упали вдоль тела. — Господи, как же больно.

— Не думай об этом, лучше не думай об этом. Когда думаешь, болит сильнее.

Думать и правда было невыносимо больно. Она постарается забыть про кровь, про ужасные снимки, про кучу тряпок, бывших когда-то одеждой.

Наоми усердно резала веревку, которая стягивала ноги незнакомки.

— Как тебя зовут?

— Меня? Эшли. Я — Эшли. А он? Кто он такой? Где он сейчас?

Не то что сказать, даже думать об этом было трудно.

— Он уже дома. На улице гроза. Слышишь?

Она тоже дома, сказала себе Наоми, вновь берясь за веревку. Дома в постели, а все остальное — кошмарный сон. Нет и не было старого подвала, где пахнет мускусом и кровью. А главное, нет ни женщины, ни того страшного мужчины. Очень скоро она проснется и увидит, что была гроза и гроза эта освежила все вокруг.

Она проснется, и все будет чистым и свежим.

— Вставай, пора уходить. Пора бежать отсюда.

«Беги, беги, скройся во тьме. Тогда ничего этого не будет».

Собрав все силы, Эшли попыталась встать, но ноги ее не держали. Натужно дыша, она рухнула на пол.

— Я не могу идти... мои ноги... Прости, но тебе придется помочь мне. Пожалуйста, помоги мне выбраться отсюда.

— Ноги у тебя просто затекли, — схватив одеяло, Наоми накинула его Эшли на плечи. — Попытайся подняться.

С трудом, но той все-таки удалось встать.

— Обопрись на меня. Тебе нужно вскарабкаться по лестнице. Я буду толкать сзади, но ты тоже должна постараться.

— Я сделаю это. Я смогу.

За время этого короткого, но мучительного подъема Эшли дважды едва не оступилась. Лишь большим напряжением сил Наоми удалось удержать ее на лестнице. Наконец с последним натужным всхлипом Эшли выбралась наружу и обессиленно распласталась на земле.

— Бежать. Тебе нужно бежать.

— Я даже не знаю, где я. Не знаю, сколько я тут пробыла. День, два... Ни еды, ни воды...

Слезы потоком струились из ее глаз, но она не рыдала, лишь неотрывно смотрела на Наоми.

— Он... он насиловал меня, душил... избил и порезал. Моя лодыжка... она так болит. Даже ступить трудно. Можешь вывести меня отсюда? Можешь отвести меня в полицию?

Дождь лил не переставая. Сверкнула молния, и на мгновение стало светло как утром.

Но Наоми так и не проснулась.

— Подожди минутку.

— Не спускайся туда!

— Подожди здесь.

Девочка спустилась вниз, в это ужасное место, и взяла нож. Не все пятна крови на нем были свежими и не все от порезов. Должно быть, им наносили раны посерьезней.

Преодолев отвращение, она стала рыться в куче рваной одежды. Ей удалось извлечь оттуда рубашку и шорты. Точнее, то, что осталось от рубашки и шортов.

Прихватив все это с собой, Наоми выбралась наружу. При виде одежды Эшли кивнула:

— Молодец. Спасибо, что догадалась.

— Обувь я там не нашла, но в шортах и рубашке тебе будет попроще. Они рваные, но тут...

— Не важно. — Эшли с трудом наклонилась, и Наоми помогла ей влезть в шорты. Затем настал черед рубашки. От движения на теле Эшли открылись свежие порезы, из них вновь заструилась кровь.

— Тебе придется опереться на меня.

Поскольку Эшли дрожала, Наоми вновь накинула ей на плечи одеяло.

«Шевелись, — приказала она себе. — Шевелись и не размышляй».

— Больно или нет, но тебе нужно идти. Мы подыщем тебе прочную палку, чтобы было полегче. Не знаю, сколько сейчас времени, но утром меня хватят. Нам нужно добраться до дороги. Оттуда до города еще больше мили.

— Не смогу идти, так поползу.

С трудом, с помощью Наоми, Эшли поднялась на ноги. Дышала она со всхлипами, не в силах справиться с болью. Наоми нашла сломанную ветку. Это помогло, но не слишком — дорожка после дождя стала топкой, как болото.

Они перебрались через ручей — после дождя тот бежал в полную силу — и вновь углубились в лес.

— Прости, я даже не спросила, как тебя зовут.

— Наоми.

— Красивое имя. Прости, Наоми, но придется остановиться на минутку.

— Хорошо, но только на минутку.

Тяжело дыша, Эшли прислонилась спиной к дереву. По лицу ее вперемешку струились пот и капли дождя.

— Это собака? Кто-то залаял или мне послышалось?

— Должно быть, Кинг. Дом мистера Харди неподалеку.

— Может, пойдем туда? Позвоним в полицию, дождемся помощи.

— Слишком близко.

Мистер Харди, как и ее отец, служил дьяконом в церкви. Прежде чем связаться с полицией, он позвонит ее отцу.

— Слишком близко? У меня такое чувство, будто мы прошли много миль.

— Даже одной не вышло.

— Ладно, — прикрыв на мгновение глаза, Эшли прикусила губу. — Ты знаешь мужчину? Того, что притащил меня сюда?

— Да.

— Знаешь его имя и где его можно найти?

— Да. Нам нужно идти. Нужно спешить.

— Скажи, как его зовут, — с трудом оторвавшись от дерева, Эшли вновь заковыляла по тропинке. — Это придаст мне сил.

— Его зовут Томас Боуз. Томас Дэвид Боуз.

— Томас Дэвид Боуз. Сколько тебе лет?

— Одиннадцать. В понедельник мне исполнится двенадцать.

— С днем рождения. Ты храбрая и умная девочка, Наоми. Ты спасла мне жизнь. Не каждой девочке такое под силу. Не забывай об этом, Наоми.

— Не забуду. Смотри, гроза уходит.

Наоми вела Эшли по лесу. По дороге было бы быстрее, но она успела познать страх и держалась теперь среди деревьев. Наконец они вышли на окраину крохотного городка Сосновый луг.

Наоми ходила туда в школу. И в церковь. А ее мать делала покупки на местном рынке. В офисе шерифа она не была, но знала, где тот находится.

Небо на востоке посветлело, и в лужах отразились первые огни. Они прошли мимо церкви и перебрались через мостик, под которым бежала узкая речушка. Сандалии Наоми промокли и теперь звонко шлепали по дороге. Эшли, прихрамывая, брела рядом.

— Что это за город?

— Сосновый луг.

— Где это? Я была в Моргантауне. Я учусь в Университете Западной

Виргинии.

— Это в двенадцати милях отсюда.

— Я тренировалась. Бегала. Хочешь верь, хочешь нет, но я бегаю марафоны. Каждое утро выхожу на тренировки. Этот тип... он припарковался на краю дороги. Капот у машины поднят, будто что-то сломалось. Я слегка сбросила темп, тут-то он меня и схватил. Ударил, и я потеряла сознание. Очнулась уже в том погребке. Боюсь, мне придется снова остановиться.

Нет-нет, только не это. Никаких остановок. Идти и идти.

— Мы почти пришли. Видишь тот белый дом? На нем еще вывеска.

— Ведомство шерифа. Слава богу. Слава богу.

Только тут Эшли дала волю слезам. Тело ее буквально содрогалось от рыданий. Наоми крепче обняла ее за пояс и потащила к белому зданию.

— Ну вот, теперь мы в безопасности.

Эшли в изнеможении рухнула на узкие ступеньки. Наоми поплотнее закутала ее в одеяло и постучала в дверь.

— Думаешь, там кто-нибудь есть? Еще слишком рано.

— Не знаю. — Наоми постучала вновь.

Дверь распахнулась, и в проеме показался молодой человек со спутанными волосами. В лице его было что-то знакомое.

— Что тут за шум? — начал было он, но тут взгляд его упал на Эшли. — Господи помилуй.

Он быстро присел рядом с ней на корточки:

— Давайте-ка я отнесу вас внутрь.

— Помогите нам, прошу вас.

— Все будет хорошо, не волнуйтесь.

И хоть парень не выглядел таким уж силачом, он без труда поднял Эшли на руки... и слегка покраснел, когда распахнувшееся одеяло едва не обнажило ее грудь.

— Детка, — сказал он Наоми, — придержи, пожалуйста, дверь. Что это было? Несчастный случай?

— Нет, — ответила Наоми. На мгновение у нее мелькнула мысль: а не сбежать ли? Но она молча шагнула за порог.

— Давайте-ка я усажу вас вот тут, — взгляд его скользнул по синякам на горле Эшли, и в глазах его засветилось понимание. — Детка, видишь тот фонтанчик с водой? Почему бы тебе не принести... как вас зовут, кстати?

— Эшли. Эшли Маклин.

— Почему бы тебе не принести Эшли воды?

Он повернулся и только тут заметил нож, который Наоми держала у

бока.

— Почему бы не отдать его мне? — произнес он безо всякого нажима. — Вот и умница.

Взяв у Наоми нож, он положил его высоко на полку.

— Мне нужно позвонить тут кое-кому, и первым делом я свяжусь с доктором. Он вас осмотрит. Но нам придется сделать несколько снимков. Это вам ясно?

— Да.

— Потом приедет шериф, и вам нужно будет ответить на ряд вопросов. Вы к этому готовы?

— Да.

— Вот и прекрасно. Попейте немного. Ты моя умница, — сказал он Наоми, которая вручила ему бумажный стаканчик с водой.

Схватив со стола телефон, помощник шерифа быстро набрал номер.

— Шериф, это Уэйн. Да, я знаю, сколько сейчас времени. У нас тут женщина, которая сильно пострадала. Нет, не авария. На нее напали, и ее нужно осмотреть. — Он понизил голос, но Наоми отчетливо услышала: *изнасилование*.

— Девочка привела ее. По-моему, это дочка Сью и Тома. Да, Том Боуз.

Поставив стаканчик, Эшли взглянула Наоми в глаза:

— Боуз.

— Да. Я Наоми Боуз. Тебе нужно попить.

— Ты права, детка. — Но Эшли не стала пить. Потянувшись, она обняла Наоми, прижала ее к себе.

Что-то надломилось в ней, что-то прорвалось наружу. Прильнув к Эшли, Наоми дала волю слезам.

Поймав взгляд Уэйна, Эшли пояснила:

— Ее отец, вот кто напал на меня. Томас Дэвид Боуз. А Наоми меня спасла.

Уэйн только что не присвистнул.

— Шериф, вам стоит поторопиться, — сказал он в трубку.

Два

Пришел шериф, и Уэйн отвел Наоми в другую комнату. Здесь он вручил ей шоколадный батончик и баночку с колой. Дома это сочли бы чистым баловством, но Наоми не стала спорить. Уэйн достал аптечку и начал обрабатывать ссадины и царапины — она заработала их, пока пробиралась с Эшли по лесу.

От Уэйна пахло фруктовой жвачкой — Наоми заметила желтую пачку, торчавшую у него из кармана рубашки.

С тех самых пор эта резинка ассоциировалась у нее с ненавязчивой добротой.

— Детка, кто твоя любимая учительница?

— Ну... не знаю. Должно быть, мисс Бличард.

— Если хочешь, я позвоню ей, попрошу прийти.

— Нет-нет, не нужно. Она все равно узнает. Все узнают, — в груди у Наоми что-то больно сжалось, и она быстро отвела взгляд, — но мне бы не хотелось при этом присутствовать.

— Как хочешь. Мы вызвали для Эшли медсестру — она будет сопровождать ее в больницу. Может, и тебе вызвать кого-нибудь со стороны? Кого-нибудь незнакомого?

— Мне никто не нужен. Что будет дальше?

— Прямо сейчас шериф беседует с Эшли. Потом ее отправят в больницу в Моргантауне, где врачи обработают ее раны.

— У нее болит лодыжка.

— Не волнуйся, с ней все будет в порядке. Хочешь какой-нибудь другой батончик? Повкуснее?

Наоми взглянула на сникерс, который она даже не открыла.

— Нет, сэр. Просто я никогда не ела шоколадки с самого утра.

— Даже на Пасху? — Улыбнувшись, Уэйн аккуратно залепил пластырем очередную царапину.

— Пасха — святой день. Он для молитв, а не для баловства, — заученно повторила она слова отца и тут же заметила, как в глазах Уэйна промелькнула жалость. Однако помощник шерифа лишь дружески похлопал ее по ноге.

— Что ж, скоро мы принесем тебе горячий завтрак. Посидишь тут одна с минутку?

— Я арестована, да?

Мягко и по-доброму он коснулся ее щеки:

— За что, детка?

— Не знаю, но вы собираетесь арестовать моего отца.

— Не думай об этом сейчас.

— Я видела его. Там, в лесу, когда он вылез из погребка. Он выглядел так странно, что я испугалась.

— Тебе нечего больше бояться.

— А что будет с мамой и с братом?

— Все хорошо. Они в полном порядке. — Он оглянулся, когда дверь комнаты распахнулась. Наоми знала мисс Летти — та ходила в их церковь. Но лишь сейчас она вспомнила, что мисс Летти тоже работает в офисе шерифа.

На плече у Летти висела красная сумка, на губах играла печальная улыбка.

— Привет, Наоми. Я принесла тебе кое-что из одежды. Это вещи моей дочки. Она пониже тебя и не такая худенькая. Но тебе все равно надо переодеться в сухое.

— Спасибо, мисс Летти.

— Всегда пожалуйста. Уэйн, шериф тебя ждет. А мы с Наоми посидим пока тут. Можешь переодеться вон там, в ванной.

— Да, мэм.

Одежда оказалась слишком велика, но Наоми потуже затянула пояс, так что джинсы выглядели почти впору.

Когда она вернулась, Летти сидела у стола, потягивая из большой кружки кофе.

— У меня тут есть расческа. Не возражаешь, если я расчесу тебе волосы, а то они все спутались?

— Спасибо.

Наоми заставила себя сесть, хоть и не знала, так ли уж ей хочется, чтобы к ней прикасались. Однако расческа скользила по волосам легко и бережно, и девочка расслабилась.

— Какие у тебя чудесные волосы.

— Они как пакля.

— Глупости. Они как шерстка у оленя — светлые и слегка выгоревшие на солнце. Густые и шелковистые. Детка, я хочу задать тебе пару вопросов. Возможно, они покажутся тебе неприятными, но нам очень нужно знать правду.

— А где Эшли?

— Ее собираются отвезти в больницу. Она спрашивала про тебя,

хотела с тобой повидаться. Как ты, не против?

— Нет, мэм. Я тоже хочу ее увидеть.

— Вот и хорошо. Но пока что скажи мне, отец тебя когда-нибудь обижал?

— Что вы, мэм. Он никогда нас не бил — ни Мейсона, ни меня. Мама порой устраивала нам выволочку, но это так, несерьезно. Ей бы духу не хватило сделать нам больно. Мы больше делали вид, что это наказание, поскольку папа всегда говорил: «Розги пожалеешь — ребенка испортишь».

— Лично я не в восторге от этой фразы. И еще один вопрос, совсем уж неприятный. Он когда-нибудь прикасался к тебе неподобающим образом?

Наоми неотрывно смотрела вперед, пока Летти водила расческой по ее волосам.

— Вы имеете в виду, как с Эшли. Он изнасиловал ее. Я знаю про насилие, мэм. В Библии говорится про Силомских девиц. Он никогда так не делал со мной.

— Вот и прекрасно. А твою маму он обижал?

— Не думаю, мэм. Иногда...

— Все в порядке, — подхватив маленькую резинку, Летти ловким движением стянула волосы Наоми в хвостик. — Не нужно бояться. Скажи мне правду.

— Иногда казалось, будто он вот-вот сорвется, но такого ни разу не произошло. Если ему случалось по-настоящему рассердиться, он просто уходил из дома на пару дней. Так, остыть немного. Мама говорит, мужчинам нужно иногда побыть в одиночестве. Она не знала, мисс Летти. Мама не знала, что он мучает людей, иначе бы она боялась его. Боялась больше обычного.

— Людей?

Наоми по-прежнему смотрела прямо перед собой.

— Эшли сказала, что она пробыла в погребе день или два. Но там лежала еще веревка. И снимки на стенах. Фотографии других женщин, связанных как Эшли. Даже хуже. Мне кажется, они были мертвыми... Меня сейчас стошнит.

Летти помогла ей добраться до туалета, затем отерла лицо влажным полотенцем.

Она дала Наоми что-то мятное — прополоскать рот, по-матерински чмокнула в лоб.

— Хватит пока вопросов. Не хочешь отдохнуть?

— А домой мне нельзя?

— Пока что нельзя, детка. Но я могу отвести тебя к себе. Поспишь там

немножко.

— Мне бы хотелось дождаться маму и Мейсона.

— Что ж, побудь тут. Я принесу тебе тост, попробуешь пожевать немножко. А сникерс можешь оставить на потом.

— Спасибо.

Летти встала.

— Знаешь, о чем я думаю, Наоми? Ты повела себя очень храбро, спасла эту бедняжку. Я горжусь тобой, правда горжусь. Побудь тут, а я скоро вернусь. Как насчет чая к тосту? Могу принести тебе чаю с медом.

— Вы очень добры, спасибо.

Летти ушла, а Наоми устало опустила голову на стол, но сон не шел. Она отхлебнула немного колы, но та была слишком сладкой. Ей хотелось воды. Чистой, холодной воды. Наоми вспомнила про фонтанчик в соседней комнате и поднялась.

Она шагнула за порог, чтобы спросить разрешения. И увидела отца.

Уэйн тащил того через комнату к большой металлической двери. На руках у отца блестели наручники, а на щеке красовался свежий синяк.

Он не выглядел ни злым, ни расстроенным. На губах у него играла ухмылка — вроде той, которая появлялась на его лице всякий раз, когда кто-нибудь пытался указать на его ошибки.

Взгляд его упал на Наоми. Она сжалась в ожидании ненависти. В ожидании гнева.

Все, что она получила, — полное безразличие. Секунда, и фигура отца исчезла за металлической дверью.

В комнате шумели какие-то люди, мелькали непонятные вспышки. Наоми казалось, будто она парит в воздухе. Будто ноги остались где-то еще, а тело зависло здесь само по себе.

Обрывки голосов назойливо лезли в уши.

ФБР, серийный убийца, судмедэксперты, жертвы.

Во всем этом не было ни малейшего смысла.

Никто не замечал Наоми, никому и дела не было до худенькой девочки в мешковатой одежде, с мертвенно-бледным лицом.

Никто не смотрел в ее сторону. А если бы и взглянули, мелькнула у нее мысль, не факт, что заметили бы.

Может, ничего этого просто не существовало. Может, не существовало ее самой.

И только боль в груди казалась вполне реальной. Как будто Наоми упала с высоченного дерева и от удара у нее перехватило дух. И не было сил ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Все поплыло у нее перед глазами, свет из яркого стал нестерпимо тусклым. Будто луна зашла за тучи.

Надежно заперев Боуза, Уэйн вернулся в приемную — в тот самый момент, когда у Наоми закатились глаза. Он метнулся к ней, но не успел. Девочка мешком рухнула на пол.

— Принесите воды! Где этот чертов доктор? И что она вообще тут делает? — Бережно приподняв Наоми, он начал похлопывать ее по щекам, таким бледным, будто они и правда принадлежали призраку, а не ребенку.

— Ах ты, господи боже! Ей нужно было поесть, и я на минутку вышла из комнаты. — Летти присела рядом с кружкой воды.

— Не знаешь, видела она его? Видела, как я приволок этого ублюдка? Летти лишь покачала головой:

— Меня не было минуты две от силы. Смотри, она приходит в себя. Наоми, детка, как ты себя чувствуешь? У тебя был обморок. Вот, глотни воды.

— Я упала в обморок?

— Ничего, все уже позади. Попей немножко.

Сознание вернулось, а вместе с ним и память. Глаза Наоми — два зеленых озера — медленно закрылись.

— Почему он даже не сердится на меня? Ему все равно. Почему так?

По настоянию Уэйна она все-таки глотнула воды, после чего он снова отнес ее в соседнюю комнату. Здесь уже поджидали чай и тост. Наоми немного поела, и ей немедленно стало легче.

Потом все было как в тумане. Пришел доктор Холлин и осмотрел Наоми. Одну ее больше не оставляли. Уэйн вручил ей новую банку с коллой.

В какой-то момент в комнате появился шериф. Шериф Джо Фрэнкс. Наоми знала его, так как училась в школе с Джо-младшим. У шерифа были широкие плечи и мощное тело. Крупная голова на плотной шее. Такое чувство, что было в нем что-то бульдожье.

Шериф устроился напротив нее за столом.

— Как ты себя чувствуешь, Наоми?

Голос у него был низким, с хрипотцой.

— Не знаю, сэр. Пожалуй, хорошо.

— У тебя была нелегкая ночь, да и день обещает быть не лучше. Ты понимаешь, что здесь происходит?

— Да, сэр. Мой папа мучил Эшли. Он запер ее в том старом погребе у сгоревшего дома. Он мучил не только ее, но и других женщин. Там, на стенах, были их фотографии. Я не знаю, почему он так делал. Не знаю, что заставляет людей делать такие ужасные вещи.

— А прежде тебе случалось бывать в том погребе?

— Я даже не знала, что он там есть. Нам нельзя заходить так далеко в лес. Только до ручья, и то с разрешения взрослых.

— А почему ты пошла туда сегодня ночью?

— Я... я проснулась. Стояла ужасная жара. Я сидела у окна и вдруг увидела папу. Как он вышел из дома. Я подумала, что он идет к ручью, охладиться. И мне тоже захотелось искупаться. Я взяла фонарик, надела шлепанцы и выскользнула на улицу. Вообще-то нам нельзя...

— Все в порядке, продолжай. Итак, ты пошла за ним...

— Я надеялась, что он не рассердится, когда увидит меня. Но папа не пошел к ручью, и мне стало любопытно. Хотелось узнать, куда он собрался. А когда увидела тот старый погреб, сразу подумала про велосипед. Решила, что он собирает велосипед на мой день рождения.

— У тебя сегодня день рождения, детка?

— В понедельник. Я очень просила, чтобы мне подарили велосипед. И я решила подождать — мне хотелось увидеть хотя бы одним глазком. Я спряталась и стала ждать, когда папа выйдет. Но потом...

— Что случилось потом?

На мгновение ей вновь захотелось уплыть, отключиться, но шериф смотрел на нее так по-доброму, что ей ничего не оставалось, как только продолжить.

— Он выглядел не так, как обычно, сэр. До того странно, что я напугалась. Я выждала, пока он уйдет. Мне хотелось знать, что же находится там, внизу.

— Сколько ты ждала?

— Не знаю. Мне показалось, что очень долго. На двери в погреб был засов, и мне пришлось потрудиться, чтобы отодвинуть его. Я спустилась вниз и услышала странный звук — будто кто-то скулил. Я подумала, может, это щенок. Нам не разрешали держать собаку, но я подумала, а вдруг. А потом увидела Эшли.

— Что именно ты увидела, детка? Я знаю, такое трудно вспоминать, но это поможет нам в расследовании.

И Наоми пересказала все, как было. В горле у нее пересохло, и она заставила себя глотнуть немного колы.

Шериф задал еще несколько вопросов, и она постаралась отвечать как можно яснее. Наконец он ободрительно похлопал ее по руке:

— Ты сделала доброе дело. Сейчас я приведу твою маму.

— Она здесь?

— Здесь.

— А Мейсон?

— Он у Хаффманов. Миссис Хаффман присматривает за ним, пока он играет с Джерри.

— Хорошо. Они с Джерри часто играют вместе. Шериф Фрэнкс, с мамой все в порядке?

В его глазах промелькнула какая-то тень.

— У нее тоже выдался нелегкий день. — На мгновение он умолк. — Ты сильная девочка, Наоми.

— Не такая уж я и сильная. Сначала меня стошнило, потом упала в обморок.

— Поверь мне, детка. Как-никак я полицейский, — по лицу его скользнула улыбка. — Ты очень сильная. И я хочу предупредить тебя: скоро тут появятся еще люди. Они тоже будут задавать вопросы. Люди из ФБР. Знаешь, что это такое?

— Вроде того.

— Они хотят расспросить тебя. И очень скоро тут появятся репортеры. Много репортеров. Тебе придется поговорить с людьми из ФБР, а вот с журналистами ты общаться не обязана.

Он вытащил из кармана визитную карточку:

— Это мой рабочий телефон, а на обороте я написал домашний. Можешь звонить мне в любое время дня и ночи. Захочешь поговорить со мной, звони. Договорились?

— Да, сэр.

— Спрячь это, а я схожу за твоей мамой.

— Шериф Фрэнкс!

Он повернулся к ней от двери:

— Да, детка?

— Моего папу отправят в тюрьму?

— Да, Наоми.

— Он знает об этом?

— Думаю, да.

Она бросила взгляд на колу у себя в руке, кивнула:

— Ясно.

Папу посадят в тюрьму. И как ей теперь ходить в школу, в церковь или с мамой на рынок? Это даже хуже, чем было с папой Кэрри Портерс, которого упрятали в тюрьму на два месяца за драку в баре. Хуже, чем в тот раз, когда дядю Бастера Крэвита посадили за продажу наркотиков.

Через неделю начнутся занятия в школе. Она придет, а все будут знать, что случилось. Что сделал ее отец, и что сделала сама Наоми. И как ей

смотреть...

Дверь распахнулась, и на пороге возникла ее мать.

Выглядела она так, будто проболела не одну неделю. Осунувшееся лицо, красные, опухшие от слез глаза. Волосы торчком, будто к ним даже не прикоснулись расческой. На маме было выцветшее, мешковатое платье, которое она надевала обычно для работы в огороде.

Наоми со всхлипом поднялась на ноги. Сейчас ей хотелось только одного — прижаться к маме, спрятать голову у нее на груди, найти хоть капельку утешения.

Но из глаз у мамы вновь хлынули слезы. Сотрясаясь от рыданий, она опустилась на пол и спрятала лицо в ладонях.

И вот уже ребенку пришлось утешать мать.

— Не плачь, мама, мы справимся. Все будет хорошо.

— Наоми, они клеветают на твоего папу, говорят ужасные вещи. Утверждают, что это ты им сказала.

— С нами все будет в порядке.

— Это неправда. Этого не может быть. — Сьюзан сжала руки Наоми. — Ты все придумала. Тебе приснился дурной сон.

— Мама, я все видела.

— Ничего ты не видела. Скажи им, что ты ошиблась.

— Это не так. Эшли — девушка, которую он прятал, она сейчас в больнице.

— Она лжет. Это все неправда. Наоми, он твой папа, твоя плоть и кровь! Он мой муж. Полицейские ворвались к нам в дом, надели на твоего папу наручники и уволокли прочь.

— Мама, я сама перерезала веревки.

— Неправда. Прекрати лгать, Наоми. Ты должна прямо сейчас рассказать им, что все это твои выдумки.

Когда Наоми заговорила, голос у нее звучал тускло и невнятно.

— Я содрала скотч у нее со рта. Помогла ей выбраться из погреба. Она с трудом могла двигаться, и на ней совсем не было одежды.

— Нет.

— Он изнасиловал ее.

— Не смей наговаривать на отца! — взвилась Сьюзан.

— На стенах висели снимки. Фотографии других девушек. Еще там были ножи, на которых засохла кровь, веревка и...

— Не хочу, не желаю слушать. — Сьюзан прижала к ушам ладони. — Как ты можешь говорить такое? Почему я должна тебе верить? Он мой муж, мы прожили вместе четырнадцать лет. Я родила ему двух детей. Мы

спали с ним в одной постели.

От гнева ее не осталось и следа. Опустив голову на плечо дочери, Сьюзан разрыдалась:

— Что же нам делать? Что теперь с нами будет?

— Все будет в порядке, — беспомощно повторила Наоми. — Мы справимся, вот увидишь.

* * *

В тот день они так и не смогли вернуться домой. Нужно было дожждаться, пока полиция и ФБР все осмотрят. Но Летти принесла им их собственную одежду, зубные щетки и прочие мелочи. Наоми и ее мать она устроила у себя в гостиной, а Мейсон разделил комнату с ее сыном.

Доктор дал Сьюзан снотворное, так что она смогла наконец вздремнуть. Наоми приняла душ, надела свои вещи, зачесала волосы назад и только теперь почувствовала, что вновь стала собой.

Возвращаясь из ванной, она заглянула в гостиную, чтобы проверить, как там мать. Сьюзан спала. Рядом с ней на кровати сидел Мейсон.

— Не разбуди ее! — прошипела Наоми и тут же устыдилась своей резкости.

По опухшему лицу и покрасневшим глазам было видно, что Мейсон ревел.

— Я просто смотрел на нее.

— Идем отсюда, а то мама проснется и снова начнет плакать.

Он послушался без возражений, что в последнее время было большой редкостью. Просто подошел и крепко обнял ее, уткнулся в нее носом.

— Они пришли к нам в дом, когда мы еще спали. Папа что-то кричал и другие люди, и я выскочил на улицу. Папа дрался с помощником шерифа, а потом его прижали к стенке и надели на него наручники. Совсем как в кино. Он что, ограбил банк? Никто мне ничего не говорит.

— Нет, он не грабил банк.

Если они спустятся вниз, там наверняка будет мисс Летти. Не желая говорить при посторонних, Наоми присела прямо на пол, Мейсон устроился рядом.

— Он обижал людей, Мейсон. Женщин.

— Почему?

— Не знаю. Но он поступал с ними очень плохо.

— Может, это они во всем виноваты.

— Нет, они тут ни при чем. Он запирали их в лесу, в потайном месте, и мучил.

— В каком еще месте?

— В плохом. Теперь его посадят за это в тюрьму.

— Не хочу, чтобы папу сажали в тюрьму, — по щекам у него вновь заструились слезы.

Наоми со вздохом обняла брата за плечи:

— Он делал ужасные вещи, Мейсон. Теперь его точно посадят.

— Маму тоже отправят в тюрьму?

— Нет, она же ни в чем не виновата. Она не знала, что папа мучает людей. Только не донимай ее расспросами. И старайся не нарываться на драку. Про папу сейчас много будут говорить. Тебе наверняка захочется вступить, но лучше этого не делать. Даже если про него будут говорить плохо, это правда.

Мейсон воинственно взглянул на сестру:

— Откуда ты знаешь, что это правда?

— Потому что я все видела, и я знаю. Но мне не хочется больше об этом говорить. Я и так сегодня наговорила. Хорошо бы все закончилось и мы оказались бы где-нибудь далеко-далеко.

— Я хочу домой.

А вот ей домой не хотелось. Там бы она все время вспоминала о том, что находилось в соседнем лесу. О том, что жило с ними под одной крышей, ело за одним столом.

— Мисс Летти сказала, что у них в комнате есть игровая приставка.

Мейсон взглянул на нее со смесью надежды и сомнения:

— Думаешь, нам дадут поиграть?

— Думаю, да.

— А «Донки Конг» у них есть?

— Пошли спросим.

Дома у них не было видеоигр, как не было и компьютера, но они иногда забегали к друзьям, чтобы поиграть. Наоми знала, что Мейсон обожает видеоигры. Мисс Летти охотно усадила его за компьютер, после чего взглядом приказала своему сыну-подростку поиграть с ребенком.

— Я хочу сделать немного лимонада. Наоми, почему бы тебе не помочь мне с этим?

Дом у мисс Летти был на редкость уютным. Чистый и опрятный, с удобной, яркой мебелью и картинами на стенах. Наоми знала, что муж мисс Летти преподает английский в средней школе, а сама она работает помощницей шерифа. Но в глазах девочки дом их выглядел богато.

На кухне она заметила посудомоечную машину. Посреди комнаты тянулась белоснежная стойка, в которую была встроена вторая раковина.

— У вас очень красивый дом, мисс Летти.

— Правда? Мне очень приятно, что ты так думаешь! Надеюсь, вам будет здесь удобно.

— Как вы думаете, долго мы тут пробудем?

— День или два, не больше. — Летти налила в кастрюльку воды и добавила сахара. — Ты делала когда-нибудь домашний лимонад?

— Нет, мэм.

— Тебе понравится. Занимает какое-то время, но куда вкусней покупного.

Наблюдая за тем, как Летти снует у стойки, Наоми заметила, что на ней не было фартука: она просто засунула полотенце за пояс брюк. Дома у них все было по-другому. Отец запрещал маме носить брюки. Женщины, считал он, должны ходить в платьях и юбках.

Как наяву услышала она голос отца, и внутри все сжалось в тугой комок. Нет уж, лучше она будет думать о чем-то другом.

— Мисс Летти, а что вы делаете в офисе шерифа?

— Ну как же, помогаю ему с работой.

— Как мистер Уэйн?

— Именно.

— Значит, вы знаете, что будет дальше. Не могли бы вы сказать, чего нам ждать?

— Могу лишь предположить, поскольку дело передали в ФБР. Мы теперь у них в помощниках. Для начала они соберут все факты, опросят свидетелей. К твоему папе приставят адвоката. Много будет зависеть от того, какие показания твой отец даст на допросе. Я знаю, все это нелегко, но лучше тебе забыть пока про беспокойство.

— За папу я не переживаю. — Это она уже для себя уяснила. — Но мне нужно позаботиться о маме. И о Мейсоне.

— Что ты, детка, — Летти тщательно размешала сироп, — это тебе нужна забота.

— Мама всегда слушалась папу. Без его указаний она будет совсем беспомощной. А Мейсон слишком мал, чтобы во всем разобраться. Он не знает, что такое изнасилование.

Летти со вздохом прижала к себе Наоми.

— Это не твоя забота — поддерживать остальных. А где сейчас брат твоей мамы? Где твой дядя Сет?

— В Вашингтоне. Но нам не разрешают с ним общаться, потому что

он гомосексуалист. Папа называет его отвратительным типом.

— Я знала твоего дядю. Он на пару лет моложе меня. Мы вместе учились в школе. У меня он никогда не вызывал отвращения.

— В Библии сказано... — Наоми поморщилась при мысли о Библии. Точнее, при мысли о том, чему учил ее папа. Пора уже думать своей головой.

— Дядя всегда был добр к нам. У него приятный смех, я помню. Но папа запретил ему появляться у нас дома. Мама не могла даже говорить с ним по телефону.

— А если я попрошу его приехать?

У Наоми вдруг перехватило горло, так что она могла только кивнуть в ответ.

— Вот и хорошо. Как только сироп будет готов, я попытаюсь связаться с твоим дядей. А потом научу тебя выжимать лимоны — это то, что нравится мне больше всего.

Позже они сидели на кухне и запивали собственноручно приготовленным лимонадом сырные сэндвичи. С тех пор это стало любимой закуской Наоми.

Мама ее все спала и спала, и Наоми впервые в жизни попросила дать ей какую-нибудь работу. Летти разрешила ей прополоть цветочные клумбы и грядку с овощами, после чего Наоми подсыпала семян в кормушку для птиц.

Усталость наконец-то сморила ее, и девочка, растянувшись на траве, погрузилась в сон.

Проснувшись она внезапно, совсем как прошлой ночью. Что-то напугало ее. Шорох? Чье-то движение?

Она села, с ужасом ожидая увидеть над собой отца. Ей отчетливо представилась его фигура — нож в одной руке, веревка в другой.

Но мужчина, пристроившийся поблизости на плетеном стуле, не был ее отцом. Первым делом Наоми разглядела брюки хаки и тенниску. Подняв голову, она увидела ярко-голубую рубашку, украшенную фигуркой крохотного наездника.

Красивое, без морщинок, лицо с такими же зелеными, как у Наоми, глазами. На густых каштановых волосах — легкая летняя шляпа.

— Я заснула.

— Что может быть лучше, чем вздремнуть в такой жаркий денек где-нибудь в тени? Ты помнишь меня, Наоми?

— Дядя Сет.

В груди у нее снова сжалось, но уже не от страха. Все вдруг стало

легким и до странности ярким.

— Ты приехал. — Давясь рыданиями, она поспешила обнять его, раствориться в его тепле. — Не оставляй нас. Пожалуйста, не оставляй нас!

— Не бойся, детка, я вас не брошу. Хватит переживать. Я здесь, и я о вас позабочусь.

— Ты подарил мне нарядное розовое платье.

Он рассмеялся, и ей вдруг стало легче дышать. Потом он достал из кармана белоснежный платок и аккуратно промокнул ей слезы.

— Ты еще помнишь? Тебе ведь было лет шесть, не больше.

— Оно было таким красивым, таким нарядным. Мама спит. Все спит и не просыпается.

— Это то, что ей сейчас нужно. А ты подросла, детка. Только взгляните на эти длинные ножки! Правда, немножко поцарапанные.

— В лесу было совсем темно.

Он крепче прижал ее к себе. Пахло от него чем-то приятным вроде лимонного шербета.

— Сейчас светло, и я с вами. Как только все утрясется, мы вместе поедem ко мне домой. Ты, Мейсон и ваша мама.

— Мы будем жить с тобой в Вашингтоне?

— Верно. Со мной и с моим другом Гарри. Он тебе понравится. Гарри играет с Мейсоном в «Донки Конг», так им проще познакомиться друг с другом.

— Он гомосексуалист?

— Вроде того.

— Но симпатичный, как ты?

— Это уж тебе судить.

— Мы с Мейсоном скоро должны идти в школу.

— Вы и пойдете. Там, куда уедете со мной. Не возражаешь?

Ее охватило невероятное чувство облегчения. Не в силах справиться с эмоциями, Наоми только кивнула.

— Не хочу оставаться здесь. Все очень добры к нам. Мисс Летти, помощник шерифа, сам шериф. Он даже дал мне свой телефон, чтобы я могла звонить, если нужно. Но я все равно хочу уехать.

— Как только нам разрешат, мы сразу уедем.

— И я не хочу встречаться с папой. Не хочу его видеть. Я знаю, это нехорошо с моей стороны...

— Вот еще глупости! Тебе совсем не обязательно с ним видеться.

— Ты скажешь маме? Она непременно захочет взять меня с собой. Меня и Мейсона. А я не хочу его видеть. Он меня даже не заметил. Нельзя

ли нам сразу уехать в Вашингтон?

Дядя Сет обнял ее, как обнимают малышей.

— Я постараюсь, чтобы все закончилось побыстрее.

* * *

Уехать им удалось через неделю, хотя в доме мисс Летти они не провели и одной ночи. В городок, как и предсказывал шериф, нагрянули репортеры. Они приезжали толпами, с камерами и фотоаппаратами. Обступив дом, они терпеливо ждали, пока кто-нибудь появится в дверях, чтобы обрушиться на него с вопросами.

Никто даже не вспомнил про ее день рождения, но Наоми было все равно. Впервые в жизни ей самой хотелось забыть про него.

Их переселили в дом на окраине Моргантауна, где было уже не так уютно, как у мисс Летти. Вместе с ними поселились люди из ФБР — из-за репортеров, а еще из-за угроз, которые уже начали поступать.

Наоми слышала, как один из полицейских говорил об этом. Ее отца тоже собирались увезти куда-то подальше в целях безопасности.

Ей многое удалось услышать в эти дни.

Мама успела поругаться с дядей Сетом: ей не хотелось уезжать из городка. И она собиралась взять детей на свидание с их отцом. Но дядя Сет сдержал обещание: в тюрьму мама поехала одна, в сопровождении женщины-полицейского.

После второго свидания она вернулась домой и наглоталась таблеток. И проспала целых двенадцать часов.

Еще Наоми слышала, как дядя разговаривал с Гарри: они собирались сделать кое-какую перестановку, чтобы в их доме могли поселиться еще три человека. Наоми понравился Гарри — Гаррисон Доббс. Правда, ее порядком озадачило, что он не был белым. Хотя и чернокожим его не назовешь — лицо цвета карамели. Вроде той, какой покрывали мороженое. Наоми любила мороженое, но ей не часто удавалось заслужить подобное лакомство.

На этом карамельном лице особенно выразительно смотрелись яркосиние глаза. Гарри был шеф-поваром. Как он доверительно объяснил Наоми, это такой человек, который готовит всякие вкусности. Мужчина на кухне был для Наоми в диковинку, но вскоре она привыкла, что Гарри каждый вечер сам готовит ужин. Он подавал на стол блюда, о которых она даже не слышала.

Вкусные и красивые, вроде тех, что показывали по телевизору.

Мейсону они купили Нинтэндо^[1], а ей с мамой подобрали несколько новых нарядов. Наоми даже решила, что могла бы пожить и в этом случайном доме, если бы Сет и Гарри остались с ними.

Как-то вечером, когда ее мама вернулась из тюрьмы, со свидания с отцом, они вновь поругались с Сетом. Наоми пугали эти ссоры: что, если дядя снова решит уехать от них?

— Я не могу вот так все бросить и уехать. Как я увезу детей от отца?

— Сьюзи, он никогда не выйдет из тюрьмы. И ты хочешь раз за разом таскать к нему детей? Зачем ты обрекаешь их на такую участь?

— Том — их отец.

— Твой Том — настоящее чудовище.

— Не смей так говорить о нем!

— Чудовище, и тебе это прекрасно известно. Сьюзи, ты нужна детям, так займись же наконец ими. Этот человек не заслуживает и минутки твоего времени.

— А как же брачный обет? Я поклялась любить, почитать и слушаться мужа.

— Он тоже клялся, но что толку? Господи боже, он изнасиловал, замучил и задушил больше двадцати женщин — и это лишь то, в чем он признался. Чем похвалялся на каждом допросе. Больше двадцати молоденьких девушек. Он мучил их, а потом приходил к тебе, в вашу общую постель.

— Хватит! Прекрати! Хочешь, чтобы я поверила в эти ужасы? И как мне жить с этим? Как мне жить дальше, Сет?

— У тебя двое детей, которым нужна мать. Я хочу помочь тебе, Сьюзи. Мы уедем туда, где дети будут в полной безопасности. Вы пройдете курс лечения у психотерапевта. Детей мы отправим в хорошую школу. Только не заставляй меня распоряжаться твоей жизнью, как это делал он. Я готов позаботиться о тебе и о детях, но ты должна вспомнить ту Сьюзан, какой ты была до замужества. Уверенную в жизни и в себе.

— Как ты не понимаешь? — Мольба в голосе матери была подобна открытой ране, которой не дано затянуться. — Уехать сейчас — значит признать, что все это правда.

— Так и есть. Он сам во всем признался.

— Его заставили.

— Хватит, Сьюзи, перестань. Твоя собственная дочь видела то, что он сотворил. Видела своими глазами.

— Она придумала...

— Хватит, Сьюзи.

— Я просто не верю... Ну как я могла ничего не заметить? Я прожила с ним почти половину своей жизни и ничего не видела. Как такое могло быть? Все эти репортеры, они кричали мне о том же.

— Плевать на репортеров. Завтра мы уедем отсюда. Ну, где же твой гнев, Сьюзи? Почему ты не злишься на него за то, что он сделал? За то, в какое положение он поставил тебя и детей? Надеюсь, рано или поздно ты сможешь встряхнуться, пока же постарайся просто довериться мне. Так оно будет лучше. Завтра мы уедем, и ты сможешь создать новую жизнь для себя и детей.

— Я даже не знаю, с чего начать.

— Начни собираться. Пусть это станет для тебя первым шагом.

Сет ушел, а мать продолжала плакать. Но в скором времени Наоми услышала хлопанье ящиков.

Похоже, она все-таки собирает вещи.

Утром они уедут. Уедут отсюда навсегда.

Закрыв глаза, Наоми мысленно возблагодарила своего дядю. Неделей раньше она спасла жизнь Эшли. И вот теперь дядя спасает ее саму.

Три

В окрестностях Вашингтона Наоми прожила пять месяцев, две недели и пять дней. За этот небольшой промежуток времени она испытала столько взлетов и падений, столько радостей и горестей, что большая часть их давно выветрилась из ее памяти.

Ей нравился их дом в Джорджтауне. Нравились высокие потолки и яркие краски, уютный задний дворик и фонтан с небольшой запрудой.

Большой город покорила ее воображение: Наоми могла часами сидеть у себя на подоконнике, разглядывая бесконечный поток машин и прохожих. Комната ей досталась просто замечательная. Здесь был шкаф вишневого дерева — настоящий антиквариат, а не какая-то там развалюха — с большим овальным зеркалом, тоже обрамленным вишней. В распоряжении Наоми оказалась двуспальная кровать — роскошь, о которой она и не мечтала. Постельное белье было мягким и шелковистым. Укладываясь спать, она легонько водила пальцами по подушке — безмолвная колыбельная, неизменно погружавшая ее в дрему.

Стены нежно-золотистого оттенка украшали фотографии цветов, так что в комнате у нее был собственный сад.

Эта комната нравилась Наоми даже больше, чем мамина, хотя в той были роскошная кровать с бледно-зеленым балдахином и множество других, столь же элегантных вещей.

Мейсон спал на раскладном диване в комнате, которую дядя называл второй гостиной. Но в первые несколько недель он чаще всего ночевал у Наоми — забирался к ней в кровать или вовсе пристраивался на коврик, как большой щенок.

Гарри сводил их в свой ресторан, где на столах красовались свечи и цветы. Он провел для них экскурсию по большой кухне, наполненной жаром, суетой и всевозможными шумами.

Учебный год она встретила в состоянии нервного возбуждения. Новая школа. Новый мир, где никто ее не знал. Это и пугало, и завораживало. Для начала пришлось привыкать к новому имени. Теперь она была Наоми Карсон, новенькая, и кое-кто потешался над ее акцентом. Зато никто из школьников не знал, что ее папа сидит в тюрьме.

Ей не очень-то нравилось ходить к психотерапевту. Сама доктор Осгуд, молоденькая, приятная женщина, вызывала у нее только симпатию. Но как можно было говорить с чужим человеком о родителях и о брате и, что еще

хуже, о той ночи в лесу?

У Мейсона был свой доктор, мужчина. Сеансы ему нравились, так как доктор разрешал говорить про видеоигры и баскетбол. Так, по крайней мере, утверждал сам Мейсон. Но уже через несколько недель такой, казалось бы, пустой болтовни он перестал приходить на ночь к Наоми. Одиночество его уже не пугало.

Их мать общалась с другим доктором... когда ей случалось до него добраться. Чаще всего она ссылалась на плохое самочувствие и отправлялась в постель с уже привычной головной болью.

Раз в неделю она брала у дяди Сета машину и уезжала в тюрьму — в исправительное учреждение Хазелтона. Дорога туда и обратно занимала восемь часов. И все это — ради краткой беседы через стекло. Домой она возвращалась ужасно измученной и постаревшей.

И все же она продолжала туда ездить.

В целом жизнь вошла в привычную колею. Мейсон и Наоми ходили в школу, Гарри — в свой ресторан, а Сет в офис, где он занимался инвестированием чужих денег. Мать Наоми устроилась подрабатывать официанткой.

Но как-то вечером Сет вернулся домой с бульварной газетенкой в руках, и тут разразилась целая буря.

Наоми поежилась. Ни разу еще не видела она дядю таким разгневанным, ни разу не слышала, чтобы он на кого-нибудь поднял голос. И теперь она просто не знала, что делать. Она как раз готовила ужин — курицу с рисом, как научил ее Гарри. Мейсон сидел за кухонным столом и корпел над домашними заданиями. Мама сидела тут же, отрешенно глядя в пространство.

Она подскочила, когда Сет с размаху хлопнул газетой о стол. На передней странице Наоми увидела фотографию своего отца и — о ужас! — собственный снимок, сделанный еще в ту пору, когда она училась в Сосновом лугу.

— Как ты могла?! Как ты могла поступить так со своими детьми, с собой?

Сьюзан сжала золотой крестик, висевший у нее на шее.

— Не кричи на меня. Я им практически ничего не сказала.

— Ты сказала им больше, чем достаточно. Это ты дала им фотографию Наоми? Ты разболтала, что мы живем в Джорджтауне?

Наоми заметила, что плечи у мамы поникли. Раньше так бывало в тех случаях, когда отец бросал на нее недобрый взгляд.

— Мне заплатили пять тысяч долларов. Мне ведь тоже надо

зарабатывать деньги!

— Каким же образом? Продавая в газеты фотографии дочери?

— Они бы и без меня могли достать этот снимок. Ты же знаешь, газеты треплют наше имя уже много недель. Этому просто нет конца.

— У них не было фотографии Наоми, Сьюзан. — Сет устало потянул узел на галстуке. — И они не знали, где вы теперь живете.

В этот момент зазвонил телефон, и он вскинул руку, чтобы остановить Наоми.

— Не снимай трубку. Пусть сработает автоответчик. Они уже названивали мне сегодня в офис. Газетчикам не составит труда разыскать номер, не внесенный в справочник. Не внесенный, чтобы защитить тебя и твоих детей, Сью. Убереечь вас от того, что сейчас начнется.

— Они и так не оставляют меня в покое. Всякий раз, когда я появляюсь в тюрьме, они уже там, — поджала губы Сьюзан.

Наоми заметила, что вокруг рта у нее залегли глубокие морщины. Морщины эти появились не так давно, после той летней ночи.

— Том сказал, что нам удастся неплохо заработать. Сам он этого сделать не может, таков закон, но...

— Но ты можешь сделать это за него.

Сьюзан вспыхнула, то ли от гнева, то ли от замешательства.

— У меня есть обязанности перед мужем, Сет. Его держат взаперти, в одиночестве. Ему нужны деньги, чтобы нанять хорошего адвоката... чтобы тот помог ему перебраться в общую зону.

— Бог ты мой, Сьюзи, да это бред чистой воды! Ты что, не видишь, что тебе скормливают всякую чушь?

— Поаккуратнее выбирай слова!

— Слова, значит, тебя беспокоят, а вот это нет? — Сет хлопнул рукой по газете. — Ты хоть читала, что тут написано?

— Нет-нет, я не желаю это читать... Они все донимали меня, и Том сказал, что к нему будут относиться с большим уважением, если он сможет рассказать всем свою историю. И что я должна поддержать его.

— Никто не уважает желтую прессу. Даже он должен это понимать. — Сет поморщился, как если бы от боли. — Кто еще тебя донимал? С кем ты успела пообщаться?

— Я говорила с Саймоном Вэнсом.

— С писателем. Криминальное чтиво.

— Вэнс — профессионал. Его издатель собирается заплатить мне двадцать пять тысяч долларов. Об этом прямо сказано в контракте.

— Ты подписала контракт?

— Они же профессионалы. — Сьюзан вскинула руки, словно отражая возможную атаку. — И они заплатят еще, когда заключат договор с кинокомпанией. Так мне сказали.

— Сьюзан. — В голосе дяди Наоми отчетливо различила отчаяние. — Что же ты наделала?

— Я не могу всю жизнь обслуживать столики. Доктор, к которой я ходила, посоветовала мне поработать над самооценкой. Мне нужно найти местечко поближе к тюрьме, чтобы не тратить столько времени на дорогу. Том хочет, чтобы мы с детьми поселились где-нибудь поблизости.

— Я никуда не поеду.

Сьюзан вспыхнула, услышав голос Наоми.

— Не дерзи мне.

— Я просто говорю. Я никуда не поеду. Если ты увезешь меня отсюда, я сбегу.

— Ты поступишь так, как скажем мы с папой. — Истерика, в голосе ее матери отчетливо звучали истерические нотки. — Мы не можем здесь оставаться.

— Почему же это, Сьюзан? — тихо спросил Сет. — Почему вы не можете остаться?

— Ты живешь с мужчиной, Сет, живешь во грехе. С черным мужчиной.

— Наоми, детка. — Он говорил все также спокойно, и лишь глаза неотрывно смотрели на Сьюзан. — Почему бы вам с Мейсоном не подняться пока наверх?

— Я же готовлю ужин.

— Пахнет просто великолепно. Сними пока с огня, хорошо? И поднимись с Мейсоном наверх, помоги ему с уроками.

Мейсон, соскользнув со стула, обнял дядю.

— Не разрешай ей увозить нас, пожалуйста. Я хочу остаться с тобой.

— Ни о чем не беспокойся. Иди пока наверх с сестрой.

— Пошли, Мейсон. — Наоми взяла со стола его вещи и оглянулась. — В Гарри нет ничего плохого. Только ты видишь в этом грех.

— Ты не понимаешь... — начала было Сьюзан.

— Я-то понимаю. Начала понимать с той ночи в лесу. А вот ты, мама, так ничего и не поняла. Идем, Мейсон.

Сьюзан снова принялась плакать. Сет молча поднялся, открыл холодильник и достал оттуда бутылку вина. Он не стал уговаривать сестру сесть, а просто налил себе стакан.

— Ты знала о том, что я гей, с тех пор как мне исполнилось

четырнадцать. Как раз тогда я собрался с духом и рассказал тебе обо всем. Мне потребовалось чуть больше времени, чтобы признаться маме и папе. Надо сказать, что в целом они восприняли эту новость достаточно неплохо. Но первым делом я признался своей старшей сестре. Помнишь, что ты сказала в ответ?

Сьюзан все также плакала, закрыв лицо руками, и Сет снова поднял стакан с вином.

— Ты сказала, только не пытайся ухаживать за теми парнями, на кого я сама положила глаз. Куда подевалась та девочка, Сьюзи? Та, что могла поддержать меня в самый нужный момент? Что способна была рассмешить, когда я готов был заплакать? Та девушка принимала меня таким, какой я есть.

— Мне так жаль. Прости меня.

— Очень хорошо, Сьюзан. Но я хочу сказать кое-что... и хочу, чтобы ты меня услышала. Никогда не говори в подобном тоне про мужчину, которого я люблю. Договорились?

— Прости меня. Ради бога, прости. От Гарри я видела только добро. И я, и дети. Я знаю, что он любит тебя. Но...

— Наша связь — непростительный грех. Так ты думаешь? Именно это подсказывает твое сердце?

Она присела к столу.

— Не знаю. Я просто не знаю, что думать. Четырнадцать лет, Сет. Четырнадцать лет замужества. Том не был поначалу таким жестким. Все изменилось постепенно. Так постепенно, что я и не заметила. Он не хотел, чтобы я работала, а я в то время как раз была беременна Наоми. И решила, что это даже хорошо. У меня будет время, чтобы обустроить дом, позаботиться о нашей дочке. Потом он отказался встречаться с мамой и папой — всегда находил оправдания, чтобы не ездить к ним. Затем он и мне стал запрещать такие поездки. Он был главой семьи, Сет. Ну как я могла не послушаться. Потом он положил конец и их визитам.

— Словом, обрубал все связи с внешним миром. Отрезал от всех, кто тебя любил.

— Наша семья — вот о чем я должна думать, повторял он раз за разом. А тут еще родился Мейсон, и Том еще туже закрутил гайки. Но он работал не покладая рук, оплачивал все наши счета. Ни разу он не ударил меня, клянусь. Ни меня, ни детей. То, чего он хотел, устанавливалось как бы само собой. Я скучала по маме и папе. Я ужасно скучала по тебе, но все это...

Сет взял еще стакан и налил ей вина. Подвинул через стол.

— Я не пила ничего крепче церковного вина, с тех пор как

забеременела Наоми. Когда-то я была такой, как она, — храброй, сильной и слегка безрассудной. Разве нет?

— Верно.

— Я потеряла это, Сет. Потеряла себя.

— Ты можешь обрести все заново.

Сьюзан покачала головой:

— Я так устала. Вот бы уснуть и не просыпаться... до тех пор, пока все не кончится. Она ведь правда имела в виду то, что сказала. Я про Наоми. Она не поедет со мной. А если я все-таки заставлю ее, сбежит и заберет с собой Мейсона. Она не бросит брата, как я когда-то бросила тебя. Теперь мне придется выбирать между моими детьми и моим мужем.

— Когда-то ты уже предпочла его всем своим близким.

— Жена да прилепится к мужу. — Со вздохом она взяла свой стакан, сделала осторожный глоток. — Чудесное вино. Я совсем забыла, какое оно на вкус. Я дала клятву верности, Сет, когда выходила замуж. Я знаю, Том нарушил обет, он совершил то, о чем и подумать страшно... По крайней мере, иногда мне это ясно. Но мне так трудно пойти против своих обещаний. Трудно признать, что человек, которого я выбрала в мужа, сидит теперь в тюрьме. Я уже не чувствую ничего, кроме усталости. Если бы я только могла, проспала бы до конца своей жизни.

— Это депрессия, Сьюзи. Нельзя бросать лечение. Оно обязательно подействует, нужно только запастись терпением.

— Такое чувство, что прошли уже годы. Знаешь, Сет, когда я еду на свидание в Хазелтон, неизменно говорю себе, что это в последний раз. Не хочу видеть больше тюремные стены, проходить через процедуры на входе. Говорить с ним через стекло. А тут еще эти репортеры и другие... они специально поджидают меня там, выкрикивают ужасные вещи. Ты даже не представляешь...

— Ну так перестань подставляться.

Она вновь покачала головой:

— Понимаешь, Том... он умеет повернуть все так, что я начинаю сомневаться в самой себе. В результате я делаю именно то, что он говорит. Я же знала, что мне не стоит говорить с репортерами. Знала, что не нужно подписывать контракт. Но во мне не осталось ни сил, ни гордости, и я сделала так, как он просил. Он сказал, возьми у них деньги, подпиши бумаги. Том хотел, чтобы я положила деньги на его тюремный счет и нашла дом где-нибудь поблизости. Предполагалось, что я по-прежнему буду посещать его каждую неделю. И раз в месяц приводить к нему детей.

— Я сделаю все, чтобы этого не случилось. Если надо, пойду в суд. Я

могу проиграть, но я постараюсь не допустить, чтобы ты таскала туда детей.

— Она этого не допустит. Моя дочка. — Сьюзан со всхлипом смахнула слезу. — Она не поедет и будет биться насмерть, лишь бы не пустить Мейсона. Боюсь, не очень-то хорошая мать из меня получилась.

— Не сдавайся. — Сет сжал ее руку. — Соберись с силами. Через пару недель посмотрим, что делать дальше. Тебе стоило бы вернуться к психотерапевту.

— Я постараюсь, клянусь тебе. Знаешь, я очень благодарна вам с Гарри. И мне ужасно стыдно, что я послушала Тома... после всего, что вы для нас сделали.

— Не переживай, мы справимся.

— Сейчас я поднимусь наверх, поговорю с детьми. Потом мы спустимся и вместе закончим ужин.

— Неплохое начало. Я люблю тебя, Сьюзи.

— Видит бог, мне нужна твоя любовь. — Она встала из-за стола. — Я тоже люблю тебя. Мне бы не хотелось, чтобы ты совсем потерял в меня веру.

— Что ты, такого никогда не случится.

Сжав на мгновение его руку, она вышла из кухни и зашагала вверх по лестнице. Труднейший путь в ее жизни. Труднее, чем эти еженедельные визиты в тюрьму.

Сьюзан подошла к комнате Наоми и взглянула на детей, устроившихся прямо на полу. На лице Мейсона виднелись следы слез, и от этого зрелища ей стало еще хуже, ведь это она заставила его плакать.

Другое дело Наоми. Заслышав шаги матери, она вскинула голову и взглянула на нее с прежней непримиримостью.

— Прежде всего я хочу извиниться. Мне не следовало говорить так про вашего дядю и Гарри. Это было ужасно и некрасиво. Надеюсь, вы сможете простить мне мои слова. Еще я хочу сказать, что вы абсолютно правы. Вы оба. Мы никуда не уедем от Сета и Гарри. И мне не стоило говорить с теми людьми. Из газеты и из издательства. Я не могу повернуть время вспять и все исправить, но я обещаю, что никогда не поступлю так впредь. Мне очень стыдно, Наоми, что я дала им твою фотографию. Даже не знаю, что теперь с этим делать. Но я обещаю исправиться. Я очень постараюсь. Конечно, проще сказать, чем сделать, но я надеюсь, вы дадите мне еще один шанс.

— Конечно, дадим. — Вскочив, Мейсон бросился к ней в объятия.

— Спасибо тебе, мой мальчик. — Наклонившись, Сьюзан поцеловала

его в макушку и бросила взгляд на Наоми: — Я понимаю, что тебе будет труднее поверить в мою искренность.

Но та в ответ лишь покачала головой и тоже бросилась на шею матери.

* * *

Она и правда сделала все возможное, хотя и дальше случались провалы, причем весьма серьезные. Раздавая интервью и продавая фотографии, Сьюзан распахнула дверь, которую брат ее усиленно пытался закрыть.

Одна история потянула за собой другие. Репортеры осаждали Сета, подкарауливая его у входа в офис. Папарацци удалось заснять Наоми по пути в школу и Мейсона, который играл на детской площадке.

Телешоу только подогревали страсти, давая возможность высказаться всякого рода «экспертам».

Позже в прессу просочились новости, что такой известный писатель, как Саймон Вэнс, заключил сделку с Томасом Боузом и его женой, и все закрутилось по новой.

С началом нового года они сидели впятером в своей уютной гостиной. В камине потрескивали угольки, а праздничная елка сияла, будто ожившая надежда.

Гарри приготовил всем горячий шоколад. Мейсон устроился на полу со щенком, которого ему подарили на Рождество — его заветное желание наконец-то осуществилось. Щенка он назвал Конгом в честь своей любимой компьютерной игры.

Выглядело все просто чудесно, думала Наоми. Щенок, горячий шоколад на столе и дерево, которому предстояло простоять еще не один день.

Но что-то было не так, она чувствовала это всем нутром. Неудивительно, что она так и не притронулась к своему шоколаду.

— Мы с Гарри хотим кое-что сообщить вам, — начал Сет, и внутри у Наоми все сжалось.

Все ясно, их отправят прочь. Слишком уж много от них проблем. Репортеры и просто зеваки, которые приходят поглазеть на дом.

На Хеллоуин их закидали яйцами, а потом, что еще хуже, на машине Сета появилась надпись:

РОДСТВЕННИЧЕК УБИЙЦЫ

Мама потеряла место официантки. Репортеры разнюхали, где она работает, и менеджеру пришлось уволить ее.

— Это важные новости, — продолжил Сет, сжимая руку Гарри.

Наоми опустила голову, лишь бы не видеть выражения его лица, когда он скажет, что им лучше перебраться куда-нибудь еще.

— Мы с Гарри открываем ресторан.

Она в изумлении уставилась на дядю. Комок в груди не казался уже таким большим.

— Мы нашли подходящее местечко и решили, что пора начать свой бизнес, — подмигнул Гарри. — Мы и название уже придумали: «Наше место».

— Так просто? — спросил Мейсон, продолжая возиться с беспечно-счастливым щенком.

— Вовсе не просто. Мы решили превратить свой ресторан в такое место, где отбоя не будет от посетителей.

— А где это? — Беспечно-счастливая, как щенок, Наоми поднесла к губам кружку с шоколадом. — Можем мы взглянуть на него?

— Само собой, но не сразу. Дело в том, что это в Нью-Йорке.

— Вы переезжаете?

— Мы все переезжаем. Нью-Йорк, Вест-Виллидж. Новый дом, новая жизнь.

Наоми взглянула на мать. Та молчала, крепко сцепив руки.

— А как же ваш дом? Этот дом?

— В Нью-Йорке у нас будет другой. — Сет с улыбкой хлопнул Гарри по плечу. — Сами увидите. Не дом, а сказка.

— Вы переезжаете туда из-за нас. Из-за всех этих людей, от которых нет прохода.

Сет уже собирался ответить, но Гарри опередил его:

— Это не совсем так. Я давно мечтал о своем ресторане, и сейчас, похоже, наступил удачный момент. Ну а дом... что ж, мы готовы с ним расстаться.

— Мы заранее все обговорили. Я, Гарри, ваша мама. Так будет лучше для всех. Если не возражаете, мы официально сменим вашу фамилию на Карсон. Плохо только, что вам снова придется приспособливаться к новому окружению.

— Это не важно. — Наоми грозно взглянула на Мейсона — на случай, если тот решится возразить.

— С терапевтами тоже придется распрощаться, — продолжил Сет. — Но нам порекомендовали хороших специалистов в Нью-Йорке.

— Мне не нужен больше врач, — покачала головой Наоми. — Я скажу, если мне потребуется помощь. Но раз уж это новое место, я тоже хочу быть новой. Хочу отрезать волосы.

— Наоми, — вздохнула Сьюзан.

— Да, мама. Не хочу быть похожей на ту девочку, чьи снимки были во всех газетах. Если нужно, я могу постричься сама.

— Ну уж нет, — добродушно хохотнул Сет, — так не пойдет. Мы отведем тебя в хороший салон. Ей уже тринадцатый год, Сью. Пусть сама решает, как лучше.

— Конечно, нас могут найти и в Нью-Йорке. Но им придется потрудиться, если я буду выглядеть иначе. Мейсон уже выглядит немножко по-другому. Он подрос, и волосы у него тоже чуть отросли. И мне все равно, какая у меня фамилия. Лишь бы не Боуз. Прости, мама, если я задела твои чувства.

Сьюзан не ответила. Она так и сидела, не поднимая взгляда.

— А Конг поедет с нами в Нью-Йорк? Я не хочу оставлять его тут.

— Само собой, Мейсон. — Гарри взял у него извивающегося щенка. — Этот пес будет в Нью-Йорке как нельзя кстати.

— Это моя вина в том, что все снимаются с насиженного места.

— Да нет, Сьюзи. Рано или поздно они бы все равно нас выследили. Мы были слишком беспечны. Отныне мы станем осторожней. Новое место, новая жизнь. — Сет с улыбкой глянул на Наоми. — Новая внешность.

— Когда? — спросила Наоми.

— Завтра мы выставим дом на продажу. Агенту обещаны хорошие комиссионные. В Нью-Йорке нас поджидает новый дом, с четырьмя спальнями, так что у тебя, Мейсон, будет своя комната.

— Моя и Конга!

— Твоя и Конга.

— А можно мне двухъярусную кровать?

— Договорились. Наоми, как ты? Как тебе идея с переездом?

— Я только рада. Вы снова сможете обзавестись друзьями. Сможете ходить на вечеринки. Этой зимой вы не отметили толком ни Рождество, ни Новый год.

Гарри вручил щенка Сету.

— Кажется, от тебя ничто не может ускользнуть.

— Почти. И мама уже не станет ездить из Нью-Йорка в тюрьму. Я знаю, ты была там лишь несколько раз после того... после того как подписала те бумаги. Но ты всегда возвращаешься оттуда такой печальной. Нью-Йорк дальше. А для нас чем дальше, тем лучше.

— Ты знаешь, Наоми, я стараюсь держаться.
— Мама, ты хорошо с этим справляешься. — Наоми подошла к матери и крепко обняла ее. — В Нью-Йорке будет еще лучше. Я знаю.
— Итак, Нью-Йорк? — спросил Сет.
— Нью-Йорк! — воодушевленно воскликнул Мейсон.

* * *

Через две недели дом был продан по цене, на десять тысяч превышавшей заявленную.

Все усердно паковали вещи. Наоми слышала, как Сет платил перевозчикам сверх нормы, чтобы те приезжали по ночам и вывозили все небольшими фургонами.

В марте, когда повсюду задували ветры и снег мешался с дождем, они уехали из Джорджтауна. Уехали посреди ночи, будто воры.

Наоми взглянула на удаляющийся дом, и сердце ее невольно сжалось. Но уже в следующее мгновение она отвернулась и провела рукой по своей новой стрижке, которую Сет окрестил так: «Стиль и вызов».

Новая внешность, подумала она. Новое место, новая жизнь.

Нет, она не станет оглядываться назад.

Четыре

Нью-Йорк, 2002

В свои шестнадцать Наоми Карсон вела такую жизнь, о которой Наоми Боуз могла только мечтать. У нее была чудесная комната в старом особняке, в городе, полном шума и красок. Сет и Гарри не жалели на нее денег. Наоми баловали покупками, билетами на концерты и, что самое главное, доверием. Доверием, которое порождало свободу.

Она, в свою очередь, делала все, чтобы его оправдать. В школе она получала лишь высшие баллы, что позволяло ей присматриваться к колледжу Провиденс в Род-Айленде. Наоми собиралась стать профессиональным фотографом.

На первое Рождество в Нью-Йорке ей подарили «мыльницу» от Фудзи, с этого и началось ее увлечение. Интерес со временем не угас, а лишь усилился, так что на свой шестнадцатый день рождения Наоми получила уже профессиональный Nikon.

Это позволило ей присоединиться к редакции их школьной газеты в качестве официального фотографа. Опыт ее расширялся, навыки улучшались, и в итоге Наоми удалось собрать приличное портфолио, с помощью которого она рассчитывала поступить в интересующий ее колледж.

Все эти годы она усердно работала над произношением, стараясь избавиться от своего акцента. Наоми хотелось, чтобы ничто уже не связывало ее с первыми двенадцатью годами жизни. Порой в ее речи проскальзывали прежние нотки, но случалось это все реже и реже.

Она обзавелась друзьями и время от времени бегала на свидания. Но у нее, в отличие от сверстниц, не было постоянного бойфренда. Не стоит переживаний, решила для себя Наоми.

Ей нравилось целоваться — конечно, если парень в этом хоть что-то смыслил. А вот к другим ласкам она была пока не готова.

Как-то раз она позволила Марку Райдеру коснуться ее груди — у нее наконец-то выросла грудь, хоть и не слишком внушительная. Наоми хотелось почувствовать, на что это похоже. Но вместо возбуждения она ощутила одну лишь неловкость.

Марк был не в восторге от того, что ему позволили так мало. Но Наоми решила, что это его проблемы, и не стала переживать, когда ее называли чокнутой и фригидной.

В свои шестнадцать она чуть-чуть не доросла до метра восьмидесяти: высокая худенькая девушка с длинными ногами. Вполне себе симпатичная, раз уж парней тянуло прикоснуться к ее груди. Волосы она отрастила до плеч и убирала их в хвостик всякий раз, когда приходила пора фотографировать.

Когда Наоми победила в конкурсе фотографов, Сет оплатил ей поход в салон. Там девушке мелировали ее темно-русые волосы.

Мейсон в двенадцать лет начал усиленно расти и к старшим классам превратился в звезду школьной баскетбольной команды.

Порой ее раздражало, что младший брат был куда популярней. Порой она этим гордилась. В любом случае Мейсон был умен, хорош собой и приветлив. Неудивительно, что вокруг него всегда вились восторженные девицы. Сам он, впрочем, предпочитал проводить время в компании таких же мальчишек.

Бывало, она неделями не вспоминала о том, что случилось с ней в канун ее двенадцатилетия. День за днем Наоми вела себя как обычный подросток: переживала из-за платьев и оценок, слушала музыку, встречалась с друзьями.

Она продолжала общаться с Эшли главным образом по электронной почте. Та так и не вернулась больше в Моргантаун. Спустя год после счастливого избавления она перевелась в Университет штата Пенсильвания.

Когда Эшли защитилась, Наоми отправила ей поздравительную открытку и фотографию вишневого дерева в цвету — символ зарождения новой жизни.

На свой двадцать первый день рождения, в первую весну нового столетия, Эшли сделала себе подарок. Она села на поезд и отправилась в Нью-Йорк, чтобы провести этот день с Наоми.

Оглядываясь впоследствии на ту встречу, Наоми первым делом вспоминала собственную нервозность. Все утро она мучилась тем, что ей надеть и что сказать. Вспоминалась ей и глубокая радость, которую она испытала при виде Эшли — та, как и было условлено, поджидала Наоми на смотровой площадке Эмпайр-стейт-билдинг.

Эшли, чьи белокурые волосы так и танцевали на ветру, выглядела на редкость хорошенькой. Завидев Наоми, она бросилась ей навстречу.

— Какая ж ты высокая! Выше меня. Конечно, с моим росточком это не редкость, но тут...

Она крепко обняла Наоми.

— Ты все-таки приехала. Такой особенный день рождения, и ты

решила провести его здесь.

— Если бы не ты, я бы просто не дожидая до совершеннолетия. Вот мне и захотелось провести этот день с тобой. Я хотела встретиться с тобой здесь, на этой высоте, чтобы сказать — как бы банально оно ни прозвучало, — что всем этим видом, открывшимся передо мной, я обязана только тебе. И у меня есть для тебя подарок.

Эшли достала из сумки изящную коробочку.

— Но это же твой день рождения. И я принесла тебе подарок.

— Давай побережем мой на потом — откроем его за обедом. Я хочу, чтобы ты получила мой здесь, высоко в небе. Ты помогла мне выбраться из-под земли, Наоми, и теперь мы обе стоим на вершине мира. Открой это, ладно?

Стараясь справиться с эмоциями, Наоми вскрыла коробочку. На руку ей лег кулон. На трех тоненьких серебряных цепочках крепилась овальная подвеска с фиолетовым ирисом по центру.

— До чего красиво! Так просто и так красиво.

— Должна признаться, это идея моей мамы. Она сказала, у всех цветов есть особое значение. И вот ирис как раз символизирует две вещи — отвагу и дружелюбие. Ты в полной мере можешь претендовать на оба эти качества. Надеюсь, тебе понравился мой подарок.

— Еще бы! Я просто в восторге. Эшли...

— Не надо плакать. Меня саму так и тянет расплакаться, но сегодняшний день не для слез. Надень эту штучку, а потом покажи мне город. Я ни разу еще не была в Нью-Йорке.

— Ладно, ладно. — Оказалось, что слезы радости также трудно сдержать, как и слезы горя. — Куда ты хочешь отправиться в первую очередь? Это же твой день.

— Я девушка! И это значит, что мы идем за покупками, — беспечно рассмеялась Эшли. — Еще я хочу посидеть в таком месте, где за обедом мне подадут бокал шампанского. Как-никак мне двадцать один!

— Я люблю тебя, — выпалила Наоми и тут же покраснела. — Звучит немножко странно, я знаю...

— Что ты, ничего странного. Нас объединяет то, что лишь немногие сумеют понять. Мы-то знаем, чего нам стоило оказаться сейчас здесь, в этом месте. Я тоже люблю тебя, Наоми. Мы стали с тобой настоящими друзьями.

Психотерапевт — она вновь пошла на прием к врачу после того, как у ее матери произошел очередной срыв, — спросил у Наоми, что она почувствовала при виде Эшли. И та честно сказала, что это напомнило ей

про свет.

Сьюзан работала официанткой в ресторане у Гарри. Справлялась она хорошо... почти всегда. Порой ее мать погружалась во тьму и забывала про свет. Но у нее была работа. Когда же она уходила в себя, Гарри сохранял для нее место официантки.

Врач называл это депрессией, но Наоми знала: какой бы ужасной ни была депрессия, ее последствия были еще хуже.

В темные моменты мать принимала слишком много таблеток. Как-то раз она приняла столько, что ее пришлось отвезти в больницу. Она сделала это после того, как в свет вышла книжка Саймона Вэнса и по всему городу развесили рекламные объявления.

Называлась книга «Кровь под землей: наследие Томаса Дэвида Боуза». Найти ее можно было во всех крупных магазинах. Саймон Вэнс, серьезный мужчина с лощеными манерами, рекламировал свой труд, выступая на всевозможных шоу и раздавая интервью газетам и журналам. Имя Наоми всплывало при этом так же часто, как имя ее отца.

Эти кровавые узы вновь погрузили Наоми в мир ночных кошмаров.

Частица ее жизни пульсировала в этих книжных витринах, в красочных рекламных плакатах.

Ей было страшно. И ей было стыдно.

Неудивительно, что она понимала свою мать с ее страхами и переживаниями, а потому старалась вести себя как можно деликатней.

Но стоило Сьюзан вспомнить свет, и все вновь приходило в норму. На одной из летних вечеринок Наоми сфотографировала мать, когда та танцевала с Сетом. Освещение выдалось на редкость удачным, и лицо матери просто светилось улыбкой. Наоми вручила этот снимок Сьюзан вместе с фотографией, на которой они были сняты втроем — мама с детьми.

Когда тьма возвращалась, то мать проводила большую часть времени у себя в постели, с наглухо задернутыми занавесками, Наоми носила ей еду на подносе. О глубине этой тьмы она могла судить по тем самым фотографиям, которые лежали теперь перевернутыми, как если бы вид собственного счастья был для Сьюзан невыносим.

Но бывало так, что неделя сменяла неделю, а в их жизни все текло своим чередом. Если что и тревожило Наоми, то только занятия и экзамены, да еще перепалки с Мейсоном, который превращался порой в сущее наказание.

В обычные дни Наоми часто ходила в кино — не на свидания, а в компании друзей. Как-то раз она сидела в зале со своими приятелями (а

Мейсон со своими) и ждала, когда же начнут показывать «Человека-паука». Удобно устроившись с попкорном и стаканом фанты, Наоми рассеянно просматривала ролики, предварявшие главный фильм.

Свет в зале погас, и ее подружка Джейми тут же начала обниматься со своим нынешним бойфрендом, но Наоми привычно игнорировала парочку.

Ей нравились фильмы. Причем душещипательным лентам она предпочитала истории вроде «Человека-паука» или «Властелина Колец».

Истории, где людям приходилось что-то делать, преодолевать какие-то трудности. Даже если к этому вел укус радиоактивного паука.

На экране поплыли кадры, сделанные с перспективы человека, который вел грузовик. Наоми знала, что такое перспектива, поскольку изучала фотографию. На руке мужчины красовалось обручальное кольцо.

Наоми нравилось подмечать детали.

Одна за другой они стали приковывать ее взгляд.

Наоми знала эти дороги. Знала грузовик. Когда мужчина свернул в лес, невыносимая тяжесть опустилась ей на грудь.

Одна сцена сменяла другую: погреб в лесу, фотографии, женщина на матрасе. Женщина, чьи глаза были полны ужаса.

У Наоми перехватило дыхание.

Вот уже камера смотрит на дом, расположенный у окраины леса. На их дом. У окна стоит худенькая, длинноногая девочка, с надеждой смотрит в небо, где уже клубятся грозовые тучи.

А вот уже вся семья в церкви — мать, отец, тощая девочка, маленький мальчик. И еще сцена — девочка тянет засов, запирающий дверь в погреб.

Это было уже слишком. Попкорн выскользнул из ее рук, стаканчик с газировкой рухнул на пол. Вскочив, Наоми кинулась к двери. Друзья кричали вслед:

— Эй, осторожней!

— Да что с тобой, Наоми?

Но она была уже у дверей.

Голос с экрана возвестил:

История порока. История мужества. «Дитя зла». Премьера в ноябре.

На подгибающихся ногах вывалилась она в вестибюль и рухнула на четвереньки. Голова кружилась, в груди невыносимо болело.

Будто издалека донесся до нее голос Мейсона:

— Вставай. Ну же, Наоми. Вставай!

Он поднял ее на ноги и выволок на жаркий сентябрьский воздух.

— Взгляни на меня. Наоми, взгляни на меня!

Ростом он был практически с нее. И глаза — у Мейсона были

отцовские глаза, карие с золотистыми крапинками. Сейчас в них читались шок и тревога.

— Не могу дышать.

— Можешь. Должна. Вдохни, а затем выдохни.

— Ты видел? Это...

— Не говори вслух. Не здесь. Если спросят, тебе стало плохо. Затошнило, и мы ушли домой. Ну же, идем.

Она с трудом сделала два шага и тут же остановилась, перегнулась пополам: казалось, еще чуть, ее и правда стошнит. Но тошнота улеглась, да и голова уже так не кружилась.

— Ты знал? Знал про фильм?

Сжав ее за руку, Мейсон решительно потащил Наоми за собой.

— Я знал, что они снимают кино. Не знал только, что все уже готово, что они собираются анонсировать его прямо сегодня.

— Это был наш дом.

— Они вели съемки прямо на месте.

— Откуда ты знаешь?

— Это не тайна. Я знал про фильм, но не думал, что его уже выпускают в прокат. А говорят о нем давно — в Интернете полно статей и комментариев.

— А почему ты мне ничего не сказал?

Остановившись, он окинул ее тем презрительным взглядом, на который способны только близкие родственники.

— Так ведь ты не желаешь ничего слышать. Никто не хочет говорить об этом, вот и приходится самому следить за новостями. Я, кстати, прочел книгу Саймона Вэнса.

Наоми вновь ощутила приступ тошноты.

— Нам нужно забыть об этом, оставить все в прошлом. Это же было четыре года назад...

— И как, удалось тебе оставить все в прошлом?

— По большей части.

— А вот маме не удалось. Как-то она сказала, что уезжает на выходные к подруге. На самом деле она села в автобус и отправилась в тюрьму.

— Откуда ты знаешь?

Пожав плечами, Мейсон затащил сестру в кафетерий, повел между столиками.

— Она делала это и раньше. Помнишь, мы отправились на неделю в Хилтон-Хед, а мама осталась дома, сослалась на болезнь? Она и тогда ездила к нему на свидание. Я нашел в ее сумке автобусные билеты, на эти

поездки и на другие.

— Ты рылся в ее сумке?

— Именно так. — Мейсон и бровью не повел. — Две колы, пожалуйста, — с улыбкой попросил он официантку. — Еще я осматривал ее комнату и знаю, что она переписывается с ним. Он шлет ей письма на абонентский ящик.

— Обыскивать комнату — это уже чересчур, — начала было Наоми и тут же осеклась, закрыла лицо руками. — Зачем мама это делает?

— Она слишком покладиста и зависима. Он всегда ею помыкал. Что-то вроде эмоционального насилия.

— Откуда ты набрался таких терминов?

— Я же сказал, что много читаю. Он психопат, Наоми, это же яснее ясного. Психопат, да еще и со склонностью к нарциссизму. Вот почему он каждую пару лет дает копам новое имя и место. Открывает очередную жертву. Это позволяет ему быть в центре внимания. Он лгун, и он все время манипулирует мамой. Он изводит ее только потому, что в состоянии это сделать. Помнишь, как она чуть не отправилась на тот свет из-за передозировки?

— И что?

— Это он уговорил ее пообщаться с Вэнсом, дать ему новые материалы. Не знаю, как он сумел тогда с ней связаться, но факт остается фактом. Мама поговорила с писателем, а потом, когда вышла книжка, не смогла справиться с чувством вины.

— Стало быть, он знает, где мы.

— Насчет точного адреса не уверен, но наверняка ему известно, что мы в Нью-Йорке. — Мейсон пожал плечами. — Да ему на нас плевать. Мама — вот его жертва.

— Ты для него всегда много значил.

— Я бы не сказал. Или ты думаешь, я был в восторге от всех этих походов в парикмахерскую? А уж бейсбол... стоило мне начать играть, и я всегда чувствовал на себе его взгляд. Не дай бог промахнуться! Так и слышу его едкий комментарий: «Вырастили девчонку!»

— Но...

— Он следил, как бы во мне не проявилась «кровь Карсонов». Так он это именовал. Когда мне исполнилось восемь, он заявил, что выбьет из меня гомосека, если вдруг заметит что-то подобное.

Она в ужасе схватила Мейсона за руку.

— Ты ничего мне об этом не говорил.

— Подобные вещи редко пересказывают сестре. Во всяком случае,

когда тебе восемь. Я боялся его до ужаса. Да и ты тоже. Самое интересное, что тогда это казалось нам совершенно естественным.

— Верно, — выдохнула она. — В каком расположении духа он будет? В хорошем или плохом? Все крутилось вокруг него, вокруг его настроений. Я смогла уяснить это на сеансах у психотерапевта. Но я не знала, что и ты чувствовал нечто подобное.

— Общий дом, общий отец.

— Я думала... мне казалось, с тобой все по-другому, ведь он так хотел сына. Именно сына, а не дочь.

— Он хотел уменьшенную копию себя, а я ею не был.

— Прости, — пробормотала Наоми.

— За что?

— Я завидовала тебе. Считала, что он любит меня гораздо меньше. Ужасно думать сейчас об этом, ведь он, как ни крути...

— Психопат, сексуальный садист, серийный убийца.

От каждого слова Наоми морщилась как от удара.

— Это так, Наоми. И в то же время он наш отец. Так что забудь о прошлом. Думаю, я тоже слегка завидовал, поскольку тебе он, в отличие от меня, позволял быть самой собой. Ты была в ведении мамы, а мной он занимался лично. Как бы то ни было, но мама пообщалась и с представителями киностудии. Это он ее вынудил. Упрашивал, говорил, что так будет лучше для нас с тобой.

Они сидели, наклонившись друг к другу через столик, крепко держась за руки.

— Зачем это ему?

— Как зачем? Слава, внимание. Его ставят в один ряд с Банди, Дамером, Рамирезом. Серийные убийцы, Наоми. На таких всегда обращено внимание.

— Да кому оно нужно, это внимание? Зачем они сняли фильм о нем? И почему людям хочется на это смотреть?

— Это фильм не столько о нем, сколько о тебе, — Мейсон еще крепче сжал ее руку. — Взгляни хотя бы на название. Много ли ты знаешь одиннадцатилетних девочек, которым удалось остановить серийного убийцу?

— Но я не хочу...

— В самом деле? Он бы убил Эшли, если бы ты не помогла ей сбежать.

Наоми прикоснулась к кулону, который Эшли подарила ей на вершине мира. Задумчиво кивнула.

— Ты прав. Покончив с ней, он бы отправился на охоту за другой. И неизвестно еще, скольких бы он убил.

— Я слегка похож на него внешне.

— Вовсе нет! Глаза такого же цвета, вот и все.

— Не только. Есть и другие сходства.

— Ты не такой, как он.

— Нет, я не такой. — Решимость, с какой он произнес эти слова, отразилась в его ясных глазах. — И никогда не буду. И ты не будь как мама. Не позволяй ему управлять собой. Он все время пытался манипулировать нами. Метод кнута и пряника. Тебя натаскивают, заставляют поступать так, как это хочется им, а не тебе.

Наоми понимала, о чем он. И все же...

— Он никогда не бил нас.

— Зато отбирал. Пообещает что-нибудь, а потом, если мы хоть в чем-то провинимся, наложит запрет — на вещь или на развлечение. Потом вдруг объявится с подарками. Помнишь? Мне привезет набор для баскетбола, а тебе — дорожную куклу. Мне — новую игру, а тебе медальон. Все в этом духе. Но если окажется, что мы хоть в чем-то не соответствуем его требованиям, заберет подарки обратно. Или запретит что-нибудь — поход в кино, вечеринку у друзей.

— Помню, он как-то сказал, что мы пойдем в парк аттракционов. Мы были в таком восторге. Потом ему не понравилось, как я прибралась у себя в комнате, и он заявил, что мы никуда не идем, раз я не умею ценить свою собственность. Ты тогда ужасно на меня злился.

— Мне было семь, и я не понимал, что дело-то вовсе не в тебе. Он не хотел, чтобы я это понял. Может, мы и дерзили порой маме, если его не было рядом, — знали, что она не расскажет. Но ему мы никогда не решались возражать. Мы полностью зависели от его настроения, и его такое положение дел вполне устраивало.

После того случая, вспомнила Наоми, в комнате у нее всегда царил порядок. Да, именно так ее и тренировали.

— Что ты такого читаешь, чтобы разбираться в подобных вещах? — спросила она у Мейсона.

— Массу книжек по психиатрии и психологии. Это в библиотеке. В Интернете тоже полно материалов. Я намерен учиться на психиатра.

Наоми слегка усмехнулась — как-никак она была старше на целых два года.

— Я-то думала, ты собираешься стать профессиональным баскетболистом.

— Это то, что хотят слышать от меня Сет, Гарри и мама. Мне нравится баскетбол. Я готов швырять мяч день и ночь, лишь бы это помогло мне поступить в Гарвард.

— Гарвард? Ты серьезно?

— Стипендий у них нет, но есть что-то вроде программ поощрения. Я намерен поступить в Гарвард, чтобы изучать там медицину. Не исключено, что с их дипломом мне удастся устроиться в ФБР. Я мог бы заняться там поведенческим анализом.

— Господи, Мейсон, тебе всего четырнадцать.

— Тебе было одиннадцать, когда ты спасла чужую жизнь. — Он взглянул на нее своими ясными карими глазами. — Я никогда не буду таким, как он. Я хочу стать тем, кто будет ловить тех, как он. Ты сумела остановить его, Наоми, но он далеко не единственный.

— Это значит, ты никогда не оставишь прошлое позади.

— Если оставить что-то позади, оно всегда будет смотреть тебе в спину. Пусть уж лучше находится перед глазами — так оно никогда не застанет меня врасплох.

* * *

Ей стало не по себе от слов Мейсона, не по себе от его безупречной логики. В конце концов, речь шла о ее младшем братишке, порой невыносимом, неизменно добродушном и страстном любителе всевозможных комиксов.

Оказывается, он умел не только мечтать, но и ставить цели — причем весьма честлюбивые.

Он шпионил за их матерью. Признаться, Наоми тоже наблюдала за ней исподтишка. Жить под одной крышей со Сьюзан значило вести себя так, будто ты постоянно носишь что-то хрупкое — один неловкий шаг, и вот оно уже упало, разбилось вдребезги.

Теперь уже она могла признаться — и себе, и Мейсону, — что глубоко разочарована их матерью. Тратить столько сил на то, чтобы создать жизнь, пропитанную хитростями и обманом! И все из-за мужчины, который, не стеснясь, губил чужие жизни.

Неужели ею двигало чувство любви?

Если так, Наоми прекрасно без него обойдется.

Она не собиралась отказываться от секса, ведь что бы там ни говорилось в фильмах и книжках, отношения двух взрослых людей не

заканчивались прогулкой под ручку. Оставалось лишь решить, как лучше все устроить. Поговорить о противозачаточных с матерью? Немыслимо. Сет и Гарри тоже отпадали. Как бы тепло ни относилась к ним Наоми, подобные темы были для нее табу.

Что ж, она расспросит своего доктора. Так что сексом она займется уже подготовленной.

Может, Мейсон и прав: попытаешься оставить прошлое позади, и оно в любой момент может устремиться по следу. Как это было сегодня в кинотеатре.

Тогда она решила отложить все в сторонку. Мысль о том, чтобы держать случившееся прямо перед собой, тоже не привлекала — слишком уж велик риск споткнуться о него. Так что решение отложить в сторону было своего рода компромиссом.

Пока же ее мать каждое утро выбиралась из постели, одевалась и шла на работу. Наоми была поглощена уроками и газетой, а также мыслями о том, с кем из парней стоит заняться сексом, когда она созреет для такого шага.

И все же она не забыла поговорить с дядей об этом ужасном фильме.

— Через несколько недель он выйдет в прокат.

— Я знаю, детка. Мы с Гарри планировали рассказать обо всем тебе и Мейсону.

— А с мамой ты не хочешь поговорить?

— Конечно, поговорю, хоть и без особого желания: как бы она снова не сорвалась. С другой стороны, вы давно живете в Нью-Йорке. Та часть вашей жизни осталась в прошлом.

— Только не для нее. Тебе стоит поговорить с Мейсоном.

— Зачем?

— Это уж он сам тебе объяснит.

Наоми не знала, что именно ее дядя сказал Сьюзан, но через пару дней та вынырнула из темноты.

Она даже отправилась с Наоми покупать той платье для школьного бала. И — редкая вещь — настояла на том, чтобы они вместе провели этот день.

— На тебе все хорошо смотрится, детка, ты такая тоненькая и высокая. Но почему бы тебе не купить что-нибудь поярче?

Наоми крутилась перед зеркалом, придирчиво разглядывая короткое черное платье с квадратным вырезом декольте.

— Я буду не столько танцевать, сколько фотографировать. Лучше делать это в черном, чем в розовом.

— А как же насчет свидания? — покачала головой Сьюзан. — Почему ты не встречаешься больше с тем симпатичным парнем? Марк, так ведь его зовут?

— А-а, — протянула Наоми. Марку не понравилось, как мало она ему позволила, но мать ее была не из тех, с кем можно прямо поговорить об этом.

— Марк хороший парень, но я не хочу идти на бал с парнем.

— Когда я была в твоём возрасте, мы только и думали, что о таком свидании. Похоже, ты рассудительней меня. Но мне очень нравится розовое платье, вон то — с блестками на юбке.

— Не уверена, что искрящееся и розовое — это для меня.

— Каждая девушка заслуживает розового платья. Хочешь купить черное, пожалуйста. Господи, до чего ж ты взрослая, даже дух захватывает. Но и розовое мы тоже купим.

— Мама, не можем же мы взять оба.

— Конечно, можем. На бал наденешь черное, раз уж ты все равно фотографируешь. А розовое прибережешь для особого случая. Я нечасто дарила вам с Мейсоном что-то особое.

— Ну что ты!

— Не так часто, как хотелось бы. Но я намерена исправиться. Мы купим оба платья, а потом пообедаем в каком-нибудь хорошем ресторане. Отдохнем и отправимся подыскивать тебе аксессуары.

Наоми ощутила прилив счастья от того, что видит искорку — не на платье, а в глазах у мамы.

— Фотоаппарат — вот мой аксессуар.

— Только не в этот раз. Мы подыщем тебе туфли, сумочку и серьги. Я знаю, ты хотела отправиться по магазинам с подружками...

— Мама, я рада, что пошла за покупками с тобой.

— Как же быстро все пролетело, я лишь теперь это поняла. Казалось, время тянется так медленно, а порой и вовсе стоит на месте. Я и не заметила, как ты выросла. Жаль, что я совсем в этом не участвовала.

Огонек в ее глазах мелькнул и снова потух.

— Что ты, мама. Ты всегда была рядом.

— Нет. — Сьюзан сжала в ладонях ее лицо. — Но я постараюсь, очень постараюсь. Наоми... прости меня за этот фильм.

— Все в порядке, мама. Не переживай.

— Я люблю тебя, детка.

— Я тоже люблю тебя.

— Пойду отнесу платье на кассу, пусть его упакуют. А ты пока

переодевайся. Потом мы с тобой где-нибудь пообедаем.

Они купили платье, а еще туфли и сумочку, которая тоже искрилась, и лицо Сьюзан вновь осветилось улыбкой. По настоянию Наоми Сьюзан приобрела красный свитер и замшевые сапожки. Домой они вернулись усталые и покрасневшиеся и первым делом вновь стали примерять покупки.

Укладываясь в тот вечер в постель, Наоми решила, что это был самый счастливый день в ее жизни.

Октябрь выдался холодным, но ясным. Солнечные лучи скользили по оголенным стволам деревьев, озаряя парк осенним светом.

Чтобы порадовать мать, Наоми надела на выпускной не черное платье, а розовое. Свидания она не планировала, но попросила заехать за ней Энсона Чаффинса, своего приятеля и редактора школьной газеты.

И увидела на глазах у матери слезы радости, а не горя, когда они с Энсоном, прежде чем покинуть дом, послушно позировали перед фотоаппаратом.

На Хеллоуин Сьюзан нарядилась фривольной дамочкой. Она специально выбрала этот наряд, чтобы соответствовать Сету и Гарри в их костюмах «плохих парней». Вместе они раздавали конфеты призракам, гоблинам, принцессам и джедаям. Поскольку это был первый раз, когда Сьюзан решила принарядиться, Наоми уговорила Мейсона провести часть вечера дома, а не где-то на стороне, в компании друзей.

— Такое чувство, будто мама порвала наконец-то с прошлым и решила начать новую жизнь.

Мейсон, обряженный в костюм вампира, лишь пожал плечами:

— Хотелось бы верить.

Наоми пихнула его локтем в бок.

— Постарайся не киснуть, потому что я права.

Но она ошибалась.

* * *

На третью неделю января, когда все было засыпано тонким слоем снега, Наоми, дождавшись обеденного перерыва, поспешила домой. Энсон отправился вместе с ней.

— Ты вовсе не обязан был меня сопровождать, — сказала она, вытаскивая из сумочки ключи.

— Да ладно, хоть на полчаса сбегать из школы.

Энсон Чаффинс был угловатым, неуклюжим парнем со своими причудами. Но Наоми искренне считала его хорошим редактором и превосходным журналистом. И он как-никак оказал ей любезность, согласившись сопровождать Наоми на выпускной.

Там он слегка поприставал к ней, но без особой назойливости, так что им удалось сохранить приятельские отношения.

Щелкнув замком, Наоми распахнула дверь ипустила Энсона в дом.

— Я поднимусь наверх, прихвачу камеру. Между прочим, мне не пришлось бы за ней ехать, если бы ты заранее сказал, что нужны снимки с репетиции школьного драмкружка.

— Может, я предпочел забыть об этом, чтобы хоть на полчаса сбегать с уроков, — ухмыльнувшись, он поправил очки в темной оправе. Те постоянно съезжали на кончик его орлиного носа.

За стеклами очков светло-голубые глаза его казались еще бледнее.

Энсон огляделся.

— А колы у вас, случаем, не найдется? Чтоб не уезжать с пустыми руками.

— Конечно, найдется. Помнишь еще, где кухня?

— Помню. Дом у вас что надо. Прихватить тебе баночку?

— Ага, — стащив перчатки, Наоми сунула их в карман пальто.

Энсон глянул на нее со своей фирменной усмешкой:

— А как насчет чипсов?

Закатив глаза, Наоми сдернула с себя шапку.

— Поищи сам. Я скоро вернусь.

— Не торопись. У нас в запасе еще двадцать пять минут. А это что? Твое?

Он подошел к черно-белой фотографии, стоявшей на самом видном месте. Пожилой мужчина дремал в парке на скамье. Рядом с ним спала ушастая собачонка.

— Да. Я подарила ее Гарри на день рождения пару недель назад. И он пристроил ее тут, в фойе.

— Превосходно, Карсон. Просто превосходно.

— Спасибо на добром слове, Чаффинс.

Невольно усмехнувшись — Энсон всех называл по фамилии и просил, чтобы к нему обращались так же, — Наоми заспешила по лестнице наверх.

Тут она с удивлением обнаружила, что Конг сидит у комнаты ее матери. Пес обычно коротал время в спальне Мейсона, а в теплую погоду выбирался через маленькую дверцу во двор, погреться на солнышке или сделать свои собачьи дела в специально отведенном для этого углу.

— Привет, малыш, — потрепав его на ходу, она шагнула было дальше, но Конг заскулил. — Прости, но я буквально на пять минут.

Но пес заскулил снова, заскребся в дверь. Наоми почувствовала, как сердце у нее упало.

— Мама дома?

Неужели светлая полоса все-таки кончилась?

Она-то думала, что мама на работе, с Сетом и Гарри. В ресторане готовился праздничный обед, так что дел было невпроворот.

Приоткрыв дверь, Наоми заглянула внутрь. Занавески плотно задернуты — плохой знак. В тусклом свете она разглядела мать — та лежала у себя на кровати.

— Мама.

На Сьюзан был красный свитер, который они купили тогда в порыве вдохновения, а не рабочая блузка с жилетом.

Конг запрыгнул на кровать — что ему строжайше запрещалось — и вновь заскулил.

Сьюзан даже не шевельнулась.

— Мама. — Шагнув ближе, Наоми включила настольную лампу.

Та лежала без движения. Белое лицо, полуприкрытые глаза.

— Мама! — Наоми схватила Сьюзан за плечо, потрянула. — Мама, проснись! Проснись же!

Таблетки стояли здесь же, на столике. Нет, не таблетки. Пузырек. Пустой пузырек.

— Проснись! — Схватив мать за руки, она потянула ее на себя. Голова у той качнулась, упала на грудь. Она обняла Сьюзан, потянув с кровати.

Пусть только встанет, сделает пару шагов.

— Эй, Карсон, чего ты так разоралась? Я уж подумал... что тут...

— Позвони в «Скорую», живо. Набери девять-один-один.

Будто в оцепенении, наблюдал он за тем, как обмякшее тело Сьюзан падает на кровать, как глаза незряче глядят в потолок.

— Ох ты... Это твоя мама?

— Звони в «Скорую». — Наоми прижалась щекой к груди Сьюзан, начала давить на сердце. — Она не дышит. Пусть поторопятся. Скажи, что она приняла элавил. Передозировка.

Вытащив телефон, он второпях начал жать девять-один-один. Наоми, отдуваясь, пыталась делать искусственное дыхание.

— Да, да, пришлите «Скорую». Она перебрала с эльдервиллом.

— Элавил!

— Простите, элавил. Черт, Карсон, я не знаю адрес.

Она прокричала адрес, не обращая внимания на слезы, градом катившиеся по щекам.

— Мама! Мама, прошу тебя!

— Нет, она не движется, не просыпается. Дочь пытается сделать ей искусственное дыхание. Я... даже не знаю. Лет сорок, должно быть.

— Тридцать семь, — выкрикнула Наоми. — Пусть поспешат.

— Врачи сейчас приедут, — помедлив, Энсон присел рядом с Наоми, похлопал ее по плечу. — Она... то есть дежурная... сказала, что машина где-то рядом. Так что они скоро будут.

Сглотнув, он коснулся руки Сьюзан.

Та была мягкой на ощупь. Мягкой и холодной. Как будто она долго пробыла на морозе.

— Господи, Карсон. Я... слушай-ка... — Он вновь коснулся плеча Наоми. — Мне кажется... она мертва.

— Нет, нет, нет. — Наклонившись над матерью, она принялась дышать еще усердней, ожидая, что та тоже вздохнет в ответ.

Но ждала она напрасно. В глазах царила мертвая пустота. Вроде той, что сквозила из глаз женщин, чьи фотографии висели на стенах погребя.

Наоми устало откинулась назад. Она не плакала, лишь молча пригладила волосы матери. В груди у нее не ощущалось ни капельки тяжести. Там, как и во взгляде матери, не было ничего.

Это шок, как-то отстраненно подумала Наоми. Она в шоке. А ее мать мертва.

Услышав внизу звонок, она поднялась на ноги:

— Пойду открою. А ты побудь пока здесь. Не оставляй ее одну.

— Я... ладно. Ладно.

Наоми вышла, почти как во сне. Энсон бросил взгляд на мертвую женщину.

Да уж, через полчаса они точно не вернутся в школу.

Пять

Свое новое черное платье она надела на похороны матери. Прежде Наоми не случалось бывать на похоронах, а поскольку погребения не предполагалось, это больше всего походило на поминки.

Сет специально выкроил время, чтобы поговорить об этом с ней и с Мейсоном. Может, отвезти тело Сьюзан в Сосновый луг и предать земле там?

Нет, нет, нет.

А как насчет кладбища в Нью-Йорке?

Наоми удивило, с какой решительностью воспротивился этому Мейсон. Никаких похорон в Нью-Йорке. Будь их мать счастлива здесь, она бы не ушла так рано.

В результате тело кремировали, чтобы весной арендовать лодку и рассеять прах по ветру, над морем.

Конечно, не обошлось без слез, но Наоми плакала не столько от горя, сколько от гнева.

Ей пришлось побеседовать с полицией. Второй раз за ее жизнь полицейские нагрянули к ним в дом, ходили по комнатам, задавали вопросы.

— Я детектив Россини. Искренне сочувствую вашему горю. Понимаю, как вам сейчас нелегко, но мне надо задать вам несколько вопросов. Могу я зайти к вам в комнату?

Наоми случалось видеть в фильмах женщин-детективов, весьма умных и привлекательных, но она считала это чисто киношным трюком. Однако детектив Россини выглядела так, будто и правда могла играть в кино.

— Заходите.

Наоми спряталась у себя в комнате, поскольку не знала, что еще ей делать — со всеми этими полицейскими, которые опрашивали Сета и Гарри. С ее мамой...

Россини присела на кровать, напротив Наоми, которая сидела на стуле, поджав под себя колени.

— Скажи, почему ты пришла сегодня домой? Почему ты и твой приятель не были в школе?

— Это было в перерыве, мы приехали, чтобы забрать мою камеру. Мы вместе выпускаем школьную газету. Предполагалось, что я сделаю пару снимков с репетиции нашего драмкружка. Он все еще здесь? Чаффинс... то

есть Энсон еще здесь?

— Мой напарник уже допросил его и увез в школу.

— Он обязательно расскажет. — Наоми закрыла лицо руками. — Расскажет всем про мою мать.

— Мне очень жаль, Наоми. Что произошло, когда вы пришли домой?

— Чаффинс захотел колу, и я сказала, чтобы прихватил две, а сама отправилась наверх за камерой. А Конг, наш пес... он сидел у спальни мамы. Сидел и скулил. Обычно он находится в комнате Мейсона или во дворе, ждет, пока мы придем из школы. А тут... Дверь была прикрыта, и я распахнула ее. Я решила... я подумала, что она спит или плохо себя чувствует. Она не просыпалась, и тут я увидела таблетки. Точнее, пустой пузырек. Чаффинс поднялся наверх, и я сказала, чтобы он позвонил в «Скорую». Я пыталась сделать ей искусственное дыхание. Мы проходили в школе, и я знала, как это делать. Но все было без толку.

— Стало быть, когда ты вошла, она лежала на кровати.

— Я пыталась поднять ее, хотела, чтобы она сделала хоть пару шагов. Я знала, что ей нужно расходиться. Потом бы я отвезла ее в больницу.

— Она уже поступала так прежде? Я имею в виду передозировку лекарства.

Наоми молча кивнула.

— Когда ты в последний раз виделась с ней сегодня?

— Утром. Гарри приготовил завтрак, но мама не пришла в столовую. Я поднялась наверх и застала ее за сборами. Она была в хорошем настроении. Сказала, что ей до работы нужно забежать в пару мест, так что позавтракает она позже. Пожелала мне хорошего дня.

Подняв голову, Наоми взглянула на детектива Россини.

— Мой брат. Мейсон.

— Твой дядя уже поехал за ним в школу, так что не беспокойся.

— Вы знаете, кто мой отец?

— Да, Наоми, знаю. И понимаю, что второй раз в жизни ты сталкиваешься с тем, что не каждому взрослому под силу.

— Получается, все теперь узнают? Мы поменяли фамилию, но теперь и это не поможет?

— Мы сделаем все возможное, чтобы это не просочилось в прессу. — Россини на мгновение умолкла. — Тебе известно, как часто твоя мама общалась с твоим отцом?

— Она писала ему и несколько раз ездила в тюрьму. Уже после того, как мы перебрались в Нью-Йорк. Мейсон узнал и рассказал мне. Мама скрывала это от всех. Мы ничего не сказали дяде Сету или Гарри. Еще она

говорила с создателями фильма — тоже по его настоянию. Мейсон и это обнаружил. Но она очень старалась совладать с собой, изо всех сил, и несколько месяцев все шло как нельзя лучше. Она выглядела счастливой... по крайней мере, более радостной. Не думаю, чтобы она когда-нибудь была счастлива после той давней ночи...

— Что ж, пока хватит. Твой дядя сказал, что позвонит бабушке с дедушкой, сам им обо всем расскажет. Мистер Доббс сейчас внизу. Попросить его подняться? Чтобы он побыл с тобой.

— Нет, не надо. Мэм, вы спрашивали, не общалась ли мама с отцом. Она что, разговаривала с ним сегодня? Этим утром?

— Лично я так не думаю.

— Но что-то случилось. Должно быть, он написал ей. Что-то такое, из-за чего она пришла домой и наглоталась этих таблеток.

— Мы пока в процессе расследования, — сказала детектив, вставая со своего места.

— У вас есть что-то... Я не видела в ее комнате записки. Да и не смотрела. Я пыталась... Она не могла уйти, не оставив записки. Не попрощавшись с нами. — Наоми с трудом сдержала рыдание. — Она любила нас. Любила. И в каком бы настроении ни была, обязательно попрощалась бы.

— Конечно, мама любила тебя. Она оставила записку, адресовав ее всем вам. Положила на столик в комнате твоего дяди.

— Где эта записка? Я должна прочесть ее. Я хочу знать, что она написала, прежде чем выпить таблетки и уйти от нас.

— Твой дядя сказал, что ты захочешь знать. Подожди здесь.

Что сделал их отец? Из-за чего их мать так быстро пала духом? Так быстро и так фатально.

Наоми встала, когда в комнату снова вошла Россини. Последние слова матери она выслушает стоя, а не съездившись на стуле.

— Тебе придется читать сквозь пакет для улики. Записка будет приложена к делу.

— Не важно. — Взяв пакет, Наоми подошла к окну, откуда сочился неяркий зимний свет.

Я так виновата перед вами. Я совершила столько ошибок, все время лгала и изворачивалась. Я лгала людям, которые заслуживали совсем иного отношения. Я поступала так, поскольку Том меня об этом просил. Сотни раз пыталась я освободиться, и все напрасно. И вот теперь он разводится со

мной, чтобы жениться на другой. На женщине, которая переписывалась с ним, которая ездила к нему больше двух лет. Он прислал мне бумаги для развода и письмо, в котором наговорил много ужасного. Но кое-что из этого ужасного — чистая правда. Я глупая и беспомощная особа. Я — никчемное существо. Я не смогла защитить своих детей, когда для этого были все возможности. Ты помог им, Сет. И ты, Гарри. Вы приютили нас, когда мы в этом так нуждались. Я знаю, вы и дальше будете присматривать за Мейсоном и Наоми. Мейсон, ты у меня такой умница, я ужасно горжусь тобой. Надеюсь, когда-нибудь ты поймешь, почему мама так поступила. Наоми, я не такая сильная и храбрая, как ты. Я пыталась, но безуспешно. Я так устала, детка. Мне хочется уснуть, уснуть навсегда. Пригляди за Мейсоном. Во всем слушайте Сета и Гарри. У вас все будет хорошо. Когда-нибудь ты поймешь, что так лучше для всех. Когда-нибудь ты простишь меня.

— С какой стати мне прощать ее? Она бросила нас только потому, что стала не нужна ему? Пришла домой и наглоталась таблеток, поскольку устала жить?

— Наоми...

— Нет-нет, не нужно подыскивать ей оправдания. Вы из полиции. Вы не знали ее, как не знаете никого из нас. Но вот что я вам скажу: так поступают только трусы. Он убил ее. Расправился с ней, как расправлялся с другими женщинами. Но у них не было выбора, а у нее он был. И все же она позволила убить себя. Ушла из жизни, когда все у нас стало складываться более-менее хорошо.

— Ты права. Ты абсолютно права, Наоми. Но пытки бывают не только физическими. Существует немало способов замучить человека до смерти. Тем не менее ты вправе злиться. У тебя есть право на злость, даже на ярость. Но когда эмоции схлынут, тебе стоит поговорить с кем-нибудь знающим.

— Очередной терапевт? Хватит с меня. Много пользы было от него маме?

— Ты не такая, как твоя мать. Но если тебе не захочется общаться с терапевтом или с подружкой, или с дядей, или со священником, — детектив достала из кармана визитную карточку, — можешь позвонить мне.

— Вы — второй коп, который дает мне свою карточку.

— А с первым ты разговаривала?

— Нет, мы сразу уехали оттуда.

— Что ж. — Россини положила карточку на столик, после чего подняла с кровати пакет для улик. — Копы умеют слушать. Детектив Анжела Россини к вашим услугам. Звони в любое время.

* * *

И вот тремя днями позже Наоми надела свое черное платье. Щипцами она подвила волосы, поскольку матери нравилось, когда они выглядели чуть волнистыми. Она ничего не сказала Сету о той злости, какую вызвала в ней предсмертная записка Сьюзан, — уж слишком измученным и потрясенным он выглядел. Не заводила она разговор на эту тему и с Мейсоном, во взгляде которого светилась странная пустота, и с Гарри, на которого неожиданно свалились заботы обо всех домочадцах.

Спрятав свое раздражение поглубже, она отправилась со всеми в ресторан.

На день его закрыли для посетителей, чтобы устроить поминки по Сьюзан. Всю подготовку провел Гарри — он сам настоял на этом. Расставил цветы и фотографии, подобрал музыку, приготовил еду.

Родители Сьюзан тоже приехали попрощаться с дочерью. После переезда в Нью-Йорк Наоми и Мейсон регулярно встречались с бабушкой и дедушкой. Им потребовалось не так уж много времени, чтобы понять, что все те ужасные вещи, которые отец их говорил про родителей жены, оказались очередной ложью.

Это были добрые, сердечные люди. Способные любить и прощать. Они простили дочь за то, что та вычеркнула их из своей жизни, запретила им видаться с внуками. Позже они оплатили ее лечение. Ни разу, по крайней мере в присутствии Наоми, не сказали они дурного слова о Сьюзан.

И никогда они не упоминали в разговоре Томаса Дэвида Боуза.

На поминки пришли все работники ресторана, а еще друзья Сета и Гарри. Заглянул кое-кто из учителей Наоми и Мейсона. Родители их одноклассников — по крайней мере некоторые из них — тоже пришли почтить память Сьюзан.

Появление детектива Россини стало для Наоми сюрпризом.

— Я и не знала, что полиция ходит на такие мероприятия.

— Мне хотелось выказать свое почтение. И узнать, как у тебя дела.

— Я в порядке. Хуже всего, похоже, моему дяде. Даже хуже, чем

бабушке с дедушкой. Он думал, что сможет спасти ее. Думал, что ему это удалось. Он так старался. И Гарри тоже старался. Но сейчас он беспокоится главным образом из-за Сета. Про нас с Мейсоном он тоже не забывает, но главное для него — это Сет. Гарри сделал все, чтобы поминки прошли как можно лучше, чтобы все выглядело как прославление жизни. Но у мамы была такая жизнь, что особо и славить-то нечего.

— Тут ты не права. У нее были вы с Мейсоном, и это повод для радости.

— Спасибо на добром слове.

— Я говорю правду, Наоми. Ты сделала эту фотографию?

Она кивнула на снимок, где мать Наоми кружилась в танце с Сетом.

— Как вы узнали?

— Я же полицейский, — улыбнулась Россини. — Ты умеешь подмечать счастливые моменты. Но больше всего мне нравится вот этот снимок.

Она подошла к фото, которое Наоми сделала с помощью таймера. Здесь они были вдвоем: Сьюзан и ее дети. Гарри прислонил снимок к вазе с букетом розовых роз, ведь мать ее так любила этот цвет.

— Сразу видно, как она гордится тобой и твоим братом.

— Вы так думаете?

— Конечно. Копы умеют не только слушать, но и наблюдать. Она действительно гордилась вами. Вот о чем тебе нужно помнить. Что ж, мне пора возвращаться на работу.

— Спасибо, что зашли. — Наоми говорила это всем, кто заглянул на поминки.

Неожиданно для себя она увидела среди гостей Марка Райдера.

— Привет, — подошел он к Наоми.

— Привет.

Марк был высоким и симпатичным, с большими карими глазами. Каштановые волосы слегка вились на концах.

— Мне так жаль, что твоя мама умерла. Я так тебе сочувствую...

— Спасибо. Спасибо, что пришел.

— Я понимаю, каково тебе. Моя мама умерла, когда я был совсем маленьким.

— Правда? Но я... я же встречалась с твоей мамой.

— Отец женился на ней, когда мне было три. Она хорошая, совсем как настоящая мать. Но моя родная мама умерла.

— Я не знала. Мне очень жаль, Марк.

— Ну да, это всегда нелегко. Вот я и заглянул, чтобы поддержать тебя.

Растроганная, она сделала шаг вперед и обняла его. И тут же поняла свою ошибку, когда Марк обнял ее в ответ, совсем не по-дружески.

Наоми отстранилась.

— Мы же на поминках.

— Ну да, прости. Я просто подумал... — Он пожал плечами, стараясь скрыть неловкость. — Да что там...

— Спасибо, что пришел, — повторила она. — Если хочешь, в баре можно выпить чего-нибудь некрепкого.

— Пожалуй. Ну ладно, бывай.

Оставшись в одиночестве, Наоми с тоской взглянула в сторону двери. Может, уйти в соседнюю комнату, посидеть в одиночестве? Развернувшись, она сделала шаг вперед и чуть не столкнулась с Энсоном Чаффинсом.

— Эм-м... Привет. — Он сунул руки в карманы. — Даже не знаю... зашел вот, чтобы сказать... ну, сама понимаешь.

— Давай присядем. Меня не будут так донимать, если увидят, что я не одна.

— Я видел тут ребят из школы, но предпочел не светиться. Подождал, пока они уйдут. Странно это все. Людям хочется знать, как все произошло, а тебя они стесняются спрашивать. Да и в школе тебя еще не было. Ты как, вернешься?

— Да, на следующей неделе.

— Ну да... ясно.

Наоми невольно улыбнулась. Да уж, писал он куда лучше, чем говорил.

— Мне нужны хорошие оценки. Мейсону тоже. Иначе можно забыть о колледже.

— Я следующей осенью иду в Колумбийский университет.

— Проходишь по баллам?

— Похоже на то. Надо еще кое-что подтянуть, но в целом все выглядит неплохо. Буду изучать журналистику.

— У тебя получится.

— Да. — Он поерзал на стуле. — Я тут слышал, как копы говорили между собой... Ты же знаешь, меня допрашивали, и все такое. Так вот, я слышал, как двое из них упомянули фамилию Боуз. Твоя мать была его женой, да? Я про Томаса Дэвида Боуза.

Наоми промолчала, только крепче сцепила руки.

— Я узнал имя, поскольку видел фильм. И книгу тоже читал. Ты — та самая Наоми.

— Все уже об этом знают?

— Я же сказал, копы разговаривали между собой, и я сразу понял, о ком это они. Я читал книгу и другие материалы. Я знаю, ты — Наоми Боуз.

— Карсон. Это мое официальное имя.

— Ну да, понятно. Слушай, я никому ничего не сказал.

— И не говори. Я просто хочу окончить школу. Это все, что нужно мне и Мейсону.

— Я ничего не сказал, но другие сами могут докопаться. Особенно теперь, после выхода фильма. Даже те, кто не любит читать, ходят в кино. Что ты собираешься делать дальше?

— Я? Собираюсь окончить школу. Потом хочу поступить в колледж.

— Я не скажу никому, договорились? — Он сдвинул очки вверх, на переносицу. — Это останется между нами. Но ты расскажешь мне свою историю. Подожди.

Очки снова съехали на кончик носа, и Энсон просто снял их.

— Твою историю, Карсон. Что ты обо всем думаешь. Необязательно сообщать, где ты сейчас живешь, и все такое. Я никому не скажу, и это серьезная уступка с моей стороны, честно. Я же хочу быть журналистом, а тут такая история. Но я готов опустить кое-какие детали.

Он вновь нацепил на нос очки.

— Моя мать только что умерла.

— Верно. В противном случае я бы ни за что не догадался. Я никому не скажу, а ты расскажешь мне свою историю — от первого лица. Мы встретимся пару раз, в каком-нибудь спокойном местечке, и я запишу твой рассказ. Если я все сделаю правильно, то смогу получить интернатуру в «Таймс». Ты же ни с кем еще не общалась на эту тему. Ни с Саймоном Вэнсом, ни со сценаристом, ни с актерами. Твой отец разговаривал с ними. И твоя мама. Но не ты. Видишь, я все разузнал.

Они были друзьями. По крайней мере, Наоми так считала. Он был рядом, когда она нашла тело матери. Позвонил в «Скорую». И вот теперь...

— Саймон Вэнс и сценарист опередили тебя, Чаффинс. Моя история никого не интересует.

— Да ты шутишь? Еще как интересует! Слушай, мы с тобой встретимся. Можно у меня дома, после школы. Родители будут на работе, и никто ничего не узнает. Я сообщу тебе, где и когда.

Он поспешил прочь, а Наоми сидела еще с минуту в оцепенении. И с чего вдруг она удивилась? Только потому, что считала его другом? Счастье еще, что он не успел опубликовать все в школьной газете.

К черту, подумала она. Пусть все катится к черту.

Она встала и поспешила на кухню, пока кто-нибудь еще не подошел к

ней со словами утешения. Хоть немного побыть в одиночестве...

Но следом за ней на кухню вошел Гарри.

— Присядь, — кивнул он на стул, а сам уселся на кучу коробок. — Что такого сказал этот парень, что ты так расстроилась?

— Ничего особенного.

— Не лги мне.

Никогда прежде не разговаривал он с ней таким тоном.

— Гарри.

— Хватит уже лгать друг другу. Я знал, что твоя мать лжет насчет поездок в тюрьму. Знал, но держал это в тайне от Сета. Я ничего не сказал, поскольку знал, что его это расстроит. Умалчивание — та же ложь.

— Так ты знал?

— Может, если бы я сказал тогда... — Он устало потер глаза. — Теперь остается только гадать.

— Мы тоже знали. Мейсон раскопал. И тоже никому не сказали.

— И куда это завело нас, детка? Хватит уже лжи, хватит утаиваний. — Наклонившись, он взял ее руки в свои. Голубые глаза его смотрели на Наоми с той неподдельной добротой, какую она наблюдала в нем каждый день.

— Когда Сет попросил разрешения поселить вас — тебя, твою мать и брата — в нашем старом доме, я тут же ответил согласием. Я думал тогда, что это ненадолго. Конечно, мы должны помочь — не может же Сет бросить своих близких. Но я думал, пройдет полгода, год, вы встанете на ноги и заживете собственной жизнью. Я согласился, поскольку любил Сета.

— Я знаю.

— Чего я не ожидал, так это того, что люблю всех вас — тебя, Мейсона, вашу маму. И когда речь зашла о продаже дома и переезде в Нью-Йорк, я пошел на это не только ради Сета. Я поступил так ради всех нас, ведь мы успели стать одной семьей. Ты для меня как дочка, Наоми. Поверь, это чистая правда.

— Я люблю тебя, Гарри. Очень-очень люблю. — На глаза у нее навернулись слезы. — Я знаю, как много ты для нас сделал, сколько ты нам дал.

— Не хочу даже слышать об этом. Поверь, ты сделала для меня не меньше. Если я чего и хочу, то только правды. Думаю, мы все в этом нуждаемся. Так что давай начнем прямо сейчас. Что такого сказал тебе Энсон? На тебе просто лица нет.

— Он знает, кто мы такие. Догадался, когда услышал разговор

полицейских. Он хочет быть журналистом, и ему нужна сенсация. Хочет, чтобы я рассказала ему свою историю.

— Я поговорю с этим парнем.

— Нет, Гарри. Что толку? Он уже знает, и ты ничего не изменишь. Он заявил, что не расскажет о том, где я... где мы находимся. Сказал, опустит некоторые детали...

— Но ты ему не веришь. Да и с чего бы?

Наоми вспомнила Марка с его неуклюжими приставаниями, про Чаффинса с его амбициями.

— Я верю только тебе, Сету и Мейсону.

— Мы можем поместить вас с Мейсоном в частную школу.

— Рано или поздно все повторится. Мы можем переехать, но от прошлого не убежишь. Мамы больше нет — мы не смогли уберечь ее от того, что случилось.

— Я никому не позволю обижать тебя.

— Я думала, мы с ним друзья. Но стоит людям узнать, кто ты такая, и они тут же меняются.

— Это значит, они не заслуживают твоей дружбы.

— Но как тут узнаешь, кто есть кто? — Внезапно она вспомнила про карточку, которую дала ей женщина-полицейский: женщина, будто сошедшая с экрана телевизора. — Детектив Россини.

— Почему ты вдруг вспомнила о ней?

— Может, она мне друг. Чаффинс, он курит травку, а заодно и приторговывает.

— Наоми, — вздохнул Гарри, — я понимаю, что существует такая вещь, как давление со стороны сверстников, и сейчас не время...

— Я не принимаю наркотики. Ни я, ни Мейсон, — нахмурившись, она разглядывала визитную карточку. — Он хочет поступить в Гарвард, хочет работать в ФБР и не станет портить себе будущее. А Чаффинс нацелен на Колумбийский университет и «Нью-Йорк таймс». Только представь, если его арестуют за хранение наркотиков — все его планы коту под хвост!

— Шантаж?

— А разве он стесняется меня шантажировать? Я сдам его копам, хоть мне это и не по душе. Надеюсь, детектив Россини пообщается с ним, и он затихнет на время. А я пока напишу свою историю.

— Какую историю? О чем ты?

— Я не такой хороший писатель, как Чаффинс, но при необходимости смогу это сделать. — Озарение было ярким, будто вспышка молнии. — Если я напишу историю — как Наоми Боуз — и продам ее, может даже, той

же «Таймс», Чаффинсу ничего не достанется. Мне просто нужно немного времени, и детектив Россини поможет мне в этом. Я сама напишу свою историю, и никто — ни Чаффинс, ни кто-то другой — не сможет на мне заработать.

— Детка, ты уверена?

— Вполне. Я не позволю использовать себя.

— Поговори с детективом, а мы всегда поддержим тебя в твоём решении.

* * *

Вернувшись в школу, Наоми продолжила работу в местной газете. Она игнорировала испепеляющие взгляды Чаффинса и спокойно выполняла все те задания, которые он на нее сваливал. Что бы там Россини ни сказала ему, про статью он больше не заговаривал. Наоми утешала себя тем, что через четыре месяца он уйдет из школы, а значит, и из ее жизни.

С очередной церемонии «Оскар» сценарист нашумевшего фильма «Дитя зла» унес золотую статуэтку, а пятнадцатилетняя актриса, сыгравшая Наоми Боуз, прошла по красному ковру в платье от модного дизайнера. После оглушительного успеха фильма и не менее оглушительного успеха книги «Нью-Йорк таймс» выпустила в свет историю Наоми.

Наоми ничуть не удивилась, получив от Чаффинса разгневанное письмо:

Сначала ты натравила на меня копа, а теперь еще это! Ты лживая сучка. Я всем расскажу, кто ты такая и где живешь. Я подал тебе идею, а ты украла мою статью!

В ответ она написала пару строк:

Моя жизнь, моя история. Я никогда не соглашалась на твою сделку. Можешь говорить что угодно и кому угодно.

Но Чаффинс ничего не рассказал. Наоми же в качестве благодарности послала детективу Россини букет цветов. Потом она сменила адрес электронной почты и номер телефона и с головой погрузилась в школьную жизнь.

Теперь-то уж, решила она, прошлое и правда останется в прошлом.

Отныне она будет жить как Наоми Карсон.

Глубина резкости

*Концы и начала — их просто не существует.
Есть лишь середина.*

Роберт Фрост

Шесть

Санрайз Ков, штат Вашингтон, 2016

Это вовсе не блажь, убеждала себя Наоми, осматривая старый дом на обрыве. Да, поступила она слишком поспешно, с этим не поспоришь. С другой стороны, ей не привыкать рисковать.

Черт возьми, она купила дом! Дом, старше ее самой раза в четыре. Дом на другом конце страны. Дом, который нуждался в серьезном ремонте и новой мебели.

И в тщательной уборке.

Это вложение, сказала она себе, поморщившись при виде грязной кухни с устаревшим оборудованием и покоробленным линолеумом.

Что ж, она вычистит его и приведет в порядок. А потом снова выставит на продажу или сдаст в аренду. Совсем необязательно жить здесь. У нее всегда есть выбор, и она им воспользуется.

Почему бы не сделать это своим проектом? Дом будет занимать ее в промежутках между работой. Своего рода база, подумала она, проверяя кран над облупившейся раковиной.

Тот чихнул, вздрогнул и выплюнул пару пригоршней воды.

База с отслужившей свое сантехникой.

Что ж, она составит список. Пожалуй, стоило сделать это до покупки дома, но лучше поздно, чем никогда. И первым в ее списке будет сантехник.

Наоми осторожно приоткрыла шкафчик под раковиной. Пахло оттуда затхлой сыростью, а древняя бутылка чистящего средства не внушала никакого доверия.

Да, без сантехника не обойтись.

И без кучи чистящих средств.

Вздохнув, она вытащила из кармана телефон и открыла приложение.

Наем сантехника стал первым в списке задач.

Наоми продолжила свой обход, создавая все новые «напоминалки». Следующей на ее пути была гостиная с великолепным камином резного черного дерева. Трубочист. Есть ли еще те, кто чистит трубы у каминов и очагов? Наверняка. А поскольку в доме было пять каминов, трубочист имел полное право занять место в ее списке.

Ну что заставило ее приобрести дом с пятью каминами? И с десятью спальнями? Не говоря уже про шесть ванных комнат.

Ладно, не время сейчас об этом думать. Лучше прикинуть, какие еще работы тут требуются.

Полы были на редкость прочными. Без полировки не обойтись, однако риелтор действительно продал ей качественную желтую сосну. Посмотрим, не удастся ли ей самой привести в порядок паркет. В противном случае у нас новый пункт — паркетчик.

А еще плиточник. Или это один и тот же человек?

Что ей нужно, прикинула Наоми, шагая вверх по скрипучей лестнице, — это подрядчик. С планом и общей стоимостью работ.

Что ей нужно, поправила она себя, оглядывая широкий коридор, так это полноценный осмотр у врача. Купить такой огромный дом, да еще в таком убитом состоянии!

С какой стати привязала она себя к этому клочку земли в штате Вашингтон? Больше всего Наоми нравилось путешествовать — новые места, новые виды, новые идеи. Только она и фотооборудование. Поезжай куда хочешь. И вот теперь этот якорь в виде ветшающего дома.

Нет, это точно не прихоть. Это явное безумие.

Проходя мимо бесконечной цепочки комнат с великолепными дверями старинной работы, она ощутила привычное давление в груди.

Ну нет, идиотский поступок — еще не повод для приступа паники.

Она принялась медленно, размеренно дышать. Затем направилась в комнату, которая в плане была обозначена как главная гостиная.

Она оказалась большой и хорошо освещенной. Да, полы нуждались в полировке, а стены с их выцветшими голубыми обоями напоминали стоячую воду. Механизм большой стеклянной двери требовал замены.

С усилием потянув, Наоми распахнула дверь и вышла на широкую деревянную веранду.

И тут же ощутила, как тяжесть в груди сменяется невыразимым блаженством. Вот почему, подумала Наоми. Вот почему она все это затеяла.

Перед глазами ее расстилалась бухта, воды которой окружали островки, покрытые пятнами пробуждающейся зелени. Обежав эти клочки земли, вода через узкий канал устремлялась обратно в море. Чуть дальше к западу вздымались горные вершины, на фоне которых темнела густая поросль леса.

А прямо перед ней, за бухточкой, каналом и островками, расстилалась безбрежная синь морского залива.

Утес, на котором расположился дом, был не таким уж высоким, но отсюда открывался превосходный вид на воду, небо и землю. Вид, от которого душа ее наполнялась немыслимым покоем.

Ее место. Прислонившись к перилам, Наоми вдохнула свежий февральский воздух. Стоило ей ступить на эту террасу, и она сразу поняла, что это ее место.

Она сделает все, чтобы придать дому жилой дух, но уже сейчас ясно, что никто не сможет забрать у нее ощущение причастности этому месту.

Поскольку фотооборудование осталось внизу, Наоми достала телефон и включила режим камеры. Она сделала один снимок, другой. Проверила, который лучше. Его-то она и отошлет Мейсону, Сету и Гарри — тем, кто значился в списке контактов как «мои парни». Фото она сопровождала простым посланием: «*Вот почему*».

Наоми снова убрала телефон. К черту список, решила она. Надо съездить в город, закупиться всем необходимым. Остальное она додумает позже.

Вся жизнь в маленьком городке крутилась вокруг воды с ее гаванью. Здесь был магазинчик, где торговали принадлежностями для подводного плавания, офис, где сдавали в аренду каяки и каноэ, рыбный рынок. Вдоль Морской набережной — а как же иначе? — тянулись сувенирные лавочки, кофейни, рестораны. Здесь же, напротив гавани с ее флотилией лодок, высился отель «Санрайз».

В этом отеле Наоми провела пару дней, когда жажда странствий привела ее в Санрайз Ков. Ей хотелось пополнить запас снимков, выставляемых на продажу, и обновить папку с художественной фотографией, и в городке действительно нашлось немало любопытного.

Из окна гостиницы она заметила очертания дома. Тот был повернут к городу вполоборота, будто его интересовали исключительно лес и море.

Ей захотелось сфотографировать дом, и она начала расспрашивать, как туда добраться. Не успела она оглянуться, как уже направлялась к Блафф-Пойнт — так именовали его в городке — в сопровождении Джона Джеймса Муни, местного риелтора.

И вскоре этот дом перешел в ее собственность. С подобными мыслями Наоми припарковалась перед универсамом.

Спустив пару-другую сотен долларов, она отнесла в машину продукты, чистящие средства, бумагу и салфетки, гель для стирки белья — последнее было чистой глупостью, ведь она даже не знала, работает ли стиральная машина. Здесь же поместились базовый набор посуды, кофеварка и пылесос, который она купила в соседнем магазине.

В обоих местах она поинтересовалась насчет подрядчика, и ей называли одно и то же имя — должно быть, парень пользовался здесь популярностью. Решив не откладывать все в долгий ящик, Наоми тут же

позвонила ему и договорилась о встрече — предполагалось, что тот подъедет через час и вместе они совершат обход дома.

Она отправилась назад, довольная тем, что на обратный путь у нее ушло добрых десять минут по извилистым дорогам. Достаточно далеко, чтобы не беспокоили посторонние, но не слишком, поскольку все магазины под рукой.

Открыв багажник «Тойоты», она взглянула на кучу покупок и поклялась, что в следующий раз составит список.

Холодильник, во всяком случае, стоило помыть до того, как покупать продукты.

Наоми вымыла холодильник, заполнила его едой и отправилась за следующей порцией покупок, когда на дороге показался небольшой грузовик.

Она тут же сунула руку в карман, сжала карманный нож. Так, на всякий случай.

Машина затормозила. Из одного окна высунулся мужчина в бейсболке и солнцезащитных очках, из другого торчала голова большого черного пса.

— Мисс Карсон?

— Верно.

— Кевин Баннер.

Прежде чем выйти из машины, он сказал что-то собаке, и та вновь юркнула внутрь.

На вид ему было лет тридцать. Вьющиеся русые волосы, крепкого телосложения. Он протянул ладонь:

— Рад знакомству.

Рабочая рука, отметила Наоми и расслабилась.

— Спасибо, что приехали.

— До меня уже дошли слухи о том, что кто-то с Восточного побережья приобрел этот дом. Как он вам?

— Это нечто.

Кевин усмехнулся:

— Дом пустует уже лет десять, с тех пор как умер мистер Паркерсон. Миссис Паркерсон почти сразу выставила его на продажу. Больше двадцати лет они держали здесь пансион, но в одиночку ей было просто не потянуть, и она перебралась к дочери в Сиэтл. Какое-то время сдавала его в аренду, но потом...

— Большая площадь, требует постоянного ухода.

Кевин покачался на каблуках, задумчиво разглядывая старое здание.

— Ну да, вы поняли, в чем загвоздка. Я сам грозился купить его одно

время — как-никак такие виды, — но жена в ответ пригрозила, что разведется со мной. Возможно, хоть теперь мне удастся поработать над ним... сохранив при этом жену.

— Давайте для начала осмотрим дом. Ваша собака не заскучет в машине?

— Да ничего, пусть сидит.

Положив голову на спинку сиденья, пес скорбно взглянул на Наоми.

— Я люблю собак. Если хотите, можете взять ее с собой.

— Спасибо. Она славная псина, привыкла ездить со мной по стройкам. Идем, Молли.

Изящно изогнувшись, собака выскочила из окна и тут же закрутилась вокруг Наоми, обнюхивая ее ботинки.

— Классный прыжок. — Наоми погладила собаку, и та жизнерадостно завиляла хвостом.

— Хотелось бы понять, что вы намерены сделать из этого дома.

— Усовершенствовать его до уровня двадцать первого столетия. Я не про внешний вид, — добавила она. — Речь идет о сантехнике, электричестве, кухне, ванных комнатах. Надеюсь, хотя бы часть ремонта будет носить косметический характер. Кое-что я в состоянии сделать сама, — добавила она, открывая дверь в дом. — Но с сантехникой мне точно не справиться. Не знаю опять же, безопасно ли пользоваться этими каминами. Поначалу я собиралась сама привести в порядок пол, но потом поняла, что на это у меня уйдет года два-три.

— Как насчет окон?

— А что окна?

— Стоило бы заменить их на теплосберегающие стеклопакеты. Сейчас это выльется в приличные траты, но впоследствии окупит себя. Сократит вам счета на отопление дома. Зимой здесь очень даже не жарко.

— Возможно, я и внесу это в список.

— Мне надо взглянуть на электропроводку, посмотреть, что и как. И надо выяснить, как там с каминами. Вы намерены и дальше топить их дровами?

— По правде говоря, я об этом не думала.

— На верхнем этаже тоже есть камин, так ведь? Если не хотите таскать по лестнице дрова, можете поменять их на газовые.

— Неплохая мысль.

— Хотите сделать из дома что-то типа гостиницы?

— Нет. По крайней мере, не сейчас.

Пока они обходили первый этаж, Кевин кивал, делал заметки, что-то

бормотал вполголоса. Когда они добрались до кухни, он стащил кепку, поскреб затылок и вернул ее на место.

— Сразу хочу сказать, что тут придется менять все подчистую.

— Начни вы заверять меня в обратном, я бы решила, что ваша репутация сильно преувеличена.

— Что ж, прекрасно. Готов спорить, что под этим чудовищным линолеумом находится все тот же паркет.

— Серьезно? — Хоть какое-то утешение на фоне предстоящих трат. — А можно это проверить?

— Мне придется поднять линолеум в углу.

— Ради бога.

Выбрав место, он начал орудовать своим перочинным ножом.

— Так и есть, желтая сосна.

— Здорово. Снять этот хлам, помыть, почистить, отполировать. Верно?

— Я бы так и поступил.

— Так и сделаем.

— Прекрасно, — повторил он, окидывая взглядом кухню. — Могу предложить вам парочку проектов.

— Этим я займусь сама. Кухни я еще не проектировала, зато нафотографировала их достаточно. Я фотограф, — пояснила она. — Делаю снимки для сайтов, каталогов, прочих изданий.

Наоми прошла по кухне, мысленно «раздев» ее до пола и стен.

— Здесь много места, и это несомненный плюс. Мне нужен целый островок приличных размеров, для готовки и для еды. Ничего того, что есть в гляцевых журналах, однако сельский стиль меня тоже привлекает. Ограничимся современной простотой. Стало быть, темные шкафчики со стеклянными дверцами, свет над разделочными столами, какая-нибудь интересная облицовка, и в целом можно поэкспериментировать с освещением. Вот тут достаточно места для встроенной двойной духовки. Не знаю, зачем мне двойная духовка, но мои дядюшки от нее без ума. Как центральный штрих — газовая плита и вытяжка. У окна — выступающая раковина. Ванная эта тут ни к чему. Сделаем вместо нее маленькую кладовку. И избавимся вон от той задней дверцы. Вместо нее — стеклянные панели с выходом на террасу, чтобы вдоволь полюбоваться на пейзаж.

Все это время он делал заметки, кивая в такт ее словам, но тут поднял голову.

— Мисс Карсон?

— Наоми.

— Наоми. Я люблю мою жену.

Она рассеянно улыбнулась:

— Вот и прекрасно.

— Я влюбился, когда мне было шестнадцать, и целый год не решался признаться ей в своих чувствах. Возможно, я до сих пор мечтал бы о первом поцелуе, если бы она сама не взяла, так сказать, быка за рога. Мне было двадцать три, когда мы поженились. Это тоже ее заслуга, поскольку я никак не мог собраться с духом и сделать предложение. Сейчас у нас двое детишек.

— Мои поздравления.

— Так вот, я действительно люблю свою жену, что диктует определенную осмотрительность. Но если мы с вами и дальше будем продолжать в том же духе, я поцелую вас прямо в губы.

— Хотите сказать, я могу надеяться?

Кевин расплылся в улыбке.

— Это случится, если вы и дальше будете следовать в русле моих собственных предпочтений. Мысль о поцелуе пришла мне в тот момент, когда вы предложили убрать эту хлипкую дверцу. Кухне требуется вид. К чему все эти пейзажи за окном, если вы их все равно не видите? А если вы позволите снести вон ту стену, у вас получится плавный переход в зону столовой. Тогда это место перестанет быть чисто рабочим помещением. Гостиные расположены на другом конце дома, но здесь вы тоже сможете собирать народ — ничто не мешает готовить и развлекаться одновременно.

— Я подумаю над вашим предложением.

Так они прошлись по всему дому. Потом Кевин сходил за рулеткой и вновь обошел этажи, тщательно все измеряя.

Пока он занимался этим, Наоми успела выгрузить и разложить свои покупки. Затем она налила им по стаканчику колы. Они выпили, удобно расположившись на главной веранде и наблюдая за тем, как солнце опускается за кромку деревьев.

— Мне нужно подсчитать общую стоимость работ. Не исключено, что вам захочется присесть, когда вы увидите окончательную смету.

— Это я уже поняла.

— Потом мы поговорим о приоритетах — о том, что нужно сделать в первую очередь и что может подождать.

— Договорились.

— Что ж, спасибо за колу. — Он вернул ей пустой стакан. — Я рад, что смог досконально осмотреть весь дом. Если вы согласитесь нанять меня, я

постараюсь сделать все как можно лучше.

— В этом я не сомневаюсь.

— Я свяжусь с вами. Идем, Молли.

Машина отъехала и скрылась за поворотом. Тишина скатилась на землю, будто солнце за кромку деревьев.

Что ж, она тоже не будет тратить время впустую, решила Наоми. И направилась в дом, чтобы обустроить для себя временное гнездышко.

По утрам она делала фотографии: восходы солнца с их безумным смещением красок, птицы, вода, деревья. Днем она бродила по магазинам и блошиным рынкам. Очень скоро она приобрела себе стул со столом, пару ламп и еще ряд мелочей. Самой выгодной покупкой могли считаться железный диван-качалка и парный ему стул — старые, но в хорошем состоянии.

По вечерам она делала себе сэндвич или поджаривала пару яиц, наливала в стакан вина и отправлялась обрабатывать снимки.

За это время ей удалось продать кое-что из художественной фотографии — через свой сайт и галерею в Нью-Йорке. Но главный ее доход поступал от продажи стоковых снимков.

Наоми давно научилась работать где угодно: в машине, на привале, в комнате мотеля. Но возможность заниматься любимым делом в собственном доме, с его благословенной тишиной, казалась даром небес. И все это — благодаря дедушке с бабушкой, которые создали счета для нее и Мейсона.

Наоми, в свою очередь, не забывала регулярно писать им, сопровождая эти послания собственными снимками. Со времен колледжа, как бы там ни складывалась ее жизнь, она старалась звонить им каждую неделю.

Эти люди потеряли свою дочь — причем дважды, по мнению Наоми. И она делала все возможное, чтобы они не потеряли еще и внучку.

Она сфотографировала стул и диван-качалку, сделав акцент на проржавевшем железе, на причудливых пятнах облупленной краски. Но центром композиции, ее ярким пятном стал букет анютиных глазок густо-фиолетового цвета, который Наоми поместила тут же, на террасе. Очень скоро она приведет диван в порядок и сделает новые фотографии. Вместе со старыми она отправит их домой, чтобы там могли заметить разницу.

На то, чтобы составить смету, у Кевина ушла почти неделя. На этот раз он приехал в компании Молли и своего шестилетнего сына Тайлера. Мальчик оказался крохотной копией отца. Он был ужасно симпатичным, и Наоми пожалела, что у нее нет печени.

— Мы тут всей компанией отправились за пиццей и решили заодно

завезти вот это. Пожалуй, тебе лучше присесть и выпить чего-нибудь покрепче, прежде чем ты начнешь читать.

— О-хо-хо.

— Ну да. Как я уже сказал, для начала стоит определиться с приоритетами. С чего-то начать, что-то отложить на потом. В общем, почитай, подумай. Если решишься, дай мне знать. Я тут вписал еще одно имя. Не исключено, что тебе захочется поискать другого подрядчика, а эта компания хорошо справляется со своей работой.

— Спасибо.

— Ну что, ребята, идем, — мальчик с собакой рванули к машине, но Кевин задержался. — И не забудь налить себе что-нибудь покрепче.

Продолжая сжимать в руке конверт, Наоми вернулась на кухню. Стакан вина и правда не помешает, решила она. Налив стакан, она вышла на террасу и присела на диван-качалку.

Какое-то время она молча потягивала вино, наблюдая за красной лодкой, скользившей по воде к берегу.

Затем она поставила стакан на пол и открыла конверт.

— Дьявол. Дьявол. Привет тебе, шестизначное число.

Пожалуй, и правда стоило выбрать что-то покрепче вина. К примеру, пару рюмок текилы. До сих пор ей не случалось увлекаться текилой, но в нынешней ситуации она бы явно не помешала.

Сделав еще глоток, она вздохнула и принялась изучать смету.

Да, работы тут неуворот. Взять ту же кухню. На самом деле Кевин выставил не так много, как она ожидала. И окна. Чтобы все их заменить, потребуется приличная сумма. Наоми и тут провела предварительные подсчеты, и сумма, запрошенная Кевином, вновь недотягивала до ее ожиданий.

Похоже, ей сделали скидку.

Она встала, прошла по террасе, затем села и перечитала все заново.

Сантехника, электропроводка, на чердаке — замена изоляции. Все самое необходимое. Господи, а еще эти полы. Какой-то немыслимый метраж! Ну зачем она купила такой большой дом?

Вместо ответа она бросила взгляд на пейзаж за окном. Лучи солнца искрились на поверхности воды. Белая птица парила над заливом, широко раскинув крылья.

Наоми вновь пробежалась глазами по смете. По крайней мере, часть покраски она может взять на себя. Найдутся и другие работы, которые будут ей по плечу. А кое на чем можно сэкономить.

Но экономить ей не хотелось.

У нее есть сбережения, напомнила себе Наоми. Она всегда отличалась бережливостью, жила по средствам. Единственными большими покупками ее до этого дома были профессиональная камера и автомобиль. Ничего, она вытянет ремонт.

Наоми вновь бросила взгляд на воды залива. Ей нужен этот дом. Она успела побывать во всех штатах, дважды ездила в Европу. И ни одно место не влекло ее, как это.

Взяв телефон, она позвонила Кевину.

— Вызвать тебе «Скорую»?

Она невольно рассмеялась. Наоми не так уж быстро сходилась с людьми, но с Кевином ей было по-настоящему легко.

— Поначалу я горько пожалела, что у меня нет текилы, но быстро взяла себя в руки. Когда ты сможешь начать?

— Что? Что ты сейчас сказала?

— Если уж делать, так делать. Когда ты сможешь начать?

— Пожалуй, это мне нужна «неотложка». Ну и ну. Слушай-ка, я готов дать себе пинка, и все же... может, проверишь второго подрядчика?

— Я купила дом, поскольку ощутила в нем что-то свое, родственное. И ты это понял. Кое-что я намерена сделать сама — вроде покраски стен. Может, найдется еще какая-то работа, с которой я справлюсь. Это слегка снизит расходы. Но в целом я готова на траты. Так когда ты начнешь?

— В понедельник. Я привезу контракт. Включу в него пункт о том, что красить ты будешь сама. Если не справишься, мы найдем тебе замену. Я начертил примерный план кухни...

— Да, я видела. В целом меня устраивает. Скажешь только, где я смогу купить шкафчики и прочее оборудование. Мне надо прикинуть, что именно я хочу.

— Тебе придется всерьез над этим подумать.

— Верно. Значит, чем раньше начнем, тем лучше.

— Наоми, пожалуй, я все-таки поцелую тебя в губы. Думаю, моя жена поймет.

Хотелось надеяться, что жена Кевина была такой же симпатичной, как он сам.

— Поживем — увидим.

— Завтра я приеду с контрактом.

— А я подготовлю чек на материалы, как сказано в смете.

— Вот и прекрасно. Какой у тебя любимый цвет?

— Все без исключения.

— Замечательно. Тогда до завтра. Еще раз спасибо, Наоми.

Она вернулась в дом, откупорила бутылку вина. И выпила за скорые перемены.

Назавтра Кевин приехал с договором. Вместе с ним прибыли его жена — очень милая Дженни, — Тайлер и четырехлетняя Мэдди, светловолосая копия своего отца.

Вместе с документами Кевин вручил Наоми букет разноцветных тюльпанов.

— Раз уж тебе нравятся все цвета без исключения.

— Спасибо, чудесный букет.

Тут он взял ее за плечи и поцеловал. Тайлер прикрыл глаза, Мэдди захихикала. Дженни просияла улыбкой.

— Сколько я помню, ему все время хотелось поработать над этим домом. Кевин сказал, что ваши предпочтения полностью соответствуют его собственным. Он лучший специалист в этих краях. Сами увидите, когда они закончат.

— Дженни не вполне объективна, — Кевин обнял жену за плечи, — но правдива. В понедельник сюда прибудет мусорный бак. Команда соберется в семь тридцать. Увы, без шума тут не обойтись.

— Ничего, переживу.

— Что ж, тогда до понедельника.

Они вновь уселись в машину. Кевин высунул голову из окна, совсем как его пес.

— Мы зададим жару этому местечку!

Наоми перенесла в спальню кофеварку, холодильник заполнила напитками, закусками и кое-какими фруктами. На террасе можно пристроить походную плитку. Ничего, ей приходилось готовить и в худших условиях.

В понедельник она отложила привычные занятия и присоединилась к рабочим, которые вычищали ее кухню и прилегающую ванную. Она махала кувалдой, снимала старый линолеум, помогала выносить старые шкафчики и стойки.

Донельзя измученная, она уснула еще до того, как солнце скатилось за лес.

Каждое утро стук и грохот начинались заново. Наоми брала чашку кофе, батончик мюслей, камеру и спускалась вниз. Рабочие скоро привыкли к ней и перестали реагировать на камеру.

Она снимала перепачканные в пыли руки, взмокшие от пота тела, ботинки с отбитыми носами.

По вечерам, в блаженной тишине, она закусывала сэндвичами и

работала над снимками. Примеряла различные фильтры, экспериментировала с композицией. Чтобы продажи не падали, постоянно обновляла свой сайт.

Выкроив немного свободного времени, она отправилась смотреть на гранитные плиты... и затратила больше часа, делая фотографии. Снимки остро обрезанных краев, зернистой структуры, всевозможных пятен и цветов. Устав от бесконечных сэндвичей и супов, она купила по дороге домой свежую пиццу.

Она съест ее на террасе, удобно устроившись на обновленном диване-качалке. Потом она побалует себя фильмом, который посмотрит на ноутбуке. Хватит с нее на сегодня работы. А завтра ей доставят тот огромный матрас, который она заказала в магазине. Так что на надувном она будет спать последнюю ночь.

Сумерки неумолимо опускались на землю, пока она ехала по извилистой дороге к себе на гору.

Из чащи деревьев выскочил олень. Следуя инстинкту, она вывернула руль и ударила по тормозам. Машину занесло.

Наоми не столько услышала, сколько почуяла, как лопнула шина. Выругавшись, она попыталась выправить автомобиль.

Закончилось все тем, что она съехала в неглубокую канаву, протянувшуюся вдоль дороги.

Олень тем временем бросил на нее мимолетный взгляд и в мгновение ока скрылся в зарослях кустов.

— Черт, черт, черт. Ладно, успокойся. Никто не пострадал, включая проклятого Бэмби. — Распахнув дверцу, она выбралась наружу, чтобы оценить повреждения.

Шина действительно лопнула, но колесо, похоже, осталось целым. Она в состоянии поменять чертову шину, но с учетом того, как развернуло машину, ей придется изрядно повозиться. Надвигающаяся темнота тоже не добавляла оптимизма.

Открыв багажник, Наоми вытащила сигнальный фонарь и установила его в нескольких футах позади машины. Второму нашлось место перед автомобилем. Фары она тоже не забыла включить.

Стараясь не поддаваться раздражению, она потянула из багажника домкрат.

За поворотом дороги мелькнули огни. Приближались они слишком быстро, и Наоми с тревогой уставилась во тьму. Но грузовик — судя по очертаниям, это был он — вскоре притормозил и замер на месте.

Наоми положила домкрат и крепче сжала монтировку.

— Какие-то неприятности?

Глубокий мужской голос.

— Шина лопнула. Я справлюсь, спасибо за беспокойство.

Но он шагнул вперед, ближе к огням.

— Запасная у вас есть?

Высокий, длинные руки и ноги.

— Конечно, есть.

— Прекрасно. Давайте я поменяю.

— Весьма признательна, — она поудобнее ухватилась за монтировку, — но я и сама справлюсь.

Он лишь наклонился вперед, пытаясь разобрать, что же случилось. Теперь Наоми видела его лучше: копна темных, встрепанных ветром волос, четкий профиль, на щеках — еле заметная поросль щетины. Потертая кожаная куртка. Широкие ладони на коленях длинных ног.

— Машина наклонилась так, что с заменой могут возникнуть трудности. Но все поправимо.

Теперь он смотрел прямо на Наоми. Привлекательное, твердых очертаний лицо — такими принято изображать сильных мужчин. Густые, слегка растрепанные волосы, на губах — ни тени улыбки.

В темноте она не могла разглядеть цвета его глаз, однако смотрел он, казалось, безо всякой угрозы. И все же...

— Мне уже приходилось менять шину.

— Да и мне вообще-то тоже. Ксандер Китон. Гараж и автомастерская Китона — это надпись у меня на грузовике. Я механик.

— Я не вызывала механика.

— Ну так разве не здорово, что я как раз проезжал мимо? Буду очень признателен, если вы не врежете мне этой монтировкой. — Осторожно шагнув вперед, он взял домкрат и приступил к работе. — Хорошо вы угрохали шину. Вам потребуется новая. Если хотите, я закажу для вас.

Он подхватил гаечный ключ.

— Отчего она лопнула? Я не вижу следов износа.

— Олень — выскочил прямо на меня. Машину занесло, и вот...

— Бывает. Едете домой? Я просто пытаюсь поддержать разговор, — заметил он в ответ на ее молчание. — Чувствуется запах пиццы. Едете вы из города, стало быть, не собирались там оставаться. Я не видел вас тут прежде.

— Да, я еду домой.

— Новенькая в этих краях, поскольку я всех тут знаю. Направляйтесь домой по этой дороге. Блондинка с эффектной внешностью. Вы, случаем,

не Наоми?

Она отступила назад.

— Успокойтесь, — заметил он, доставая запасную шину. — Кевин Баннер. Он переделывает для вас старый дом Паркерсонов. Мы с ним приятели неразлейвода. Как говорится, до самой могилы. Ну, до могилы нам еще далековато... разве что вы прикончите меня своей монтировкой. Можете позвонить ему, запросить мои рекомендации.

— Он ни словом не упоминал про вас, — тем не менее она слегка расслабилась.

— А вот это уже обидно. Как-никак я был свидетелем у него на свадьбе. Тайлер — мой крестник. Двоюродный брат Кевина Марк меняет у вас трубы, а Мейси Аддамс — я был по уши влюблен в нее в старших классах — занимается плотницкими работами. Ну как, я оправдан?

— Узнаю завтра, когда спрошу у Кевина.

— До чего же вы циничны и подозрительны. Мне даже нравится, — затянув гайки, он крутанул колесо. — Готово.

Опустив домкрат, он вновь бросил взгляд на Наоми.

— Какой у вас рост?

— Сто семьдесят восемь.

— Вы умеете себя подать. — Он убрал инструменты в чемоданчик. — Если хотите, прихватчу лопнувшую шину с собой, а вам закажу другую.

— Я... пожалуй, так будет лучше. Спасибо.

Увидев, что Наоми зашарила по карманам, он покачал головой:

— Хотите заплатить? Дайте кусок вашей пиццы.

— Вы серьезно?

— Это пицца Ринальдо. У меня к ней слабость.

— Вы хотите кусок пиццы?

— Не так уж много, если учесть, что смена вашей шины грозила обернуться для меня сотрясением мозга.

Наоми открыла дверцу, достала коробку.

— Мне не во что положить ее.

— Как насчет этого? — Ксандер протянул широкую ладонь.

Пожав плечами, Наоми положила ему на ладонь кусок пиццы.

— Спасибо за помощь.

— А вам спасибо за пиццу. Надеюсь, доедете теперь без происшествий.

Она забралась в машину и пристегнулась, наблюдая за тем, как он шествует к своему грузовику. Именно так — не шагает, а вальяжно шествует.

Наоми тронулась, и он просигналил ей на прощание.

С минуту он задумчиво жевал пиццу. Та, как всегда, была просто восхитительна.

И все же она в подметки не годилась длинноногой блондинке с настороженным взглядом.

Семь

Наоми приехала сюда ради спокойствия и уединенности. А кончилось все полным шумом и людей домом. Бывали дни, когда даже пейзаж за окном не мог уравновесить царящего внутри хаоса.

Порой она спрашивала себя, что же помешало ей ограничиться базовыми удобствами — надежной сантехникой и хорошим холодильником? Но ответа не находилось.

В доме некуда было ступить от строительных материалов. Во дворе высился немыслимо огромный мусорный бак. После трех дней затворничества — на улице лил дождь, что делало съемку практически невозможной — Наоми захотелось сесть в машину и сбежать куда глаза глядят.

Вместо этого она купила малярную краску.

В первый день она отчищала и штукатурила стены в главной спальне. Вечером смешивала краски, составляла с помощью компьютера возможные сочетания. На вторые сутки она убедила себя в том, что это лишь краска, и если ей не понравится, как она ляжет на стены, можно будет переделать все заново.

Наоми купила столько краски, сколько порекомендовал Кевин. Заодно она запаслась ведерками и кистями. Про стремянку забыла, так что пришлось позаимствовать ее у рабочих.

Натянув старый свитер, джинсы и кепку, уже заляпанную штукатуркой, она приступила к работе. Чтобы изолировать себя от грохота и шума, доносившихся с первого этажа, она вставила в уши наушники и принялась красить под собственную музыку.

* * *

Ксандер ехал вверх по петляющей дороге, размышляя о том, что старый дом, смутно вырисовывавшийся на обрыве, как нельзя лучше смотрелся именно в дождливые дни. В некоторых окнах светились огни, и это лишь усиливало атмосферу. Общий вид слегка портил гигантский мусорный бак во дворе, но Ксандер представил, с каким удовольствием Кевин и его бригада сбрасывают сюда мусор.

Выбравшись из машины, он поежился под струями дождя и быстро

зашагал к дому.

Шум внутри был просто невероятным, но без этого не обходится ни одна стройка. В доме пахло кофе, опилками, мокрой собакой — стало быть, Молли шныряла где-то поблизости.

Дом внутри выглядел весьма печально — унылое, запущенное место. Да, высокие потолки придавали ему класс, а каменные каминные создавали особую атмосферу, но все остальное явно требовало переделки.

Ксандер вновь вспомнил длинноногую блондинку с сексуальной стрижкой и настороженной реакцией. Ну что у нее общего с этим местом? В ней явно читался город. Большой город.

Тем интереснее казался ее выбор жительства.

Ориентируясь на шум, он зашагал в сторону кухни. В коридоре громоздились доски, инструменты, мотки проводов.

И зачем только людям такое количество комнат? Что намерена делать с ними сексуальная блондинка?

Добравшись до кухни, он сам смог ответить на свой вопрос. Здесь она собиралась переделывать все с нуля.

Кухню разобрали до самого основания, а теперь меняли и его. Синий брезент, содрогавшийся от струй дождя, прикрывал большую дыру в задней стене. Ксандер неплохо разбирался в сантехнике, чтобы представить, что и как тут могло проходить. И ему сразу стало ясно, что в заднем левом углу располагался когда-то сортир.

— Привет, Кев! Надеешься с помощью этого места дать образование детишкам?

Кевин, сидевший на корточках возле труб, оглянулся.

— Лишние деньги никогда не помешают, — откликнулся он, стараясь перекрыть шум.

Он встал, подошел к двери:

— Каким ветром тебя сюда занесло?

— Привез новую шину для «Тойоты».

— Ясно. Сказал бы мне, я бы ее захватил.

— Ничего страшного. Все одно мне хотелось взглянуть на дом.

Кевин с удовлетворением оглянулся.

— Все идет как нельзя лучше.

Ксандер тоже оглянулся.

— Идет к чему?

— Задействуй воображение, парень, — подойдя к куску фанеры, Кевин ткнул в него пальцем. — Вот к чему мы стремимся.

Ксандер, сунув руки в карманы, с минуту изучал план будущей кухни.

— Так вот для чего эта дыра. А что там было раньше?

— Обычная дверь. Никчемное приспособление. Наоми сразу предложила убрать ее. У нее есть видение этого места.

— Видение и глубокие карманы.

— Тем лучше для нас обоих. И лучше для этого места. У нее наметанный глаз — фотограф, и все такое. Она сразу почувствовала атмосферу этого дома. Не хочет, чтобы все здесь было гладким и прилизанным. Эта кухня и большая ванная — два наших главных проекта. Добавь сюда новые окна — придут уже завтра, — полировку полов, замену сантехники, электропроводку, отделку, покраску стен... Ремонт в основном косметический, но дел все равно уйма.

— Сколько же здесь комнат?

— Восемнадцать. Плюс пять с половиной ванных, после того как одну мы разобрали. И это не считая подвального помещения.

— Она не замужем, так? Живет одна?

— Кому-то нравится простор, а кому-то нравится жить в трех комнатках у себя над гаражом.

— А кто-то водит минивэн.

Кевин пихнул его в бок:

— Подожди, пока обзаведешься детишками.

— Поживем — увидим. Ладно, где Наоми?

— Наверху, работает с краской.

— Работает с краской. В смысле, красит стены или стоит за мольбертом?

— Стены. Она неплохо подготовила их для работы, но остальное, боюсь, придется доделывать Джимми и Рене.

Ему ничего не стоило оставить Кевину счет, положить запасную шину в ее автомобиль и отправиться по своим делам. Но раз уж он добрался досюда...

— Пойду поднимусь наверх.

— Можешь воспользоваться задней лестницей. — Кевин махнул рукой, указывая, куда идти. — Угловая комната с видом на залив.

— Заглянешь ко мне на пиво после работы?

— Хорошая мысль. Пожалуй, так и сделаю.

Ксандер направился к лестнице на второй этаж. Поскольку с Кевином они были знакомы всю жизнь, он без труда распознал работу друга — новые ступени, прочные, широкие перила. Освещение выглядело так, будто вы попали в прошлый век, но это легко было исправить.

Тут он поднялся на второй этаж и замер, в изумлении оглядывая

коридор. Такое чувство, будто его позаимствовали из фильма «Сияние». Еще немного, и навстречу выедет ребенок на самокате... или из-под двери просочится полуразложившийся труп.

Как же ей спалось тут по ночам?

Ксандер постучал в дверь угловой комнаты. Никто не ответил, и он без долгих раздумий распахнул дверь.

Наоми, взобравшись на приставную лестницу, аккуратно прокрашивала стены у самого потолка. И справлялась она с этим очень даже неплохо.

Он хотел снова постучать, но в этот момент Наоми подхватила припев «Shake It Off»:

— Cause the players gonna play, play, play, play, play...

Приятный голос, подумал он и только тут заметил наушники.

К тому времени, когда Наоми добралась до «Baby, I'm just gonna shake, shake, shake», он подошел к лестнице и хлопнул девушку по плечу.

Та повернулась так стремительно, что ему пришлось согнуться, лишь бы не получить в лицо кистью.

— Ого, — вырвалось у него. В следующее мгновение, заметив, что Наоми покачнулась, он придержал ее за зад.

И добавил с самодовольной мужской улыбкой:

— Весьма.

— Руки прочь.

— Просто удержал тебя и это ведро от падения на пол, но руку тем не менее убрал. — Я постучал, но вы с Тейлор^[2] так заливались, что пришлось войти без разрешения.

Она осторожно опустила пропитанную краской кисть.

— Если стучишь, а тебе не отвечают, самым логичным будет повернуться и уйти.

— А по-моему, пятьдесят на пятьдесят.

У нее были зеленые глаза. В первую их встречу он не смог разглядеть цвет ее глаз из-за сгустившихся сумерек и только теперь заметил, какие они восхитительно зеленые. И рассерженные.

— Да ладно, масса людей открыла бы дверь и заглянула внутрь.

— Что тебе нужно?

— Я тоже рад нашей встрече. Завез тебе шину, на замену.

— Ах да. Спасибо.

Он достал из заднего кармана счет, протянул его Наоми.

— Чуть дороже, чем кусок пиццы.

— Ясное дело. Примешь чек?

— Конечно. Чек, наличные, карточка. — Ксандер вытащил из кармана куртки считывающее устройство. — На твой выбор.

— Тогда лучше карточка. Не слишком ли продвинутые технологии для гаража?

— Мне нравятся новые технологии. К тому же это очень удобно, если нужно помочь кому-то прямо на месте. Я исправляю поломку, человек расплачивается карточкой и отправляется своим путем.

Кивнув, она достала из кармана тонкий бумажник. Ксандер при виде него лишь вскинул бровь. Он привык, что знакомые ему женщины таскают с собой сумки необъятных размеров, забитые всякой всячиной.

— Очень мило с твоей стороны доставить шину прямо сюда.

— Ну, допустим, не прямо сюда. Я оставлю ее внизу, когда уеду. Смотрю, Кевин тут здорово поработал.

— Да уж.

— В стене появилась большая дыра.

— К концу дня она превратится в новую дверь. Дай-то бог.

Он провел карточкой по считывающему устройству.

— Приятный цвет — я про краску.

— Надеюсь. — Она не без тревоги взглянула на стену. — Как тебе кажется, получился теплый оттенок?

Вернув ей карточку, Ксандер принялся разглядывать нежно-голубое покрытие.

— Да. Оттенок теплый и какой-то безмятежный. Похоже на цвет залива в утренний час, до того как вода окрасится в густо-синий.

— Верно. Поначалу мне хотелось добавить чуть больше серого, но потом... Ладно, это всего лишь краска.

— Это стены, — поправил ее Ксандер. — Тебе с ними жить.

— Черт.

— Тебе удалось уловить спокойствие и теплоту, если это то, чего ты хотела добиться. В любом случае скоро ты привыкнешь к цвету стен. Тебе нужен чек? Могу выслать его по электронной почте.

— Да нет, он мне ни к чему.

Похоже, просто не хочет давать ему свой имейл. Ксандер убрал считывающее устройство.

— Тебе еще много красить. Почему бы не открыть двери на балкон, не впустить немного свежего воздуха?

— Там дождь. Но ты прав. — Она потянула защелку. — Ах ты, чертова штукенция.

Накрыв ее ладонь своей, Ксандер как следует толкнул. Дверь

распахнулась. Оба выглянули на улицу.

— Когда видишь это, напрочь забываешь про стены.

— Вот и мне так кажется.

В потоках дождя мир за окном выглядел странно призрачным и нереальным. Ключья тумана парили над водой, как сказочные птицы.

— Забываешь даже о том, что второй этаж выглядит так, будто списан с отеля «Оверлук»^[3].

— Спасибо на добром слове. Теперь мне везде будет мерещиться кровь.

Ксандер усмехнулся:

— Ничего, это ненадолго. Что ж, мне пора идти. Удачи с вашей стройкой.

— Спасибо.

Он вышел, а Наоми все стояла у окна, наблюдая за холодными струями дождя.

Что уж там, он и правда напугал ее. Сначала это быстрое похлопывание по плечу, когда все ее мысли были заняты музыкой и работой. Уже в следующее мгновение его рука легла ей на зад.

Она бы и сама сохранила равновесие.

Ксандер, впрочем, сразу отступил, показывая, что он совершенно безобиден.

Но Наоми-то знала, что это не так. Несмотря на беспечную болтовню о краске и стенах, он был совсем не безобиден. Наоми сразу оценила твердый, прямой взгляд его синих глаз, и что-то подсказало ей, что Ксандер Китон — не тот человек, с кем можно просто пофлиртовать.

Невзирая на внешнюю простоту, в нем чувствовалась внутренняя твердость. Она знала, как подобрать компаньона на пару ночей, если вдруг возникала такая потребность. И ей было ясно, что Китон не из этой породы.

Да, весьма привлекателен — в грубовато-сексуальной манере. Несомненным плюсом в ее глазах было и то, что он возвышался над ней на добрую пару дюймов, хотя Наоми давно перестала обращать внимание на подобные тонкости. Да, она почувствовала явное влечение к этому человеку, но это не значит, что она не постарается держаться от него подальше.

Чем проще, тем лучше, сказала она себе, возвращаясь к лестнице. В ее жизни и без того хватало сложностей.

А Ксандер Китон был лишен этой желанной простоты.

Когда дождь наконец закончился и в небе вновь засияло солнце, Наоми не отказала себе в удовольствии поиграть с новыми дверьми на кухне. После того как рабочие уехали, она открывала и закрывала их раз десять, если не больше.

Как только погода улучшилась, она вновь схватилась за камеру. Снимки цветов всегда приносили приличный доход, так что набухающие почки и россыпь луговых цветов стали для нее настоящей сокровищницей. Наоми часами бродила по лесам, высматривая причудливые узоры и наросты на коре. Ее внимание мог привлечь какой-нибудь ручей, несущий к морю остатки льда и стаявшего снега. Время от времени такой поток превращался в крохотный водопад, с шумом устремлявшийся в каменистое русло.

А как-то раз, на рассвете, она едва не столкнулась на лесной тропке с медведем. Но не растерялась и успела сделать снимок.

Десять дней она непрерывно занималась съемкой, красила стены и мучилась подбором мебели на кухню. Наконец, совершенно измучившись, она устроилась с ноутбуком на своем новом — огромном — матрасе и принялась писать:

Привет вам, мои дорогие, со Стройки Века.

Я это сделала! Моя спальня выкрашена полностью — каждый квадратный дюйм стен и потолка. Стекланные двери ведут из нее на балкон, где я намерена сидеть по утрам на собственноручно отполированном стуле, созерцая за чашечкой кофе превосходные виды. Созерцание, впрочем, будет недолгим, поскольку рабочие приходят рано и дом наполняется немыслимым шумом. Но кухня уже начинает обретать свои очертания. Я помню, как вы переделывали свою кухню... постойте-ка... лет шесть назад. Я как раз приезжала домой на пару недель и застала весь этот хаос. Но даже он не идет ни в какое сравнение с тем, что творится у меня сейчас.

И все же мне нравится — сам процесс ремонта.

Сегодня утром я видела медведя. Не бойтесь, я интересовала его куда меньше, чем он меня. Фотографию прилагаю. Вот кита мне сфотографировать так и не удалось. Я

уверена, что это был кит — он как раз выплывал из залива. Но пока я доставала камеру, он успел скрыться.

Мне здесь хорошо. В городе ко мне уже начали привыкать — здороваются со мной на рынке и в магазинах, где я бываю сейчас чаще всего. Ах да, забыла про пиццерию. Пиццу здесь не сравнить с нью-йоркской, но мне пришлось по вкусу.

Несмотря на ежедневный шум, мне здесь нравится. Напрягает лишь необходимость выбирать. Кевин сказал, что мне надо подобрать плитку для большой ванной и облицовку на кухню. Признаться, я в ужасе — подобные решения даются мне нелегко.

Жду от вас письма — и тебя, Мейсон, это тоже касается! Не вздумай отделаться обычными «как дела» и «все в порядке». Скоро я начну приводить в порядок комнаты, которые отвела специально для вас.

Их нынешние снимки тоже прилагаются.

Люблю. Скучаю.

Наоми

Отправив письмо, она приказала себе усесться за работу. Нужно было обновить страничку на «Фейсбуке», пополнить Тамблер и Пинтерест, написать пару заметок для блога. Обязанности, от которых бы она избавилась раз и навсегда, не будь они частью ее работы.

Часом позже она поставила ноутбук на подзарядку и взглянула в окно. Над заливом поднималась яркая луна.

Схватив камеру, фильтры и второй набор линз, Наоми поспешила на террасу, где ее тут же охватила вечерняя прохлада.

Она запечатлела луну вместе с ее отражением в море. Зеркальная луна, быстро всплыло в ее голове название для снимка. Она фотографировала и фотографировала, меняя фильтры, угол обзора. Почему бы не сделать целую серию открыток? У нее на сайте они пользовались большим успехом. Если все пойдет как надо, можно будет распечатать несколько постеров, отослать их в художественную галерею.

Но одну такую картину она оставит себе. Потянувшись, Наоми вдохнула ночную свежесть, прислушалась к восхитительному чувству одиночества и покоя.

Лучшую она повесит у себя в спальне, на стене, которую выкрасила собственноручно.

Ее луна над ее заливом.

Лучше и быть не может!

* * *

Прошло три недели с начала ремонта. И вот настал вечер, когда Кевин задержался подольше, чтобы установить на новой кухне необходимое оборудование. Наоми помогала в меру своих сил, пока Молли лениво дремала у порога.

— Поверить не могу, что это моя кухня!

— Да, вышло недурно.

— Недурно? Кевин, да это же потрясающе! Как думаешь, я не сглупила, отказавшись от темно-вишневой мебели в пользу бледно-зеленой?

— Выглядит очень даже здорово — стильно, но без вычурности. И хорошо сочетается с серой гранитной отделкой, с ее зелеными прожилками. У тебя острый глаз, Наоми.

— Надеюсь. Пожалуй, для этих шкафчиков мне потребуется что-то посерьезней, чем одноразовая посуда. Признаться, я еще ни разу в жизни не обставляла кухню.

— Разве раньше у тебя не было квартиры или чего-то подобного?

— Ну да, иногда я что-то снимала, но чаще всего находилась в разъездах. Соответственно, и посуда одноразовая или второй сорт. У меня и в мыслях не было осесть где-нибудь навсегда.

Она вновь окинула взглядом пустые шкафчики.

— Но раз уж у меня появился свой дом, придется задуматься и о посуде. Другое дело, что голова у меня и так забита плиткой, облицовкой и выключателями. А тут еще тарелки со стаканами.

— Поговори с Дженни. Эта женщина обожает новую посуду.

— Пожалуй, мне стоит остановиться на ресторанном варианте — белый цвет избавляет от необходимости сочетать оттенки.

— И все-таки поговори с Дженни. Знаешь что? — Он сдвинул на затылок рабочую кепку. — Тебе стоит выбраться сегодня к Лу. Посидишь с нами, расслабишься.

— Если не ошибаюсь, это такой бар? Неподалеку от Морской набережной.

— Верно. Симпатичное местечко. Неплохая еда, музыка. Мы с Дженни договорились с няней, так что сможем отдохнуть вечером без детей. Почему бы тебе не присоединиться к нам?

— Что-то вроде дружеского свидания?

— Вроде того. По правде говоря, Дженни давно наседала на меня, просила пригласить на ужин. Но мне казалось, мы тебе и за день успеваем надоесть.

Что ж, весьма проникательно, подумала Наоми.

— Если ты придешь сегодня в бар, это станет чем-то вроде компромисса. Выпьешь с нами, обсудишь с Дженни посуду. Думаю, вечер в городе тебе не повредит.

— Пожалуй.

Кевин не стал настаивать, и они вновь взялись за работу. Закончив, они обменялись дружеским рукопожатием.

— Увидимся у Лу, если все-таки решишься, — сказал он. Наоми лишь помахала ему на прощание.

На самом деле она не собиралась бросать свою практически готовую кухню с ее пустыми шкафчиками и светло-серыми — с намеком на зеленый — стенами. У нее и без того хватало дел.

Но она же решила осесть. А это предполагает хотя бы минимум дружелюбия.

В противном случае она так и останется для жителей городка той странной особой с Пойнт-Блафф. Это лишь привлечет к ней внимание, вызовет ненужные пересуды. Нормальные люди время от времени выбирают с друзьями в бар. И пусть с Дженни их связывало лишь шапочное знакомство, Кевина она по праву могла считать своим другом.

Гарри наверняка счел бы их симпатичными.

Так почему бы нет? Она натянет одежду поприличнее, слегка подкрасится и поедет в город. Выпьет в местном баре, поболтает с женой друга о столовой посуде. И на месяц можно забыть про свои общественные обязанности.

Наоми остановила свой выбор на черных джинсах и свитере. Только не черном, сказала она себе. Лучше надеть тот, который Сет и Гарри подарили ей на Рождество — бледно-зеленый, схожий по оттенку со стенами кухни.

На улицу она вышла уже в темноте, а потому решила не выключать свет на веранде. Сигнализация, сказала она себе, запирая дверь. Очень скоро она установит здесь современную сигнализацию.

Бросив взгляд на дом, она едва не поддалась соблазну остаться. Здесь

было так тихо, так спокойно. Один напиток, приказала она себе и направилась к машине.

Ни разу еще не приходилось ей бывать в городе так поздно. Да и зачем? Был вечер пятницы, и народ толпами прогуливался вдоль набережной. Туристы, сказала себе Наоми. Туристы смешались с местными, чтобы пройтись по магазинам, посидеть в кафе у открытых окон.

Бар Лу располагался в квартале от Морской набережной, между рестораном и закусочной. Добравшись до места, она заметила машину Кевина и сама припарковалась поблизости.

Не успев еще распахнуть дверь, она услышала доносившуюся изнутри музыку.

Наоми представляла себе маленький бар, однако помещение выглядело весьма просторным. Была здесь даже небольшая танцплощадка, на которой в такт музыке кружило десятка два посетителей. Она почувствовала запахи пива и жареных закусок, пота и духов. Заслышав шум блендера, Наоми решила, что «Ледяная Маргарита» ей точно не помешает. В следующее мгновение она заметила Кевина, который махал ей из-за столика.

Дженни первой сжала ее руку.

— Как же я рада, что ты пришла! Кевин думал, ты не решишься.

— Не смогла устоять перед искушением.

— Садись же. Кевин, принеси Наоми выпить.

— Что ты будешь?

— «Ледяную Маргариту». Желательно, с солью.

— Пойду принесу. А то когда еще они подойдут к столику! Дженни?

— Да я еще это не выпила.

Только он отошел, Дженни тут же развернулась к Наоми:

— Господи, ты просто красotka!

— Я...

— Я нянчу уже второй бокал вина, потому что пьянею очень быстро. Я к тому, что мне всегда хотелось быть высокой. А что вышло?

— Мне всегда хотелось быть миниатюрной. Ну что тут поделаешь?

— Я заглянула к тебе на сайт посмотреть снимки. Это такой восторг! Там есть кувшинка, одна-единственная кувшинка, которая будто плывет по воде. Пока я смотрела на нее, у меня возникло ощущение, будто я побывала в отпуске. А та старая могила на кладбище, где еще видна тень от церкви! Женщине было сто два, когда она умерла, а я до сих пор переживаю. Забыла только, как ее звали.

— Мэри Маргарет Аллен.

— Верно. — Карие глаза Дженни лучились улыбкой. — Знаешь, я сама неплохо фотографирую. Детишки, какие-то события из жизни. Все то, что хочется запечатлеть в снимках. Но ты — совсем другое. Твои работы буквально берут за душу.

— Лучший комплимент из всех, какие мне доводилось слышать.

— Это чистая правда. Кевин сказал, тебе нужны стаканы, тарелки и все в этом роде.

— Верно. Но я думаю обойтись чисто белыми, чтобы не заморачиваться.

— Что ж, неплохо. В этом случае ты могла бы приукрасить их салфетками... Слушай, Кевин сфотографировал на телефон твою кухню и показал мне. Так здорово, что шкафчики вышли бледно-зелеными, удачное дополнение к этим серым стенам. Такое чувство, будто ты наполняешь дом красками с улицы.

— Точнее не скажешь.

Дженни глотнула вина, откинула назад свои длинные волосы.

— Я просто подумала, как здорово смотрелась бы за стеклами посуда темно-синего цвета. Один в один с твоей задумкой.

— Темно-синий. Отличная идея.

— А для стаканов можно подобрать что-нибудь понежнее, вроде зеленых и голубых тонов. Смешать их в общую картину. Я дам тебе ссылки на сайты, где есть интересные образцы. А дома у меня лежит целая пачка каталогов. Ах да, пока Кевин не вернулся... Не могла бы ты попросить меня заглянуть к тебе домой? Посмотреть на то, что он уже сделал. Еще он сказал мне, что ты купила старый диван-качалку и парный стул к нему и полностью их обновила. Я сама люблю подыскивать что-нибудь ненужное, чтобы вдохнуть в него новую жизнь.

— Конечно, приезжай. Посмотришь, что и как.

— Обещаю, что не буду донимать тебя расспросами. — Дженни широко улыбнулась Кевину, который вернулся к столу с коктейлем в руках.

— Останови меня, а то я совсем заболтала бедняжку.

Поставив стакан, тот поцеловал жену в щеку.

— Хватит болтать, Дженни.

— Как скажешь. К тому же мне ужасно нравится эта песня.

— В таком стакане можно с легкостью искупаться, — заметила Наоми, — но лучше уж я его выпью.

Услышав со сцены классика Спрингстина^[4] — «I'm on Fire», — она оглянулась, чтобы получше рассмотреть группу.

Солист был в черном — джинсы, рубашка, потертые ботинки. Он

стоял, медленно перебирая пальцами струны гитары, подчеркивая голосом каждую интонацию, каждый сексуальный оттенок мелодии.

Что ж, следовало догадаться.

— Ксандер со своей группой играет тут каждую пару недель, — сообщил Кевин. — Это наши «Мародеры».

— А-а, — сказала она.

И взглянула, будто загипнотизированная, в эти синие глаза. Голос Ксандера предостерегал и искушал, наполняя тело невыносимым жаром.

Пожалуй, потребуется каждая капля этого ледяного коктейля, чтобы хоть немного остыть.

Восемь

В перерыве Ксандер подошел к их столику с бутылкой воды в руке. Дженни ткнула в него пальцем:

— Ты же знаешь, что со мной делает эта песня.

Ксандер неспешно уселся на стул.

— Отблагодаришь меня позже, — сказал он Кевину. — Ну, как поживаешь? — это уже в адрес Наоми.

— Хорошо. — Такое чувство, будто внутри у нее лопнуло что-то горячее. — И ты очень даже неплох. Мои дяди — давние фанаты Спрингстина. Они бы наверняка одобрили твою версию.

— И сколько их у тебя?

— Всего двое. Они водили нас с братом на концерт E Street Band^[5], когда те воссоединились. Ты был у него на концерте?

— В Такоме, во время того же тура. У меня просто крышу снесло.

Немного расслабившись, она улыбнулась:

— Да уж, такое трудно забыть.

Блондинка в облегающей розовой блузке подошла к столику и обняла Ксандера сзади за шею.

— А ты не хочешь спеть «Something from Nothing»?

— Ближе к концу.

— Как насчет того, чтобы присоединиться к нам с Патти? Выпьем по кружечке пива.

— Я на работе, Марла, — качнул он бутылкой из-под воды.

Она капризно надула губки. Надо сказать, впустую, поскольку Ксандер никак не мог увидеть ее гримаску.

— В любом случае можешь посидеть с нами. Привет, Дженни. Привет, Кевин.

Ее взгляд упал на Наоми.

— А кто ваша подружка?

— Наоми, — представил ее Кевин. — Марла.

— В гостях? — поинтересовалась Марла.

— Нет, я здесь живу.

Ну не странно ли, запоздало подумала Наоми. Она тут живет.

— Не видела тебя раньше. Ты, наверно... Слушай-ка, не ты ли та дамочка, что купила старый дом на обрыве? Кевин, ты же работаешь там, да?

— Верно.

— Ты или богачка, или чокнутая.

— Я не богачка. — Наоми предпочла не обращать внимания на бестактность сексапильной блондинки.

— Ты же знаешь, что там водятся привидения? Тебе должны были сказать.

— Не помню, чтобы кто-нибудь об этом упоминал.

— Я бы ни за что на свете не решилась остаться там одна. Ты фотограф, верно? Патти считает, ты хочешь открыть здесь фотостудию.

— Я не занимаюсь студийной фотографией.

Ксандер прервал их беседу.

— Я подойду к вам в следующем перерыве, — похлопал он по руке, которая поглаживала теперь его плечо.

— Чудесно. Тогда мы... — наклонившись, блондинка зашептала ему на ухо что-то такое, отчего уголки губ его приподнялись.

— Потрясающее предложение, Марла, но мне не хочется убегать потом от Чипа с его молотком.

Она вновь надула губки.

— Мы с ним в разводе.

— Тем не менее.

— В любом случае тебе стоит подумать.

— Понятное дело, — пробормотал он, когда Марла, покачивая бедрами, направилась к своему столику.

— В чем состояло предложение? — не утерпел Кевин.

— Позже расскажу.

— Ну что ты с ней поделаешь. — Дженни с виноватой улыбкой взглянула на Наоми: — Марла вовсе не злая, просто ее иногда заносит.

— Кому-то от нее досталось? — спросил Ксандер.

— Только не мне. — Наоми вновь принялась за коктейль. — Я же не получала от нее никаких предложений.

— Ха. Она надеется, что Кевин скажет Чипу про ее заигрывания с Ксандером...

— Чего я не намерен делать.

— Ясное дело. Но Марла на это надеется. Ей хочется верить, что Чип разъярится и прибежит к ней выяснять отношения. Они поругаются, переспят в пылу ссоры, после чего она снова выставит его за порог.

— Примерно так, — кивнул Кевин. — Странные у них отношения. Но он не будет бегать за тобой с молотком, поскольку ты его приятель.

— К тому же Чип — славный парень, — добавила Дженни. — Я знаю,

он ввязался из-за Марлы в пару драк, но это она его настроила.

— Марла считает, что славный парень — не для нее. Ей нужен кто-то поопасней, — заметил Ксандер. — Но это уже их проблемы. Заказать вам еще выпивку? Я могу передать Лу.

— Еще стакан вина, и я окончательно сойду с катушек. И что с того? — хмыкнула Дженни. — Как-никак сегодня пятница, за детьми присмотрит няня.

— Мне тоже вина, — сказал Кевин.

— Я не буду. Во-первых, я за рулем, а во-вторых, мне уже пора уходить.

— Задержись ненадолго. — Ксандер взглянул на Наоми с ленивым прищуром. — Можешь заказать что-нибудь из музыки. На свой вкус.

— «Hard to Explain», — сказала Наоми после секундного раздумья. Может, потому, что именно эта песня играла в ее плеере, когда они прощались с ним в последний раз.

Усмехнувшись, он встал и направился к сцене.

— Я такой не слышала, — заметила Дженни. — Но Ксандеру она точно известна.

Наоми не в чем было упрекнуть группу, которая играла классическую вещь The Strokes так, будто они репетировали ее все утро. Она послушала еще несколько песен, пока не поняла — еще немного, и она просидит здесь до самого закрытия.

— Мне и правда нужно идти. Спасибо за коктейль... и за то, что уговорили присоединиться к вам.

— Всегда пожалуйста. Увидимся в понедельник.

— Я скоро загляну к вам, — сказала Дженни. — Если ты будешь занята, Кевин покажет мне дом.

Наоми покинула бар под неспешное, даже томное исполнение «Лейлы» Клэптона^[6].

Похоже, эротический сон с Ксандером в главной роли был ей на сегодня обеспечен.

Тем не менее ей хватало дел, чтобы отвлечься от этого сексуального томления. Два дня тихой, спокойной работы, с ярким солнцем по утрам и дождиками на ночь, помогли сгладить внутреннее недовольство.

Свой утренний кофе она, как и было обещано, выпивала на террасе (не помешает, пожалуй, купить другую кофемолку). Ритуал этот сопровождался безмятежным покоем и одиночеством.

В воскресенье, когда пришла пора пообщаться с родными, Наоми вновь пребывала в прекрасном настроении.

— А вот и она! — На экране планшета возникло сияющее лицо Сета, который успел обзавестись небольшой бородкой.

— Привет, красавчик.

— Это ты мне? — Гарри, обняв Сета за плечи, наклонился к экрану. На руках у этой парочки сияли обручальные кольца, которыми они обменялись в Бостоне летом 2004-го.

— Сразу два красавца.

— Добирай до трех. Смотри, кто пришел к нам на ужин.

На экране возникло улыбающееся лицо Мейсона.

— Ну надо же, специальный агент Карсон.

Только взгляните на него — высокий, выше Наоми. Действительно, хорош собой. И, что самое главное, счастлив. Мейсон занимался тем, что было ему по душе.

— Как там ФБР?

— По-всякому.

— Он только что вернулся с севера штата, — сообщил ей Сет. — Занимался похищением человека. Помог вернуть домой двенадцатилетнюю девочку.

— Это моя работа. Скажи лучше, как обстоят дела с твоей сумасшедшей покупкой?

— Сумасшедшей? Ты только взгляни, — взяв планшет, она медленно обошла кухню. — Ну, кто из нас сумасшедший?

— Наоми, это потрясающе! Только посмотри на вытяжку, Сет!

— Забудь про нее, — откликнулся Сет. — Вот шкафчики — это да! Только почему они пустые? Гарри, нужно послать ей в подарок посуду.

— Нет-нет, я уже работаю над этим. Я отправлю вам ссылку на то, что меня заинтересовало. А сейчас поднимемся вверх. Хочу, чтобы вы взглянули на стены в моей спальне — я выкрасила их сама.

— Сама? — фыркнул Мейсон.

— Именно так. Не исключено, что я уже никогда в жизни не возьму в руки кисть, но эту комнату я прокрасила от и до.

— А кстати, сколько всего там комнат?

— Не важно. Скажите лучше, не промахнулась ли я с краской?

Наверху она медленно прошлась по комнате.

— Мне нравится, — сказал Сет. — Мило и ненавязчиво. Но почему у тебя нет настоящей кровати?

— Она у меня в списке неотложных покупок, — в очень длинном, надо сказать, списке. — Я ведь только что закончила с покраской. А тут еще работа со снимками, так что времени практически не остается.

— Ты слишком много работаешь, — упрекнул ее Сет.

— Это вы слишком много беспокоитесь. В эту пятницу я была с друзьями в баре, слушала местную группу.

— Встречаешься с кем-нибудь? — тут же поинтересовался Гарри, а Мейсон у него за спиной закатил глаза — уж лучше ты, чем я.

— Я встречаюсь с массой людей. У меня тут работает целая бригада — пять дней в неделю, по восемь часов в день.

— А нет ли в этой бригаде какого-нибудь симпатичного холостяка?

— Присматриваешь себе кого-нибудь новенького?

— У меня и так есть все, что нужно, — рассмеялся Гарри.

— У меня тоже. Расскажите-ка лучше, как у вас дела? Как там ресторан? Что сегодня на ужин?

Разумеется, ее попытка перевести разговор на другую тему была слишком очевидной, тем не менее они не стали настаивать на своем. И следующие пятнадцать минут они просто болтали обо всем, что так или иначе могло заинтересовать Наоми.

Когда они наконец попрощались и Наоми выключила планшет, ее так и подмывало бросить все и помчаться в Нью-Йорк.

Вернувшись к себе в комнату, она попыталась работать за компьютером, но ей никак не удавалось сосредоточиться.

Пора прогуляться, сказала она себе. Сфотографировать город, прилегающую бухту. Прекрасное занятие для воскресного вечера. Потом она вернется домой и приготовит что-нибудь поизысканней, чем простая яичница.

Недолго думая, Наоми уселась в машину и поехала в город. Здесь она бросила автомобиль на стоянке и принялась бродить по улицам, высматривая интересные кадры.

Вот яхта покачивается на воде — белая, будто свадебная фата. Неподалеку пристроился корабль, украшенный воздушными шариками, — здесь явно собираются устроить какую-то вечеринку. Чуть дальше — рыбацкая лодка серого цвета, похожая на старую работающую кобылу.

Вдоволь нагулявшись по городу, Наоми угостилась апельсиновой фантой (напиток ее детства), после чего вновь забралась в машину. Впереди был целый вечер, и она планировала провести его за новыми снимками.

Она выехала за поворот. И ударила по тормозам.

Теперь это был не олень, а пес. И брел он не по дороге, а по обочине. Она было вновь тронулась в путь — чужой пес, чужие заботы, — но собака сделала еще пару шагов, а затем обессиленно опустилась на землю.

— Проклятье.

Ей не хватило духу просто взять и уехать. Она съехала на обочину и остановилась. И что теперь прикажете делать?

Что, если он бешеный, или больной, или...

Пес поднял голову и бросил в ее сторону умоляющий взгляд.

— Ну ладно — Она с опаской приблизилась. — Привет, собачка. Хороший песик... хотелось бы верить.

Как-никак он был большим. Только тощим — можно ребра пересчитать. А еще грязным. Большой, тощий, грязный пес с большими голубыми глазами, смотревшими на нее с невыразимой печалью.

Ошейника она не заметила, стало быть, с хозяевами не связаться. Может, позвонить ветеринару или в приют для животных? Номера она быстро найдет по телефону.

Пес заскулил, пополз к ней на животе. Наоми присела на корточки, осторожно протянула к нему руку.

Тот лизнул ее, подполз ближе.

— Ты не ранен? — Грязный или нет, но она бережно погладила его по голове. — Потерялся? До чего же ты тощий! А у меня с собой ни крошки съестного. Не возражаешь, если я позову кого-нибудь на помощь?

Вновь проскулив, он опустил ей на ногу свою мохнатую, грязную голову.

Наоми вытащила из кармана телефон, и в этот момент до нее донесся звук мотора. Мотоцикл. Кто-то ехал сюда со стороны города.

Переложив голову собаки на землю, она шагнула вперед, чтобы притормозить водителя.

Ей хватило секунды, чтобы понять, кто это. Длинные ноги, худощавое, подтянутое тело. Лицо прикрыто шлемом, но Наоми и без того знала, что перед ней Ксандер Китон.

Заглушив мотор, он слез с мотоцикла.

— Ты его сбила?

— Нет. Он брел вдоль дороги, а потом просто лег на землю. И я...

Она замолчала, поскольку Ксандер уже склонился над псом, быстро пробежался по нему руками.

— Ну-ну, малыш, все в порядке. Не вижу на нем ни крови, ни ран. Переломов тоже не заметно. Не думаю, чтобы его сбила машина.

— Он такой тощий и...

— Там, в сумке, есть вода. Принеси, пожалуйста. Пить? Хочешь пить? И есть тоже. Сразу видно, бредешь издалека.

Пока он так разговаривал с собакой, Наоми, порывшись в сумке, достала бутылку воды.

— Давай-ка посмотрим, что тут можно сделать. — Ксандер открутил крышку и кивнул Наоми: — Сложи руки лодочкой.

— Я...

— Ну же. Это не смертельно.

Она послушно сложила ладони перед собачьей мордой. Ксандер налил туда воды, и пес, жадно чавкая, начал пить. А затем вновь опустил голову на землю.

— Нельзя оставлять его на дороге. Я перенесу его в твою машину.

— И что я буду с ним делать?

— Отвезешь к себе домой.

— Но я не могу взять его. — Она вскочила на ноги, когда Ксандер поднял собаку с земли.

Самец, заметила она. Вдобавок некастрированный.

— У него наверняка есть хозяева.

Продолжая держать собаку на руках, Ксандер взглянул на нее с привычной прямоотой.

— По-твоему, этот пес выглядит так, будто у него есть хозяева? Открой машину.

— Он мог просто потеряться. Что, если его ищут?

— Я поспрашиваю у местных, но надежды мало. Взрослый пес. Дворняга. С примесью хаски или овчарки. Элис скажет точнее — это наш ветеринар. Если кто-то потерял собаку, ей наверняка известно. Но по воскресеньям у нее выходной.

— Но должна же быть какая-то неотложная помощь?

— Единственная неотложная вещь здесь — этот пес, которого нужно помыть, накормить и где-нибудь пристроить.

— Так возьми его к себе.

— На этом? — кивнул он в сторону мотоцикла.

— Я подожду.

— Ты нашла его.

— Ты бы нашел его пару минут спустя.

— Слушай, бери его домой, а я привезу кое-что из припасов. Завтра отвезешь его к ветеринару. Я оплачу половину счета. Но в приют собаку лучше не отправлять. Если там не найдут хозяев — а я практически уверен, что он бездомный, — его скорее всего просто усыпят.

— Не говори так, — не зная, что еще предпринять, она в отчаянии сжала руки. — Иначе меня все время будет мучить чувство вины. Постойка, он такой грязный... про запах я вообще молчу.

Схватив старое одеяло, которое лежало у нее свернутым, она

расстелила его на заднем сиденье.

— Вот и хорошо. Я скоро вернусь, привезу все необходимое. Жди меня у дома.

Наоми молча смотрела, как Ксандер усаживается на мотоцикл, заводит мотор. Пара секунд, и он уже скрылся из виду. Она с опаской взглянула на пса.

— Надеюсь, тебя не стошнит прямо в машине.

Ехала она медленно, все время поглядывая в зеркало, но собака лежала спокойно. Никаких подозрительных звуков оттуда тоже не раздавалось.

Добравшись до дома, она подошла к задней двери и распахнула ее.

— Ну и пахнет же от тебя. Потребуется недели две, чтобы все выветрилось. Понимаю, что это не твоя вина, но все же... Сам ты выбраться отсюда вряд ли сможешь.

Пес слегка поерзал на животе, пытаясь лизнуть ее руку.

— Ладно, не страшно. Ты такой тощий, что я могла бы пронести тебя на руках милую-другую, даже не вспотев. Другое дело, что ты слишком грязный и вонючий. Подождем, когда вернется Ксандер. Лежи здесь, просто лежи.

Забежав в дом, она налила воды в пластмассовую чашку, прихватила заодно горсть пресных крекеров.

Когда она вернулась, пес, поскуливая, обнюхивал край сиденья.

— Нет-нет, жди здесь. Я тут принесла тебе подкрепиться. Вот крекер.

Пес буквально проглотил его, как и шесть других. Затем, срыгнув, принялся лкать воду.

— Так-то лучше, правда? Надеюсь, Ксандер не задержится. Лучше бы ему поторопиться, ведь чем дольше ты находишься в моей машине, тем больше времени мне потребуется на то, чтобы избавиться от этого запаха.

Она достала из машины оранжевую фанту, а затем, повинуясь импульсу, вытащила свою камеру.

— Сделаем-ка мы парочку снимков для приюта и ветлечебницы. Надо же искать твоих хозяев.

Наоми принялась фотографировать собаку, которая все это время смотрела на нее своими необычными голубыми глазами, столь заметными на фоне темно-коричневой шкуры. Заслышав звук мотора, Наоми почувствовала странное облегчение.

Ксандер, сменивший мотоцикл на машину, припарковался рядом.

— Пыталась скормить ему крекеры? — спросил он, заглядывая в машину.

— Ничего другого у меня просто нет.

— Я тут привез кое-что. Но лучше покормить собаку снаружи, а то вдруг ее опять стошнит.

— Прекрасная мысль.

Ксандер, будто не замечая ужасного запаха, поднял пса на руки и вытащил из машины. На этот раз собака не легла — она продолжала стоять, хоть и с видимым усилием. Ксандер тем временем вытащил из машины большой пакет с собачьим кормом. Причем уже открытый. Корм он насыпал в большую синюю чашку.

— Держи.

Наоми поймала брошенную ей чашку поменьше.

— Для воды.

Она свернула за угол, где находился шланг — тот самый, из которого предполагалось поливать будущий сад.

К тому моменту, когда она вернулась, пес успел проглотить все до кусочка и с надеждой поглядывал на пакет.

— Нет уж, парень, сначала попей, — Ксандер взял у Наоми чашку, поставил ее перед собакой.

Пес пил жадно, как верблюд.

— Мне плевать, если ты назовешь меня бессердечной, но этот пес не войдет в мой дом, пока мы не избавимся от запаха.

— Да нет, все в порядке. Должно быть, где-то в пути он покатался на какой-то тухлятине. Собаки это любят. Ничего, сейчас мы его отмоем. Шланг у тебя там?

— Да. Могу принести из кухни жидкое мыло.

— Не нужно.

На этот раз он достал из машины черный ошейник и шампунь для собак.

— Смотрю, ты обо всем позаботился.

— Тебе придется поддержать его. С мытьем я справлюсь сам, но вряд ли он будет в восторге от этой процедуры.

— Если он меня укусит, тебе не поздоровится.

— Не укусит. По глазам видно, собака не злая. Ну что, приступим?

— Держу его.

Пес оказался сильнее, чем она ожидала. Но и Наоми была не из слабых. Когда Ксандер начал поливать его водой из шланга, пес задержался, залаял, попытался увильнуть.

Но ни разу не огрызнулся и не укусил.

Ксандер достал из кармана большую собачью галету, и пес затих, жадно разглядывая угощение.

— Ну что, хочешь перекусить? Подержи шланг, — попросил он Наоми и разломил галету пополам. — Половину сейчас, половину, когда мы закончим.

Скормив собаке кусок лакомства, он налил в ладонь немного шампуня. Псу, судя по всему, нравилось, что его трут и намыливают, и он терпеливо сносил эту процедуру.

Потом его снова окатили водой из шланга, и это, конечно, было не так здорово. Но когда Ксандер принялся намыливать его повторно, пес в блаженстве прикрыл глаза. Возможно, решила Наоми, он тоже рад, что не воняет больше, какдохлый скунс.

— Сейчас я отпущу его, так что лучше отойди.

— Отпустишь? А если он сбежит?

— Никуда он не сбежит. Отойди, а то промокнешь еще сильнее.

Наоми отпустила ошейник и быстренько отбежала назад, когда пес начал энергично встряхиваться.

— А он даже ничего, когда помытый.

— Наберет немного веса и будет вообще красавцем. В нем чувствуется примесь лабрадора. Из дворняг получают самые лучшие собаки.

— Смотри, раз уж он теперь вымыт и неплохо держится на ногах, почему бы тебе не забрать его домой?

— Не могу.

— Ты знаком с ветеринаром. К тому же...

— Я не могу. Понимаешь... — Он вынул из машины большое полотенце и принялся растирать пса. — В прошлом месяце мне пришлось усыпить свою собаку. И это после стольких лет. Я пока не готов взять новую.

Открытый пакет с кормом, шампунь, ошейник. Она бы и сама могла догадаться.

— Ладно, я знаю, каково это. У нас была собака. Ее подарили моему брату на Рождество. Малыш был такой славный, такой понимающий. Его даже не пришлось усыплять — он просто умер во сне, когда ему было четырнадцать. Мы плакали как малые дети. Все четверо.

Пес ткнулся носом в карман Ксандера.

— А он не глуп. — Ксандер вытащил вторую половину галеты, предложил собаке. Предложение было благосклонно принято.

— Хороший друг, сразу видно.

— Возможно.

— Отвезешь его завтра к Элис. Я, как и обещал, оплачу половину счета. И поспрашиваю местных, не терял ли кто собаку.

— Хорошо.

— У меня с собой поводок и подстилка. Не самая новая, но ему, думаю, без разницы. И парочка костей из жил. Сейчас принесу.

Наоми бросила взгляд на пса, на Ксандера, на большущий пакет корма.

— Хочешь пива? Ты его точно заслужил.

— Подожди-ка, — вытащив телефон, он быстро набрал номер: — Да, да, я написал, что буду. Так и есть, только немного задержусь.

— Слушай, если у тебя свидание, не нужно...

Ксандер перевел на нее взгляд — голубые, как у собаки, глаза, только цвет более насыщенный.

— Кевин и Дженни. Воскресный ужин. Наоми нашла собаку, и я тут помогал с мытьем. Не знаю. На вид года два. Шерсть — после того, как мы смыли тонну грязи, — золотисто-коричневого цвета. Помесь пород.

— Я сделала фотографии. Пошлю им снимок — а вдруг узнают?

— Твой босс, Кевин, хочет прислать тебе фото собаки. Ладно, до встречи, — убрав телефон, он перекинул через плечо сумку с собачьим кормом. — Ну, где там твое пиво?

Они зашагали к дому. Пес ковылял между ними.

— Он все еще хромает.

— Слишком долго был в пути. Стер себе лапы.

Наоми распахнула дверь, и пес, переступив через порог, принялся исследовать новое жилье.

— Как думаешь, нам удастся найти его хозяев?

— Спорим, нет. Отнести это на кухню?

— Да.

Что ж, она оставит его у себя на ночь. В крайнем случае на несколько дней. До тех пор, пока ему не подыщут новых хозяев. Наоми достала пиво и бутылку вина. Пиво вручила Ксандеру, вино налила себе — в одноразовый стаканчик.

— Спасибо. — Потягивая пиво, Ксандер неспешно оглядывал кухню. — Выглядит замечательно. Просто здорово. Не знаю, как ему это удалось, но Кевин в таких вопросах мастер.

— Мне нравится. Правда, сидеть пока негде — надо еще купить стулья. И обеденный стол. А еще, по мнению моих дядюшек, не помешает что-то вроде дивана. Его можно поставить вон в тот угол.

— Кто эти загадочные дядюшки, которые водят тебя на Спрингстина, покупают вам собак и дают советы насчет диванов?

— Младший брат моей мамы и его муж. В каком-то смысле они нас вырастили.

— Ты росла в доме своих голубых дядюшек?

— Да. Что-то не так?

— Да нет, почему. Это Нью-Йорк, так ведь?

Он стоял, прислонившись к стойке, и чувствовал себя, очевидно, совсем как дома. Почти как собака, которая растянулась прямо на полу и спала теперь в полной безмятежности.

— Да, это Нью-Йорк.

— Ни разу там не был. Чем они занимаются? Твои дядюшки.

— У них свой ресторан. Гарри там шеф-повар, а Сет ведет бухгалтерию. Получается неплохо. Брат работает на ФБР.

— Seriously?

— Прошел курсы психиатрии, психологии и криминологии. Собирается заниматься поведенческим анализом.

— Судя по всему, вы четверо неплохо ладите друг с другом. Тем не менее ты здесь, за три тысячи миль.

— Сама не думала, что так получится. — Она пожала плечами. — А у тебя здесь есть близкие?

— Родители пару лет назад перебрались в Седону. Сестра живет в Сиэтле, а брат — в Лос-Анджелесе. Не сказать, чтоб мы были слишком близки, но общаемся по-родственному.

— А вырос ты здесь? Вместе с Кевином.

— Можно сказать, с пеленок.

— У тебя есть гараж, автомастерская и половина доли в баре — Дженни об этом упомянула. А еще ты продвигаешь свою группу.

— Я не продвигаю группу. Просто половина доли в баре означает, что нам приходится играть там, — он поставил пустую бутылку. — Пойду принесу подстилку. Сюда или наверх?

— Лучше наверх, — со вздохом сказала Наоми. — Надеюсь, он приучен, и все такое.

— Скорее всего.

Ксандер затащил наверх собачью постель, пристроил ее перед камином. Затем бросил туда желтый теннисный мяч.

— Знаешь... я бы не стал больше кормить его сегодня. Если что, можешь дать пару крекеров. Или вот эту кость. Пусть жует.

— Надеюсь, это все, что он у меня сжует. — Она бросила взгляд на собаку, которая все это время ходила за ними по пятам, а теперь сжимала в зубах теннисный мяч.

— Ладно, поеду, а то Дженни не захочет меня кормить. Твой дядя — шеф-повар?

- Один из лучших.
- А ты готовишь?
- Ясное дело, с таким-то наставником.
- Хороший навык.

Он шагнул вперед. Ей следовало догадаться. Она привыкла улавливать мельчайшие нюансы в поведении окружающих. Но Ксандер оказался быстрым, и в следующее мгновение она очутилась в крепких объятиях.

В его порыве не было и намека на медлительность. Губы сжимали, брали свое, пока руки уверенно скользили по ее телу.

Наоми могла остановить это. Разумеется, он был больше ее, сильнее, но она знала, как защитить себя. Но ей не хотелось прерываться — по крайней мере, не сейчас, не сразу.

Обняв его за пояс, она покорила его губам, вспыхнула ответным огнем.

Ксандер первым ослабил хватку, слегка отстранился, так что Наоми вновь встретилась взглядом с его голубыми глазами.

- Как я и думал.
- О чем ты?
- Как удар под дых. В тебе чувствуется огонь.

В этот раз она успела уловить движение. Решительно положила ладонь ему на грудь.

- В тебе тоже. Но я пока не готова на большее.
- Чертовски жаль.
- Готова подписаться под твоими словами, и все же...

— Все же, — кивнув, он отступил назад. — Я свяжусь с тобой. Насчет собаки.

- Насчет собаки.

Он вышел. Пес глянул ему вслед и заскулил.

— Побудешь пока со мной, — чувствуя, что ноги ее не держат, Наоми опустилась на матрас. — Нельзя мне с ним связываться. Уверена в этом на все сто.

Пес подошел, опустил лапу ей на колено.

— Не подлизывайся. Я не собираюсь заводить интрижку с Ксандером и не намерена оставлять тебя навсегда. Ты тут на время.

Ночь-другая для пса, пообещала она себе. И ни одной для Ксандера Китона.

Девять

Поводок псу сразу не понравился. Стоило Наоми пристегнуть его, как собака начала тащить, тянуть и оглядываться, пытаясь укусить странную штуку. В конце концов она выманила пса из дома сахарной косточкой.

Ветлечебница понравилась ему еще меньше. Как только они вошли в приемную, пес напрягся, задрожал и попытался выбраться наружу. На одном из стульев сидел мужчина с проседью в волосах. У его ног распласталась пожилая дворняга. Губы ее изогнулись, будто в презрительной ухмылке. Из переносного домика выглядывал кот. Его зеленые глаза неотрывно следили за Наоми и ее приемышем.

Стоит ли удивляться, что пес тут же опустился на пол и замер, будто статуя. Он лишь дрожал, пока Наоми заполняла необходимые бумаги. Не шевельнулся, даже когда старик с собакой отправились на прием — дворняга метнула назад еще один презрительный взгляд.

Пока они ждали своей очереди, в приемную вошла женщина с рыжевато-золотистым комком меха. При виде найденыша Наоми комок на мгновение замер, а затем разразился тонким, залиvistым лаем.

Пес попытался спрятаться у Наоми на коленях.

— Простите! — воскликнула женщина. — Консуэла такая нервная!

Она взяла собачку на руки и начала успокаивать ее, пока Наоми приводила в чувство обезумевшего от страха пса.

Когда наконец подошла ее очередь, Наоми с облегчением схватила поводок и потянула собаку на осмотр.

В кабинете врача пес снова затрясся и взглянул на Наоми с таким неприкрытым ужасом, что она присела рядом на корточки и обняла его:

— Ну же, соберись.

Он заскулил и лизнул ей руку.

— Добрый день. Я — Элис Пэттон.

Ветеринар, женщина маленького росточка, окинула их внимательным взглядом карих глаз. Поверх джинсов и рубашки на ней красовался короткий халат вроде тех, что носили медсестры. Она тоже присела на корточки рядом с собакой.

— Наоми Карсон.

— Рада знакомству. А это, стало быть, тот парень, которого вы нашли на обочине дороги.

— Я тут распечатала объявления, чтобы найти его хозяев. Ваша

помощница взяла у меня несколько штук.

— Мы развесим их, но я никогда не видела здесь раньше этой собаки. Ладно, отведем ее для начала на весы.

Пес не пришел в восторг от этой идеи, но взвесить его все-таки удалось. Как Наоми и ожидала, пес недобирал до нормы килограммов пять.

— Явно недокормлен, — заметила ветврач. — Зато чистый.

— Он не был таким чистым, пока мы не искупали его. Дважды.

— Ксандер помог вам с ним, так? — К изумлению Наоми, маленькая женщина подхватила пса и без видимых усилий поместила его на стол для осмотра.

— Да, подъехал спустя пару минут после того, как я нашла пса.

— Смотрю, надел на него ошейник Мило.

— Мило? Так звали его собаку?

— М-м-м. — Голос ее, как и взгляд, был ровным и спокойным. — Чудесный был пес, — продолжила Элис, осматривая дрожащую собаку. — Рак съел его в считанные недели. Мы сделали все, что могли, но... С другой стороны, он прожил пятнадцать счастливых лет, а это главное. Вашей собаке около двух. Судя по состоянию лап, ей пришлось постраниковать.

Наклонившись, она направила свет на голову пса и принялась осматривать его уши.

— Я выпишу вам капли.

— Простите?

— В левом ухе у него инфекция. И кое-какие лекарства от глистов.

— Глисты?

— В образце кала, который вы принесли. Таблетки быстро его очистят. Надо проверить собаку на других паразитов и посмотреть, не нужны ли ему прививки. Поскольку он найденный, я сделаю вам скидку.

— Весьма признательна. Но у него же должны быть хозяева?

— Не стерилизован. — Элис достала шприц. — Не чистокровный и сильно недокормлен. Погладьте его по голове, отвлеките немного, — продолжила она, быстро набирая в шприц кровь для анализа. — Минут через двадцать я скажу, делали ли ему прививки и нет ли у него других паразитов. Блохи были, это очевидно.

— Блохи.

— Теперь чисто. После той ванны, что вы ему устроили. Я — единственный ветврач на весь город, и собаку эту раньше ко мне не приводили. Не исключено, что его просто выкинули. Такое случается.

— Ясно. — Наоми взглянула на пса, который, несмотря на все шприцы и уколы, смотрел на нее с прежним доверием.

— Я обзвоню ветеринаров, которые работают по соседству, и мы разместим ваши объявления. Свяжемся с приютом для бездомных собак. Возможно, он потерялся, и его сейчас ищут.

Наоми вновь ощутила прилив надежды.

На весь осмотр ушло больше часа. Много времени заняли прививки, хотя к ним пес отнесся с философским смирением. Когда Наоми вышла из клиники, в сумке ее лежали капли, таблетки и прочие медикаменты, а в кредитной карте красовалась дыра размером с самого пса.

Гараж Ксандера — вот что ей требовалось найти первым делом.

Тот оказался куда больше, чем она предполагала. Вокруг выстроились грузовики и автомобили, и некоторые из них нуждались в явном ремонте.

Здесь было два здания. Одно выглядело так, будто в нем располагались офисы. Другое напоминало перевернутую букву L. Большие ворота его были широко распахнуты.

Наоми собиралась заглянуть в офис, но пес решительно потянул в сторону мастерской.

Подойдя поближе, она услышала гул воздушного компрессора, размеренное постукивание и какую-то музыку.

Наоми, которая постоянно была в разъездах, успела привыкнуть к гаражам. Ко всем этим звукам, запахам смазки и масла, к виду всевозможных инструментов. Но для пса тут все было в диковинку.

Стоило ему заглянуть внутрь, и хвост его, будто флаг, взметнулся в приветствии.

Почувствовал, должно быть, запах Ксандера. В подтверждение ее мыслей четвероногий друг радостно залаял.

Ксандер стоял под седаном, который висел на подъемнике, и копался в его днище. На нем были потертые джинсы с дырой на колене, из заднего кармана которых торчала грязная тряпка. Даже в таком непритязательном виде он умудрялся выглядеть весьма сексуально.

— Привет, дружище. — Он присел, чтобы поприветствовать довольного пса. — Выглядишь лучше, чем вчера. — Ксандер перевел взгляд на Наоми: — Ты всегда выглядишь что надо.

— Мы только что от ветеринара.

— Как все прошло?

— В приемной он чуть не умер от страха при виде шпнца. Но врач мне понравилась. Оказалось, что у него воспаление уха и глисты, так что я ушла с кучей капель, таблеток и наставлений. Ему пришлось пройти с дюжину анализов, за которыми последовали прививки и еще какие-то процедуры. Ах да, еще ему нужно набрать вес. У меня тут в дополнение ко

всему собачьи витамины.

— Неплохо.

Порывшись в сумочке, она извлекла оттуда счет и протянула его Ксандеру.

— Ого! — вырвалось у него.

— И это еще со скидкой.

— Что ж, он впервые прошел полный осмотр, без этого не обойтись. Я оплачу половину.

— Дело не в деньгах, хоть сумма и правда вышла приличной. Как я поняла, Элис не думает, что у него есть хозяева. И что мне теперь с ним делать?

— Да то же, что и теперь.

Пес с любопытством сновал вокруг, принюхиваясь к новым запахам.

— Как он спал?

— Он-то? Прекрасно. Я проснулась в пять, потому что он стоял рядом с постелью и пристально смотрел на меня. Напугал меня до смерти.

— Стало быть, он приучен гулять.

— Похоже на то. Но я...

— Ты живешь в нескольких милях от города, — продолжил Ксандер, — и тебе нужна охрана.

— Я уже установила сигнализацию.

— Пес скрасит тебе одинокие вечера.

— Я люблю одиночество.

— До чего ж ты несговорчива.

Пес, повиливая хвостом, подошел к Наоми с грязной тряпкой в зубах.

— Он тебя любит.

— Ты решил так, потому что он притащил мне найденную на полу ветошь?

— Ну да. Со временем ты к нему привыкнешь. А я пока оплачу половину счета и поспрашиваю в округе, не нужна ли кому собака.

Она снова порылась в сумочке и достала оттуда распечатанное объявление.

— Вот, возьми это.

Ксандер взглянул на листок:

— А он хорошо тут вышел.

— Ладно, мне пора домой, хочу еще поработать. А то с этой собакой я все дела забросила.

— Почему бы тебе не пригласить меня на ужин?

— С какой стати?

— Я мог бы немного разгрузить тебя, дать собаке вечернюю порцию таблеток. Ты, кстати, говорила, что умеешь готовить.

Наоми с подозрением взглянула на него.

— Тебя интересует вовсе не пища.

— Мужчинам нужно много есть.

— У меня нет ни тарелок, ни стульев, ни стола. Я не собираюсь спать с тобой, и я не собираюсь оставлять у себя собаку. — В досаде на него и на себя Наоми схватила поводок и потянула пса на улицу.

— Наоми, любишь держать пари?

Она бросила взгляд через плечо.

— Нет.

— Жаль, потому что я готов поставить любую сумму на то, что в скором времени ты изменишь свое решение.

Черта с два, сказала она себе. И не надейся.

Лишь добравшись до дома, она поняла, что пес притащил с собой грязную тряпку из гаража. Когда Наоми попыталась отнять ее, он решил, что она хочет поиграть. В конце концов, махнув на все рукой, она уселась на верхней ступеньке веранды. Пес с грязной тряпкой пристроился рядом. Из дома доносился шум пил и грохот молотков.

— Что я наделала? Почему не разбила палатку прямо в лесу? Зачем мне этот огромный дом с кучей народа? Зачем мне собака, которую надо лечить?

Взглянув на нее с обожанием, пес уронил ей на колени замусоленную тряпку.

— Чудесно. Просто чудесно.

* * *

Когда Наоми решила спуститься по узкой, крутой тропинке к берегу, пес отправился вместе с ней. Она-то была уверена, что он останется в доме, вместе с рабочими, но пес настоял на своем. Ничего, в следующий раз она ускользнет потихоньку.

Впрочем, он ничуть не мешал, пока она делала снимки. Даже когда ей удалось найти большую морскую звезду, застрявшую во время отлива в лужице воды. На самом деле, быстро обследовав берег, пес мирно задремал на солнце.

Дома он тоже не донимал ее. Лежал, свернувшись, возле стола или в комнате для фотографий, пока Наоми занималась со снимками. Его

устраивало что угодно, лишь бы она была поблизости.

Когда Наоми спускалась вниз, пес спешил следом. Она поднималась наверх — он бежал по лестнице за ней.

Боится, что его опять бросят?

Ушные капли ему не понравились, и ей пришлось выдержать целое сражение. Но в итоге она победила. По опыту общения с Конгом Наоми знала, как нужно скармливать собакам таблетки. Вот и на этот раз она замаскировала их в шариках сыра.

Вечером, когда она жевала на террасе сэндвич с сыром, пес мирно хрустел рядом своим кормом. Он уже не глотал его так, будто не ел целую вечность.

Проснувшись она, как и вчера, в пять утра. Пес стоял рядом, всем своим видом показывая, что им необходимо прогуляться.

Ксандер прислал с Кевином деньги за лекарства и сообщил, что будет регулярно возмещать ей половину трат на собаку.

Через два дня он объявился сам, с большой сумкой собачьего корма и огромной коробкой сахарных косточек.

Оставалось лишь гадать, специально ли он прибыл сразу после того, как рабочие разъехались по домам, или это было чистым совпадением. Но его появление привело пса в восторг, и Ксандер не поленился поиграть с ним.

— Похоже, он приходит понемногу в себя. — Ксандер швырнул теннисный мяч, и пес устремился за ним с удвоенной энергией.

— Никто так и не откликнулся на объявления. В приютах о нем тоже не слышали.

— Смирись с реальностью, Худышка. Ты завела питомца. Кстати, как его зовут?

— Никак.

Только этого не хватало. Стоит дать ему имя, и она уже никуда от него не денется.

— Как же ты к нему обращаешься?

— Эй, пес.

Ксандер вновь швырнул мячик, который пес приволок ему, и покачал головой:

— Не будь такой бессердечной.

— Будь я бессердечной, я бы в это не вляпалась. Если он пробудет здесь еще немного, мне придется стерилизовать его.

Ксандер сочувственно взглянул на собаку.

— Сожалею, парень, но это так. Попробуй подобрать ему имя.

— Я не собираюсь... — начала было она и тут же махнула рукой. Что толку спорить?

— Ну как, ты собираешься пригласить меня в дом?

— С какой стати? Ничего не изменилось.

— Что ж, мы в самом начале. — Он повернулся, услышав со стороны дороги звук мотора. То же самое сделала Наоми.

— Ждешь кого-нибудь?

— Нет.

Пес залаял и встал рядом с Наоми.

— Теперь у тебя есть охранник.

— Я и сама могу защитить себя, — сунув руку в карман, она сжала сложенный нож.

Вверх по склону поднимался большой грузовик — грузовик с нью-йоркскими номерами.

Водитель — молодой парень — высунулся из окна.

— Наоми Карсон?

— Да.

— Простите, что задержались. Мы тут немного подзаплутали.

— Я ничего не заказывала в Нью-Йорке. Вы что, ехали через всю страну?

— Да, мэм. Я и Чак, мы сделали это за пятьдесят пять часов и двадцать шесть минут.

Выпрыгнув из машины, он потрепал пса по голове. Его напарник выбрался с другой стороны.

— Но в чем дело? — спросила Наоми.

— Простите?

— Зачем вы приехали сюда?

— Привезли вашу кровать.

— Я не заказывала кровать.

— Простите, мы совсем забыли. Да, мэм, вы не заказывали кровать. Это подарок от Сета Карсона и Гарри Доббса. Мы должны были доставить кровать и установить ее там, где вы скажете. Все полностью оплачено.

— Когда?

— Немногим раньше того, как мы отправились в путь. — Он вновь расплылся в улыбке. — Там, в кузове, еще пара коробок. И кровать. Это, скажу я вам, нечто.

Парень по имени Чак протянул ей планшет с листком заказа. Наоми увидела название мебельной фирмы, в которой чаще всего закупались Сет и Гарри.

— Что ж, посмотрим.

— Помощь нужна? — поинтересовался Ксандер.

Водитель взглянул на него с искренней признательностью.

— Не помешает. Уж больно она большая.

Пока мужчины выгружали кровать и перетаскивали ее наверх, Наоми занялась коробками.

Вскрыв первую посылку, она увидела внутри четыре огромные подушки. Во второй были еще подушки и роскошное одеяло сине-голубого оттенка, превосходно сочетавшееся с цветом стен. Дополняли картину несколько наволочек. Открыв третью коробку, Наоми обнаружила белоснежный комплект постельного белья. Здесь же лежала записка:

*Нашей девочке нужна кровать, в которой она будет спать
сладко и безмятежно. Эта постель будто сделана для тебя. С
любовью,
Сет и Гарри.*

Признательно улыбнувшись, она потащила первую коробку наверх.

Поскольку в спальне толпились мужчины и лежали детали кровати, Наоми спустилась на кухню, достала из холодильника колу и отнесла наверх.

— Весьма признательны. Всю упаковку, весь этот мусор мы заберем с собой. Это тоже было обговорено заранее. Нам потребуется какое-то время, чтобы собрать кровать.

— Хорошо.

— Поставить ее туда, где лежит матрас?

— Э-э... да, так будет лучше всего. Простите, мне нужно позвонить.

Оставив их собирать кровать, Наоми позвонила домой и следующие двадцать минут проболтала с Сетом, поскольку Гарри был в ресторане.

Наоми не стала говорить ему, что сузила свой выбор и остановилась на паре более-менее подходящих моделей. Как говорится, дорог не подарок, дорого внимание.

Вернувшись в спальню, она замерла на пороге. Мужчины уже установили каркас и уложили на него матрасы. Кровать начинала обретать очертания.

— Боже мой!

— Классно смотрится, правда?

Она взглянула на водителя, затем вновь посмотрела на кровать.

— Это не просто классно. Это великолепно!

— Подождите, пока мы не соберем ее полностью.

Красное дерево, отметила Наоми, со вставками из атласной древесины. В стиле Чиппендейл^[7] — прожив полжизни со своими дядюшками, она начала разбираться в подобных вещах. Богатые оттенки дерева прекрасно сочетались с цветом ее стен.

Если женщина не сможет сладко спать на такой кровати, ей точно надо к врачу.

— Все в порядке, мэм?

Наоми кивнула.

— Простите, я даже не спросила, как вас зовут.

— Джош. Джош и Чак.

— Все в порядке, Джош. Вы были правы, кровать просто великолепна.

Когда они закончили, Наоми щедро заплатила им за работу — самое малое, что она могла для них сделать — и дала в дорогу еще колы.

Они ушли, а Наоми продолжала смотреть на кровать, на лучи солнца, скользившие по деревянной поверхности.

— Замечательные у тебя родственники, — заметил Ксандер.

— Лучшие в мире.

— Хочешь поплакать?

Наоми покачала головой:

— Терпеть не могу плакать. Бессмысленное занятие. Я разговаривала с ними в воскресенье. И сразу после этого они отправились в магазин, купили кровать и отправили мне ее через всю страну, вместе с подушками и постельным бельем. Главное, она так здорово вписалась в комнату! Я бы сама не могла подобрать лучше.

Она замолчала, пытаясь справиться со слезами.

— Нет, я не буду плакать. Лучше я займусь готовкой. У меня все еще нет ни тарелок, ни стола. Но ты можешь поесть на террасе, с одноразовой посуды. Это плата тебе за помощь.

— Спасибо, не откажусь. А что на ужин?

— Пока не знаю. Но у меня есть вино. Хочу выпить, а то что-то домой потянуло.

— А пиво у тебя есть?

— Само собой.

— В таком случае я ограничусь пивом.

— Хорошо. — Уже у дверей она оглянулась на него. — Я все также полна решимости не спать с тобой.

— Пока что, — улыбнулся он. — Пиво и ужин — это только начало.

«Нет, конец», — подумала Наоми, спускаясь по лестнице.

Ксандер смотрел, как она готовит. Такого ему еще не приходилось видеть. Наоми хватала продукты, что-то отправляла в кастрюльку, что-то в сковородку. Резала одно, помешивала другое.

Пес тоже наблюдал за ней, время от времени многозначительно облизываясь.

— Что ты такое делаешь?

— Назовем это «паста на лету».

Она положила на разделочную доску крупные оливки и стала плющить их плоской поверхностью ножа, выдавливая косточки. Такого ему тоже не приходилось видеть.

— Почему бы сразу не купить оливки без косточек?

— Приятель, это оливки Каламата. Они заслуживают дополнительных усилий. Если какой-то из ингредиентов тебе не понравится, можешь просто не есть его.

— Я не слишком привередлив.

— Вот и прекрасно.

Наоми взяла кусок сыра и принялась натирать его на терке. Ксандер хотел было спросить, почему бы сразу не купить тертый сыр, но решил, что и так знает ответ.

Наоми бросила в кастрюльку помидоры, добавила какие-то специи и все это перемешала, бормоча про себя, что местным торговцам стоило бы запастись свежим базиликом.

— Надо бы купить кухонную утварь, а то кончится тем, что Гарри пришлет мне свой комплект.

— А что плохого в этой? На мой взгляд, приличная посуда.

— Обычные жестянки. Гарри пришел бы в ужас. Честно говоря, я и сама не в восторге. Еще мне нужны хорошие ножи. Пора внести их в список.

Ему нравилось наблюдать за ней — все эти быстрые, уверенные движения. Нравилось слушать ее голос.

— Что еще в твоём списке?

— Покрасить комнаты, которые я отвела для брата, дядюшек и бабушки с дедушкой. Потом я навсегда избавлюсь от краски и кистей. Терпеть не могу красить.

— Почему бы не нанять маляров?

— Мне нужно купить приличные ножи и кухонную посуду, так что

имеет смысл сэкономить. Потом придется подбирать мебель под стать кровати, ну и все такое...

Она слила макароны, после чего вывалила их на сковородку, вместе с сыром и оливками. Тщательно все перемешала.

— Одноразовые тарелки вон в том шкафу. Там же салфетки и упаковка пластиковых вилок.

— Нашел.

Наоми еще пару раз встряхнула содержимое сковородки, после чего разложила все по тарелкам, добавив ломти итальянского хлеба, который она успела обжарить с маслом и специями.

— Выглядит потрясающе.

— Это выглядело бы куда лучше на тарелках, которые я заказала, но пока что и так сойдет.

Вручив Ксандеру тарелку, Наоми повела всю компанию наверх.

— Подержи-ка, — протянула она ему свою порцию, — а я пока покормлю пса.

Пес взглянул на сухой корм, который она насыпала ему в чашку, затем на Ксандера с ароматной пастой. Хвост его поник. Ксандер готов был поклясться, что пес вздохнул с разочарованием.

Усевшись, Наоми взглянула на пса. Тот молча смотрел на нее.

— Это мое, а это твое, — заявила она. — Привыкай.

— Бессердечная ты особа.

— Пусть так.

Ксандер сел и попробовал то, что она скомпоновала за каких-то двадцать минут.

— Знаешь, очень вкусно.

— Я бы сказала, неплохо. Жаль, что специи были только сушеные. Придется мне, видимо, посадить кое-что самой.

Они с Ксандером ели пасту, а пес, успевший вылизать свою чашку до блеска, наблюдал за ними со скорбным видом. Возможно, это закат повлиял на нее так — все эти пурпурно-золотистые оттенки, расстелившиеся над лесом и водой. Возможно, вино. Но Наоми решила расставить точки над i.

— Хочешь знать, почему я не намерена спать с тобой?

— Пока не намерена, — заметил он. — У тебя и тут целый список?

— Можно сказать и так. Ты живешь здесь. Я тоже... по крайней мере, пока.

— Пока? У тебя уже есть кастрюльки и сковородки, но ты планируешь купить кое-что получше. Такое чувство, что ты решила осесть тут навсегда.

— Возможно. Я нигде еще не жила дольше пары месяцев — с тех пор,

как уехала из Нью-Йорка. Это место меня притянуло. Возможно, я и задержусь здесь. В любом случае, — заметила Наоми, — ты тоже тут живешь. И вы давние друзья с Кевином и Дженни. Допустим, у нас начнется что-то вроде романа... что меня, надо сказать, совсем не привлекает. Потом мы разбежимся, а твой друг и мой подрядчик окажется в центре этой кутерьмы.

— Слабый довод. — Ксандер, покачивая головой, вернулся к пасте.

— Только не с моей точки зрения, если учесть, что все это время я живу в центре стройки. Вдобавок ты единственный механик на весь город, и не исключено, что однажды мне потребуется твоя помощь.

— Ты могла бы получить ее вне очереди, если бы у нас был секс.

Рассмеявшись, она покачала головой:

— Только не в том случае, если мы рассоримся и ты будешь дуться на меня. Наконец мне нужно переделать массу работы, чтобы найти деньги на обстановку дома. И у меня нет времени на секс.

— Для этого всегда есть время. В следующий раз я прихвачу с собой пиццу, и мы потратим на секс то время, которое ушло у тебя сегодня на приготовление ужина.

Наоми задумчиво жевала пасту.

— Полчаса? И что я должна думать про твою сексуальную выносливость?

— Я просто стараюсь подстроиться под твой график.

— Весьма предусмотрительно. Тем не менее в этом нет никакой необходимости, поскольку сегодняшняя ужин не повторится. Я тебя совсем не знаю.

— Это единственный разумный аргумент, который тебе удалось привести. Но я бы хотел вернуться в начало твоего списка и напомнить о том, что мы давние друзья с Кевином и Дженни. Будь я психопатом, они бы наверняка тебя предупредили.

Наоми неотрывно смотрела на пейзаж за окном.

— Люди не всегда знают тех, кто находится рядом. Даже если живут с ними много лет.

Что-то личное, подумал Ксандер. За ее словами явно крылось что-то интимное. Но вместо того чтобы настаивать, он решил испытать кое-что другое.

Наклонившись, он притянул ее к себе. Нашел губы. Поцелуй вышел страстным и жарким, как решающий довод.

Ксандер знал, когда женщина хочет. Как сейчас Наоми. Он чувствовал это по ответному поцелую, по дрожи, которая пронзила ее тело.

Этот жар, это слияние желаний наверняка приведут их в ее новую, роскошную постель.

Но Наоми отстранилась. Отступила, но продолжала смотреть на него своими удивительными зелеными глазами.

— Весьма убедительно с твоей стороны, — заметила она. — И все же... как и в случае с собакой я не собираюсь ничего менять.

— Пока что.

Что ж, на сегодня он удовольствуется ужином, пейзажами за окном и той загадкой, которая крылась в этой женщине. Такое чувство, будто ему вручили головоломку и теперь ему предстояло ее разгадать. Рано или поздно он справится с этой задачей.

Десять

Она вернулась к работе. Поскольку работа занимала одно из первых мест в списке причин, по которым Наоми отказывалась спать с Ксандером, ей следовало хорошо потрудиться.

Утром, когда она отправлялась на природу делать снимки, пес неизменно следовал за ней. Первые несколько дней она пристегивала его поводком к своему поясу. Разумеется, оба были не в восторге от такого положения дел.

Когда Наоми убедилась, что пес и так никуда не убежит, она стала спускать его с поводка. Обычно он носился где-то поблизости: гонял белок, лаял на птиц, вынюхивал оленьи следы. Она же в это время фотографировала деревья, цветы и лесные ручьи, то сиявшие в лучах солнечного света, то вновь погружавшиеся в тень.

Снимки четвероного друга занимали в ее папках не последнее место.

Сам пес дремал обычно у газового камина — настоящее спасение в прохладные ночи, — пока Наоми работала за компьютером. Время от времени он спускался вниз, чтобы пообщаться с рабочими или с Молли, если та заглядывала в гости. Затем он вновь поднимался наверх и задумчиво смотрел на Наоми, словно пытаясь понять, закончила ли она свое занятие. Если та продолжала сидеть, он вновь устраивался у камина — как правило, сжимая в зубах какую-нибудь вещь.

Порой это была оброненная кем-то рабочая рукавица. А один раз он притащил с собой молоток.

Последовательная, упорная работа стала приносить неплохой доход. От нью-йоркской галереи Наоми получила чек на приличную сумму. Счет в PayPal тоже радовал глаз.

Похоже, людям нравились фотографии собак.

Дженни заглянула в один прекрасный день, чтобы осмотреть дом. Когда они добрались до спальни, у Дженни вырвалось:

— Даже не знаю, что впечатляет больше — кровать или вид из окна.

— Я люблю смотреть в окно, с удобством устроившись на кровати.

— Как же это здорово — просыпаться и видеть такую красоту!

Ксандер сказал, твои дядюшки отправили тебе кровать через всю страну.

— Так оно и было. А если я не подберу в ближайшее время другую мебель, они начнут присылать мне предмет за предметом.

— Поехали за покупками! — Дженни радостно захлопала в ладоши. —

Прямо сейчас!

— Ты серьезно?

— У меня сегодня выходной, дети в школе. У меня есть... — она вытащила телефон, чтобы проверить время, — пять часов, прежде чем надо будет ехать за ними в школу. Я понимаю, у тебя сегодня рабочий день, но тебе же все равно нужна мебель. А я знаю парочку мест, где можно найти что-то для твоей спальни... во всяком случае, если не упираться только на новое.

— Я даже... — Она вспомнила про разросшийся счет в банке. — И правда имеет смысл прогуляться.

— Именно! Не исключено, что нам удастся найти тебе подходящую посуду.

— Я уже заказала ее. Постой-ка, я тебе покажу.

Обе они принялись всматриваться в картинки на экране компьютера.

— Сделаны они из переработанного стекла, и это уже несомненный плюс. Я решила разбавить сервиз предметами белого цвета, чтобы придать картине законченность. Мне кажется...

— Выглядит здорово. Просто потрясающе. Представляю, как это будет смотреться на кухне! И на столе, когда у тебя появится стол.

— Стол может подождать. Я не собираюсь пока принимать гостей. А вот стулья мне нужны. Стулья и шкаф. Надоело рассовывать одежду по картонным коробкам.

— Ну так поехали и купим.

Прибежал пес. Наоми не собиралась брать его с собой, но он сам запрыгнул в машину и уселся, высунув язык и с опаской поглядывая на хозяйку.

— Он такой милашка. Что может быть лучше собаки, когда живешь на отшибе? Кевин сказал, они с Молли прекрасно ладят друг с другом. Как ты его назвала?

— Да никак.

— Но как же он без имени?

— А если объявятся его хозяева...

— Сколько времени прошло с тех пор, как он у тебя поселился?

— Пошла третья неделя, — вздохнув, Наоми потеряла шею. — Завтра его стерилизуют. Если вам нужна собака...

— Спасибо, у нас уже есть одна. Мы подумываем завести щенка, в компанию Молли. Да и детям полезно — пусть набираются опыта. К тому же, Наоми, это твоя собака.

Наоми взглянула в зеркало и увидела довольную физиономию пса.

— Он просто живет у меня.

— Вот именно.

Наоми спрятала глаза за солнечными очками.

— Куда ехать?

— Пока к городу, а потом я покажу.

Наоми уже не помнила, когда она последний раз ездила за покупками с подружкой. Когда у нее вообще была подружка. Обычно она просто забегала в магазин, покупала необходимое и приносила это домой. Сета и Гарри подобная привычка приводила в отчаяние.

Вдобавок она без труда могла найти все необходимое в Интернете.

Раз уж она выбралась из дома, не лишним будет завернуть на обратном пути в хозяйственный — купить краску для комнаты Мейсона. Что-нибудь зеленое, в тон мхам.

Наоми не жалела о своем решении. Ей нравилась Дженни. Нравилась ее обаяние и дружелюбие. Ее способность обходиться без навязчивых вопросов.

Симпатия к Дженни только усилилась, когда новая подружка направила ее к огромному, похожему на амбар зданию, расположенному в паре миль от города.

— Зря я не захватила свою камеру.

Открыв отделение между сиденьями, она вытащила небольшую сумку.

— Что там?

— Линзы и фильтры для телефонной камеры.

— Я и не знала, что такие существуют.

— Неплохое подспорье, когда нужно срочно что-то сфотографировать. Только взгляни на этот амбар, на текстуру дерева. А тут еще старая яблоня, и освещение не подкачало.

— А внутрь тебе не хочется заглянуть?

— Разумеется. Я быстро.

Пса она собиралась оставить в машине, но у того было свое мнение на этот счет. И Наоми, против воли, вытащила запасной поводок.

— Если хочешь гулять, то только с этим.

Пес попытался переубедить ее взглядом, но безуспешно.

— Я подержу его, пока ты будешь фотографировать.

— Спасибо. Он терпеть не может поводок.

— А тебе бы он понравился. Все в порядке, малыш. Идем пройдемся.

В компании Дженни пес вел себя практически безукоризненно. Он счастливо бежал впереди, вынюхивая местечко для своих собачьих надобностей. Наоми тем временем делала снимки, то и дело меняя линзы.

Она вернется сюда со своей камерой. Непременно вернется. В какой-нибудь из пасмурных дней, чтобы сфотографировать амбар под нахмуренным небом.

Внутри тоже было к чему приосмотреться. Казалось, тут есть все на свете.

Стеклянная посуда, кухонная утварь, зеркала, стулья, столы, прочие предметы интерьера.

Перед одним столом она задержалась надолго. На самом деле она уже решила купить себе что-то новое — с розетками, ящичками для папок, выдвижной доской для клавиатуры.

И вот...

От бесчисленных полировок стол выглядел практически черным. Ящики в нем заедали, а металлические детали нуждались в замене. Это было совсем не то, что она наметила для себя.

Наоми влюбилась в него с первого взгляда.

— Форма просто потрясающая, — раздался рядом голос Дженни. — Углы слегка закруглены. Масса ящичков. Вот только нужно над ним как следует поработать, — поджав губы, она взглянула на ценник. — И поторговаться.

— Он такой прочный, основательный. Сделан из красного дерева. Надо лишь привести его в первоначальный вид. Это совсем не то, на что я нацеливалась. Но он мне нравится.

— Только не говори это Сесилу — хозяину магазина. Делай вид, будто сомневаешься, стоит ли стол этих денег. И тебе нужен стул — современный, с поддержкой спины. Кевин говорит, ты проводишь много времени за компьютером.

— Кевин прав. Мой компьютер — моя фотолаборатория. Правда, я подумываю о том, чтобы сделать в доме настоящую фотолабораторию — с ней у меня будет больше возможностей. А это что? Напольный светильник в форме русалки?

— Похоже на то.

— Бронзовый напольный светильник. Русалка. — Она снова схватилась за телефон. — Хочу добавить это к своему портфолио.

— Мы с Безымянным пойдем прогуляемся.

— Я догоню вас.

Светильник ее просто очаровал, что было совсем глупо. «Только не говори об этом Сесилу», — напонила она себе.

Несколько минут она бродила в поисках Дженни и пса по лабиринту удивительнейших вещей.

Но Дженни сама нашла ее.

— Надеюсь, ты не возненавидишь меня, но я подыскала тебе шкаф.

— А почему я должна тебя ненавидеть?

— Он дорогой, но очень стильный. Возможно, если мы объединим усилия, нам удастся добиться скидки... тем более если ты возьмешь стол.

— И светильник.

— Серьезно? — Дженни расхохоталась. — Я-то думала, он нужен тебе только для фото.

— Ладно, пойдем посмотрим шкаф. Если я тебя возненавижу, тебе придется уехать домой.

Это был не столько шкаф, сколько комод, что сразу понравилось Наоми. Ничего женского и вычурного, только строгая простота и элегантность. Как ни странно, в хорошем состоянии, лишь по дну нижнего ящика тянулась длинная трещина.

Но цена заставила ее содрогнуться.

— Попробуем добиться скидки, — Дженни ободрительно похлопала Наоми по плечу.

Сесил оказался тощим старичком в комбинезоне и соломенной шляпе, что не мешало ему жестко вести свою линию.

Но Дженни, к удивлению Наоми, проявила не меньшее упорство. Она торговалась и торговалась, так что в итоге им удалось добиться двадцатипроцентной скидки, хотя Наоми рассчитывала лишь на десять.

Втроем они умудрились запихнуть ее шкаф в «Тойоту» — Сесил, при всей его худобе, оказался силен как бык.

— Лампу и стол заберет Кевин, — сообщила Сесилу Дженни. — И не забывай, Наоми приобрела большой дом, который ей нужно обставить. Так что это не последние наши покупки.

Пес растянулся рядом со шкафом, а Дженни устроилась на пассажирском сиденье.

— Было здорово, — улыбнулась она.

— У тебя врожденный талант торговаться. Огромное тебе спасибо. Стол и лампу я смогу забрать сама — не нужно беспокоить Кевина.

— Какое же это беспокойство? К тому же, если ты позволишь мне заняться реконструкцией стола, он сможет привезти его прямо ко мне в мастерскую.

— У тебя есть мастерская?

— Да, я подрабатываю тем, что восстанавливаю старую мебель. Не хотела говорить с самого начала, чтобы ты не чувствовала себя обязанной. Но мне ужасно хочется заняться столом! Обещаю, что он будет выглядеть

как новенький.

— Считай, что ты нанята.

— Ура! Если приедешь к нам в воскресенье на ужин — Кевин просил не донимать тебя просьбами, но я ничего не могу с собой поделать! — то сможешь увидеть мою мастерскую. И собаку привози — дети поиграют с ним в саду.

Наоми на автомате начала придумывать извинения, но любопытство победило.

— Я бы с радостью взглянула на мастерскую. Кормить меня не обязательно.

— Приезжай к ужину. По воскресеньям мы садимся за стол пораньше, так что в любое время после четырех.

— Ладно, я приеду. И привезу с собой десерт.

* * *

С утра пораньше Наоми натянула футболку и легинсы и направилась к машине. Пес с самодовольным видом забрался на заднее сиденье.

Он еще не знал, что его ожидает.

Прозрение наступило в тот момент, когда Наоми припарковалась у ветлечебницы.

Он задрожал, затрясся и попытался приклеиться когтями к полу.

— Что ж, на этот раз у тебя есть причины поволноваться. Ладно, вылезай.

Она тянула, пихала, пыталась выманить с помощью мячика — еда до операции была строго запрещена.

В конце концов ей удалось затянуть его в приемную. Тут пока было пусто, поскольку Наоми заранее попросила, чтобы их записали самыми первыми.

— Привет, парень. — Элис потрепала пса по голове, и он слегка расслабился. — Сейчас мы уведем его на операцию. Ничего сложного, обычная процедура. Потом он проведет здесь еще несколько часов — чтобы убедиться, что все прошло благополучно.

— Ладно, я вернусь за ним, когда вы позвоните. — Она повернулась к собаке: — Удачи тебе.

Не успела Наоми дойти до двери, как пес завыл. Скорбно и протяжно.

— Черт, — повернувшись, она увидела, что собака смотрит на нее со страхом и тревогой.

— Дай ему понять, что ты за ним вернешься, — посоветовала Элис.

Присев на пол рядом с собакой, Наоми взглянула ей прямо в глаза.

— Все в порядке, не плачь. Я скоро вернусь, и мы поедem домой. Но сначала операция, без этого не обойтись. А я пока... я пока куплю парочку подарков для собаки, которая лишилась яиц.

Пес лизнул ее в щеку, прижался головой к плечу.

— Если бы он мог, он бы тебя обнял, — прокомментировала Элис.

Вздыхнув, Наоми направилась к двери.

Пес заскулил.

— Все будет в порядке, — уверила ее Элис.

Наоми купила псу игрушечного кота и новый мячик. Подумав, добавила к этому поводок и расческу для собак.

Дома она попыталась усесться за работу, но тут же поняла, что не может как следует сосредоточиться.

Почему Элис все не звонит?

Не в силах справиться с раздражением, она нарушила свое же правило не вмешиваться в дела рабочих и решительно зашагала вниз.

Те трудились в гостиной — готовили к покраске стены. Наоми взглянула на каминную полку — та явно требовала реконструкции. Если Дженни справится со столом, можно будет доверить ей и полку.

Пройдя чуть дальше, она оказалась в небольшом закутке, который решила переоборудовать под библиотеку. Ей нечасто доводилось сидеть с книжкой в руках, но время от времени она позволяла себе подобную роскошь — главным образом в ненастные дни.

Кевин и добродушная Мейси как раз вешали полки по обе стороны от очага.

Заслышав шаги, он обернулся и расплылся в улыбке.

— Что ж, признаю свою неправоту.

— Я и не знала, что вы их уже сделали.

— Наш сюрприз. Так вот, ты была права, а я нет. Никак не мог понять, зачем тебе этот закуток. Но вышло очень даже уютно. Здесь хороший свет. Как раз то, что нужно для библиотеки.

— У этой комнатки свое очарование, — добавила Мейси. — А ведь мы даже не все закончили.

— Полки просто чудесные. Вишневое дерево смотрится как нельзя лучше. Надо будет послать за моими книжками. Дома у меня хранится пара ящичков.

— Не хватит своих, можешь позаимствовать у Ксандера.

— В смысле?

— У него куча книжек, — пояснила Мейси.

— Это верно, — кивнул Кевин. — Время от времени он раздает их или жертвует на благотворительность, но в основном накапливает. Если захочешь заполнить эти полки, можешь порыться в его библиотеке.

— Я посмотрю... — услышав звонок, она схватилась за телефон. — Это ветврач. Да, это Наоми. Хорошо, хорошо. Правда? — Она с облегчением потерла ладошкой лицо. — Замечательно. Да, я сейчас приеду. Спасибо большое.

Она снова спрятала телефон.

— Моя собака. Пришла в себя, так что можно забирать ее домой. Я скоро вернусь.

— На случай, если мы больше не увидимся, — сказал Кевин. — Ты попала в газеты.

— Что? — Она замерла на месте.

— Газета, — повторил Кевин. — Я оставил один экземпляр на кухне.

— И что там? — Она изо всех сил старалась говорить ровным тоном.

— Это Cove Chronicle, наша местная. Там история про твой дом, про его реконструкцию.

Местная газета. Стало быть, беспокоиться не о чем.

— Спасибо, Кевин. Я прочту, когда вернусь.

Никто за пределами Санрайз Ков и не заглянет в газету. Тем более никто не свяжет ее имя с Томасом Дэвидом Боузом.

А ей сейчас и без того есть о чем побеспокоиться.

Добравшись до ветклиники, Наоми обнаружила, что Элис надевает на пса защитный воротник. Собака при виде Наоми счастливо гавкнула.

— Как он, в порядке?

— Держался молодцом. Воротник не позволит ему беспокоить место операции,лизывать швы. Вот тут его лекарства и ваши инструкции. Не исключено, что спать он сегодня будет больше обычного.

Наоми взяла лекарства, инструкции, оплатила счет и затолкала пса в машину.

Спать он не стал. Вместо этого обнюхал все во дворе, хоть и двигался без прежней ловкости. Потом ему потребовалось обнюхать рабочих и помахать им хвостом. Потом наступила очередь Молли.

А еще он обо все стучался. О стены, о предметы, о саму Наоми.

В скором времени ее окликнул кто-то из рабочих, и она спустилась вниз, чтобы решить неотложный вопрос. Через пятнадцать минут она вернулась в спальню. Пес за это время успел содрать воротник и вылизывал место, где темнели швы.

— Как тебе это удалось?

Тот, явно довольный собой, стукнул хвостом.

Наоми пришлось прилаживать воротник заново. Целый подвиг, если учесть, что пес возненавидел его хуже поводка.

В конце концов она приладила все на место, а в утешение дала собаке игрушечную косточку.

На этом, как ей казалось, вопрос был улажен.

Как же она ошибалась!

* * *

Ксандер решил, что пришло время вновь навеститься в гости. У него даже был повод — оплата счета за стерилизацию пса. Возможно, если он искусно разыграет карты, его снова накормят ужином. А это, пожалуй, еще немного приблизит его к той новой и роскошной кровати.

Да, ради этого стоило прокатиться.

Притормозив мотоцикл у дома Наоми, он услышал приветственный лай пса. Тот подбежал бы и сам, но Наоми, сидевшая на ступенях веранды, держала собаку мертвой хваткой.

И делалось это для того, чтобы... Господи помилуй!

Ксандер в шоке стянул шлем.

— Какого дьявола ты тут делаешь?

— А на что это, по-твоему, похоже?

— Похоже, что ты надеваешь на пса штаны.

— Ну так вот, именно этим я и занимаюсь.

Последним усилием она натянула на пса красные шорты с белой полоской и отпустила того на свободу.

После этого она в изнеможении прислонилась к перилам, а пес, выглядевший совершенно по-идиотски, подбежал к Ксандеру поздороваться.

— Вот кому придет в голову надевать на собаку штаны?

— Тому, кто замучился напяливать на него этот проклятый воротник. Кевин закрепил его буквально намертво, но стоит мне отвернуться хотя бы на пять минут, и пес тут же избавляется от него. А в воротнике он врезается во все, что встретится ему на пути. Включая меня. Не сомневаюсь, что он делает это намеренно. Он просто ненавидит эту штуку.

— Воротник Позора?

— Да, пресловутый Воротник Позора. Так что теперь он носит Штаны

Унижения. Но глупой собаке они, похоже, нравятся.

— Штаны Унижения. — Ксандер невольно улыбнулся. — Смотрю, ты прорезала дырку для хвоста.

— Шорты валялись у Кевина в машине. Когда-то он в них бегал. Что делать, приходится быть изобретательной.

— И как, по-твоему, бедный пес должен справлять свою надобность?

— Сам не догадался? — Наоми устало потерла бицепсы. — Я привела его во двор и сняла штаны, чтобы он сделал все, что требуется. А потом натянула опять. Так он, по крайней мере, не сможет вылизывать швы.

— Элис сказала, с ним все в порядке: — Присев рядом с ней на ступеньки, Ксандер потрепал пса по голове. — Я, кстати, принес деньги за половину счета.

— С ним-то все в порядке, а вот я без сил.

— Могу заказать пиццу.

— Да нет, спасибо. Я... черт бы все побрал! Да, закажи мне пиццу. Ноги у меня в синяках от воротника, а руки болят от борьбы с собакой — вес он, слава богу, набирает без проблем!

Пес притащил Ксандеру мячик, который прятал где-то поблизости.

— Только не швыряй. Ему нельзя пока бегать.

— Какую пиццу ты предпочитаешь?

— Что угодно, лишь бы без анчоусов.

Поняв, что никто не собирается с ним играть, пес опустил голову Наоми на колено.

— Как ты его назвала?

— Тэг, — со вздохом призналась она.

— Тэг.

Пес не распознавал пока своего имени, но это не помешало ему взглянуть на Ксандера с привычным обожанием.

— Что ж, удачная кличка.

Панорама

Этот видимый мир есть лишь отображение невидимого, где, как на портрете, вещи изображаются не истинно, но в двусмысленных формах.

Сэр Томас Браун

Одиннадцать

Пару раз в неделю Кевин и Ксандер встречались за бутылкой пива. Порой они специально договаривались о встрече и приходили после работы к Лу, но чаще всего это происходило само собой.

Вот и сегодня случилось так, что Кевин заглянул к Ксандеру в гараж после поездки на пилораму и оптовый склад стройматериалов. Еще полтора часа ушло на работу с электропроводкой.

Кевин знал, как жонглировать работами. Дом Наоми был приоритетной задачей, но кроме него он занимался еще парочкой проектов. А это значило, что ему приходилось ездить от места к месту.

И вот теперь он хотел пива.

Двери гаража были закрыты, но это не значило, что Ксандера нет дома. Поразмыслив, Кевин выбрался из машины и направился в обход дома. Именно там находилась лестница, ведущая в квартиру его друга.

Завернув за угол, он услышал музыку — классику Rolling Stones. Раздавалась она из личного гаража Ксандера. Здесь он и нашел своего друга, который осматривал и приводил в порядок любовь всей своей жизни.

«Понтиак ГТО» 1967 года.

Или, как называл его Кевин, Авто Свиданий.

— И кто же эта счастливица? — Ему пришлось поднапрячься, чтобы перекрычать Мика.

Ксандер бросил на него взгляд поверх хромированных панелей.

— Она сама. Ей требовалась небольшая полировка.

Поднявшись, он критически осмотрел свою работу.

Машина сияла, красный корпус ее блестел на солнце.

— Собираешься прокатиться? Могу составить тебе компанию.

— Не сейчас. У нас репетиция... — Ксандер бросил взгляд на циферблат, — примерно через час. Готовимся к свадьбе, которая пройдет в субботу в Порт Таунсенде. Кузина Лело.

— Да, да, я помню. Выкроишь пару минут для пива?

— Пожалуй. — Ксандер в последний раз осмотрел свою любимицу. — Приятный вечерок. Почему бы нам не устроиться на веранде?

— Давай, — согласился Кевин.

Вместе они поднялись в квартиру. Здесь находились кухня, гостиная и небольшая столовая.

Всю стену гостиной занимали книжные стеллажи, забитые бесчисленными томиками. Кевин сам смастерил их, как и те полки, что находились в небольшой комнатке, отведенной под кабинет. В спальне Ксандера высился книжный шкаф.

Открыв холодильник, Ксандер вынул пару бутылок пива, откупорил их и вышвырнул крышки в мусорную корзину.

Через спальню они вышли на крохотную веранду и уселись на два складных стула.

— Большая будет свадьба?

— Да. Жду не дождусь, когда все закончится. Невеста то и дело пишет мне эсэмэски, все время меняет список песен. Ладно, это мой заработок. — Устроившись поудобнее, он вытянул ноги. — Я видел те полки, которые ты сделал для дома Наоми. И плитку в ванной. Неплохо получилось.

— Ты был там?

— Да. Этот пес разгуливал в твоих шортах! По правде говоря, на нем они смотрятся лучше, чем на тебе.

— Это было разумное решение. Не знаю, как ему удавалось стянуть воротник, но шорты спасли ситуацию. Он перестал наконец-то зализывать швы.

Кевин сделал пробный глоток.

— Смотрю, ты так и не оставил попыток.

— Ты про пса?

Кевин в ответ лишь хмыкнул, и Ксандер пожал плечами:

— Рано или поздно я своего добьюсь.

— Раньше ты обходился без таких проволочек.

— Знаешь, она довольно-таки пугливая. — Это первое, что пришло Ксандеру на ум. — Не знаешь почему бы? На первый взгляд она не из робких, но если покопаться... Если бы мне просто нравилась ее внешность, я бы не стал тратить на нее так много времени. Но мне нравится, что она смышленная. И я люблю контрасты.

— Контрасты?

— Она пугливая, но ей хватило смелости купить этот старый дом, поселиться на отшибе от остальных. И мне нравится, что она делает со своим домом — по крайней мере, нравится то, за что она платит. — Улыбаясь, Ксандер сделал очередной глоток. — И она наконец-то дала имя псу.

— Он хороший пес. Любит ее не меньше, чем ты свой «Понтиак». Недавно вот украл у Джерри молоток.

— Молоток?

— Ну да. Наоми принесла его нам вместе с рабочими перчатками и куском трубы. Собака подтаскивает ей подарки.

Пару минут они сидели в дружеском молчании, глядя на дорогу с редкими точками автомобилей и на поле, где оба играли когда-то в бейсбол.

— У Тайлера в эту субботу товарищеский матч.

— Жаль, я не попаду. Думаю, это будет интересней, чем какая-то свадьба.

— Он, как и я когда-то, без ума от бейсбола. А Мэдди осенью отправляется в садик.

Ксандер бросил на Кевина испытующий взгляд.

— Вы подумываете о том, не завести ли вам еще ребенка.

— Не буду скрывать, время от времени это всплывает в наших беседах. Поначалу мы рассчитывали остановиться на двух. И вот теперь Тайлер играет в бейсбол, Мэдди собирается в садик, а мы хотим еще одного.

— Три — волшебное число. Надеюсь, процесс вас не разочарует.

— Это вряд ли. Что касается тебя... тебе не нужен секс с Наоми.

— Ты спятил?

— Я имею в виду, не только секс. Как в случае с той... как же ее звали? Ари, Алли, Анни? Рыжеволосая девица с крупными зубами. Работала прошлым летом у Синглера.

— Бонни.

— Бонни? Откуда взялись все эти «А»? То было только для секса. Девица могла похвастаться неплохой фигурой, но и только.

— Все дело в прикусе, — вздохнул Ксандер. — Мне всегда нравился неправильный прикус.

— У Наоми такого нет.

— Я готов простить ей этот недостаток. Да, порой это только секс, как подсказывает тебе твоя память. Но иногда хочется чего-то посущественней. Я знал, что интрижка с Бонни не растянется даже на лето. Понял это, когда она взяла у меня со столика «К востоку от рая» и заявила, что даже не подозревала о моей религиозности.

— В смысле?

— Она решила, раз там слово «рай», значит, это что-то из Библии. Она даже не знала, кто такой Стейнбек. — Ксандер разочарованно покачал головой. — Такое не компенсируешь никаким сексом.

— Хорошо иметь высокие стандарты.

— Это верно. И Наоми им, кстати, соответствует. Так что я могу потянуть пока время.

- А если в постели она не очень?
- Печально, но в таком случае мы можем хотя бы разговаривать на разные темы. Она упоминала при тебе о своих близких?
- Говорила про брата, про дядюшек. Так, кое-что. Без особых подробностей.
- Именно. Интересно, о чем там она умалчивает?

* * *

У себя на обрыве Наоми выключила свет. Она слишком устала, чтобы работать или читать. Чтобы просто смотреть кино. Пес уже улегся, и она последовала его примеру.

Поскольку усталый мозг не желал отключаться немедленно, она позволила ему поблуждать. Мысли ее кружили вокруг ремонта и тех снимков елового леса, которые она сделала этим утром. Туман окутал лес своей призрачной дымкой, придав всему какой-то зловеющий вид. Идеальная иллюстрация для какой-нибудь книги ужасов.

Она сама не заметила, как погрузилась в сон.

Наоми брела сквозь призрачный лес. Ветер раскачивал над головой верхушки деревьев, а под ногами стелилась еле заметная тропинка. Ей хотелось выбраться к воде, к теплой морской синеве. Ковер из иголок заглушал шаги, а зеленые тени обретали очертания. И вглядывались в нее своими глазами.

Наоми зашагала быстрее. Сердце у нее бешено колотилось — не от усталости, а от страха. Дикого, животного страха.

Бежать, бежать как можно быстрее. Выбраться к свету. Тень выступила из тени. В одной руке у нее был нож, в другой — веревка.

«Пора», — сказала она голосом отца.

Хотелось закричать и проснуться — с криком, застрявшим у нее в горле. С невыносимой тяжестью в груди.

Она силилась вдохнуть, но воздуха не было. Красные точки плыли перед глазами.

Дыши, мысленно приказала она себе. Просто дыши. Но воздух отказывался проходить в легкие.

Похоже, ей суждено умереть здесь — в призрачном лесу своего воображения. В страхе перед человеком, которого она не видела семнадцать лет.

И тут залаял пес — громко, оглушающе. Тени метнулись и исчезли.

Наоми лежала в постели, изо всех сил пытаясь отдышаться, глотнуть свежего воздуха.

Пес поставил передние лапы на кровать, и она отчетливо видела его глаза, чувствовала жаркое дыхание. С трудом подняв дрожащую руку, она погладила его по голове.

— Все в порядке, — прошептала она, прикрыв глаза. — Просто сон. Плохой сон. Но все уже хорошо.

Свет она все-таки включила. Села в постели, прижалась лбом к коленям.

— Давненько мне не снились кошмары. Слишком много работаю, вот что. И слишком много думаю.

Обняв пса за шею, она уткнулась лицом в его пушистый мех.

— Я-то думала, что не хочу собаку. Да и ты шагал по дороге так, будто не нуждался в человеке. И вот к чему мы пришли.

Наоми бросила взгляд на часы. До пяти еще далеко, но ни о каком сне сейчас не могло быть и речи.

Взяв с ночного столика фонарик, она зашагала вниз. Обычно она выпускала пса одного, но тут решила прогуляться вместе с ним. Они немного побродили вокруг дома, прислушиваясь к ночной тишине.

Вернувшись на кухню, Наоми сделала себе кофе, потом насыпала псу сухого корма и взяла его чашку в руки.

— Идем наверх.

Тот добежал до середины лестницы и оглянулся, проверяя, не передумала ли она.

Вот так, в компании собаки и с чашкой кофе в руках, она устроилась у себя в комнате, в ожидании скорого рассвета.

* * *

Пришло воскресенье, и Наоми принялась подыскивать причины, которые позволили бы ей избежать поездки к Дженни.

Всего лишь два дня в неделю может она провести в тишине и покое, и вот один из этих дней ей приходится тратить на общение с людьми!

Почему бы не съездить вместо этого в национальный парк, побродить там в благословенном одиночестве? Или закончить покраску гостевой комнаты.

В конце концов, она могла бы просто полениться.

Если бы не магазинная суета, не все эти покупки, она ни за что бы не

дала своего согласия...

Однако она пообещала, напомнила себе Наоми. Раз уж она намерена обосноваться здесь, надо проявлять хотя бы минимум дружелюбия. Отшельники и затворники всегда привлекали к себе слишком много внимания.

Вдобавок она сказала, что привезет сладкое... и даже купила все, что требовалось для приготовления клубничного торта.

В конце концов, Наоми решила на компромисс: она испечет торт, а потом будет действовать по настроению.

В скором времени она уже ставила в духовку взбитое тесто.

Пришла пора заняться клубникой. Первым делом она уложила ягоды в одну из своих голубых чашек и подыскала хорошо освещенное местечко — спелая клубника в стеклянной чашке наверняка станет хитом продаж на ее сайте. Сделав несколько снимков, Наоми добавила к композиции парочку стеклянных бокалов. Потом, уложив все на поднос, она отнесла ягоды и бокалы вверх, на свою любимую террасу.

Здесь она дополнила композицию букетом фиалок.

Жаль, что она так и не успела купить пару подушек для дивана. Цветная подушка в углу смотрелась бы очень неплохо.

Или шелковый женский халатик... Его, впрочем, у Наоми тоже не было...

Пока она так размышляла, прозвенел таймер в духовке.

«Вот черт, я же не приготовила ягоды».

Ей пришлось вернуться к своим кулинарным обязанностям.

Свежеиспеченный торт выглядел так восхитительно, что она без труда убедила себя не отказываться от визита в город. Ну что такое пара часов в компании симпатичных людей?

Упаковав торт в коробку, она отправила его в холодильник, после чего поспешила вверх — переодеться.

Тожe проблема. Что можно надеть на воскресный ужин?

В Нью-Йорке подобные трапезы были целым событием. Сет и Гарри, приглашая гостей, устанавливали специальный дресс-код.

Ладно, очень скоро она пошлет за своими нарядами — вечерними платьями, деловыми костюмами и прочим набором вещей. Пока же придется обойтись тем, что есть.

Черные джинсы на все случаи жизни, белая рубашка. Немного подумав, она дополнила все высокими кроссовками.

Да кому какое дело, в чем она придет?

В любое время после четырех, сказала ей Дженни. Часы показывали

полпятаго, так что можно было отправляться в путь.

Поставив коробку с тортом на заднее сиденье, Наоми запустила в машину пса.

— Даже не думай, — сказала она, когда Тэг с вождением уставился на торт.

В скором времени она уже подъезжала к дому Кевина. Припарковавшись, Наоми с подозрением глянула на мотоцикл Ксандера. Что ж, ей следовало догадаться.

Вокруг дома пестрели клумбы с цветами, росли вишневые деревья. Это обилие красок напомнило Наоми о ее собственном саде, который находился пока в полном запустении.

Ничего, рано или поздно она приведет его в порядок.

Взяв в руки торт, Наоми зашагала к дому. Тэг буквально приклеился к ее боку.

— Это не клиника, так что не трусь.

Не успела она постучать, как Дженни уже распахнула дверь. Тэг при виде ее взбодрился и радостно завилял хвостом.

— Я увидела вас из окна, — Дженни крепко обняла Наоми. — Идемте в дом. Остальные пока на улице — радуются теплоте деньку.

— Вот десерт. — Наоми вручила ей коробку. — Прости, что без специальной упаковки.

— Ты что-то испекла? Я думала, ты просто купишь сладкое где-нибудь по дороге.

— Мне хотелось опробовать мой новый миксер.

— Тогда идем на кухню. Я просто умираю от любопытства.

Кухня оказалась просторной и уютной, с удобными стульями и большим плоским телевизором на стене.

Опустив торт на белую стойку, Дженни принялась его распаковывать.

Наоми тем временем оглядывалась по сторонам.

— Мне нравится твоя столовая. А люстра — просто загляденье!

Изящные металлические полосы сплетались в большой шар, внутри которого сияли электрические лампочки.

— Кевин нашел этот шар в одном из тех домов, которые шли под снос. Я привела его в порядок, а Кевин подключил электропроводку.

— Прекрасный семейный тандем!

— Сейчас я налью тебе вина, — пообещала Дженни, — только... Боже мой, ты сама это приготовила?

— Я не в состоянии сделать люстру, зато могу испечь торт.

Дженни с благоговением извлекла торт из коробки.

— Это же настоящее произведение искусства! Я возьму у тебя рецепт, но уже сейчас вижу, что мне такое не по силам. Боюсь, он полностью затмит мою лазанью.

— Я люблю лазанью.

— С двумя детьми, да еще с подработкой, у меня нет особого времени на готовку. Воскресенье — единственный день, когда я действительно даю себе волю сделать что-то приличное.

— Понятно. А я едва не отговорила себя от визита.

— Почему? — спросила Дженни, пристраивая торт в самом центре стола.

— Мне проще одной, чем с людьми. Но я рада, что все-таки выбралась. Мне очень понравился твой дом.

Дженни налила Наоми стакан вина, затем придвинула к себе свой.

— Видишь ли, я твердо решила, что мы должны стать добрыми подругами. А уж если я что решу...

— У меня давненько не было настоящей подруги. Боюсь, я слегка растренировалась.

— Не страшно. — Дженни беспечно помахала рукой. — У меня в этом деле неплохой навык. Может, посмотрим мою мастерскую? Я уже начала приводить твой стол в порядок.

Они прошли по коридору и оказались в комнате, полной стульев, полок и всевозможных скамеек.

— Я собираю всякие ненужные вещи, — пояснила Дженни. — Это что-то вроде болезни. Потом я довожу их до ума и отправляю в местный магазин. Если что-то не хочет продаваться, приходится забирать это обратно.

— Но это ты явно нашла не на свалке, — сказала Наоми, кивая в сторону трехъярусного столика.

— Кевин привез его. Столик был сломанный, с отбитой верхней крышкой. Кевин починил его, а я хочу...

— Он мне нравится. Когда закончишь с полировкой, я его куплю.

Дженни, слегка сбита с толку, замолчала на полуслове.

— Ты так быстро принимаешь решения!

— Просто мне нужен именно такой столик.

— Пожалуй, стоит почаще приглашать тебя. Не хочешь совершить обмен?

— В смысле?

— Я тебе — столик и отделку стола, а ты мне — свою фотографию. Я видела одну на твоем сайте. Она бы идеально смотрелась в моей гостиной!

Это закат с невысказанно яркими красками, и лодка плывет по воде. Лодка с белоснежным парусом.

— Я понимаю, о чем ты. Но это же нечестно — две вещи за одну. Ты себя обделяешь.

— Я знаю, чего стоит моя работа и чего стоит твоя.

— Что ж, если ты так хочешь... тогда позволь мне поместить фотографию в рамку. Какой размер тебе нужен?

Дженни кивнула в сторону готовой рамки белого цвета.

— Двадцать четыре на восемнадцать, где-то так. Если не возражаешь, рамку я возьму с собой.

— Чудесно! Еще я очень хочу показать тебе садовую скамейку. Мне кажется, она будет прекрасно смотреться на твоей террасе.

Вслед за Дженни Наоми подошла к скамье с высокой спинкой. Цветом та напоминала неяркую лесную зелень.

— Только не думай, что ты обязана, — торопливо добавила Дженни. — Если она тебе не нравится...

— Нравится. Она и правда подойдет для террасы. Или для сада, когда я наконец-то с ним разберусь.

— Хочешь поменять ее на тот снимок с кувшинкой?

— Давай, — тут же согласилась Наоми.

— У меня есть рамка серебристого цвета — как раз то, что надо для такого фото. Я повешу его у себя в спальне. Похоже, мы помогли друг другу украсить наши дома. — Дженни крепко обняла Наоми. — Я только рада, что мои вещи окажутся у тебя, а твои работы — у меня. А теперь, — добавила она, — почему бы нам не прогуляться? Тэг, наверно, соскучился по Молли. Они ведь тоже друзья.

Девушки вышли на задний двор.

— Здесь так тихо. — Дженни повернулась, чтобы закрыть дверь. — Я боюсь тишины.

В следующее мгновение в грудь Наоми ударила струя холодной воды.

Из-за угла высунулся Ксандер. В руках он держал большое водяное ружье.

Наоми бросила взгляд на промокшую блузку, затем взглянула на Ксандера.

— И?

— Ох, прости. Я думал, это Кевин.

— Мы что, так похожи?

— Я бы не сказал. Просто слышал голоса и решил подстраховаться. Они с детишками объединились и преследуют меня по всему саду...

Водный заряд ударил ему в спину.

— Ксандер мертв! — Тайлер буквально приплясывал от радости, потрясая своим ружьем.

— Предатели. Ты живешь с предателями, которые не гнушаются застрелить человека в спину, — заявил Ксандер Дженни.

— Ты сам только что убил безоружного. Идем, Наоми, я дам тебе сухую рубашку.

Бросив на Ксандера последний — мрачный — взгляд, Наоми поспешила за Дженни в дом.

За ужин она села в одной из футболок своей новой подруги. Они ели, болтали, и Наоми чувствовала себя совсем как дома. Давно уже поездка в гости не доставляла ей такого удовольствия.

Наконец, бросив взгляд на часы, она поспешила из-за стола.

— Нам с Тэгом пора домой. Дженни, все было просто чудесно. Спасибо тебе за приглашение. Если хочешь, я заберу с собой рамки для картин.

— Конечно. — Дженни крепко обняла ее на прощание. — Заглядывай почаще. По воскресеньям мы открыты для гостей.

— Я вынесу рамки к машине, — сказал ей Ксандер.

Наоми вывела пса на улицу и открыла дверцу. Тот послушно запрыгнул в машину. Сама она достала телефон и начала фотографировать закат над бухтой, пустые доки, безлюдный берег.

— Ты когда-нибудь забываешь о работе? — Ксандер направлялся к ней от дома с рамками в руках.

— С моей веранды открывается потрясающий вид на залив, но этот его кусочек скрыт деревьями. К тому же сегодня великолепный закат.

— Мой дом находится далековато от воды, но и мне удастся наблюдать неплохие закаты. Загляни как-нибудь — убедишься сама.

— Пожалуй.

— Еще совсем рано, — сказал он, убирая рамки в машину. — Почему бы не посидеть у Лу? Я угощаю.

— Я и так выпила несколько бокалов вина.

— Это за четыре-то часа? Да ты как стеклышко!

Рассмеявшись, она покачала головой:

— Прости, но с меня на сегодня хватит. И мне пора домой.

Обойдя вокруг машины, Ксандер распахнул для Наоми дверцу.

— Тебе нравится пармиджана из баклажанов?

— Еще бы!

— Приходи ко мне в среду на ужин. У меня будет пармиджана из

баклажанов.

Наоми в изумлении взглянула на него.

— Ты собираешься готовить пармиджану?

— Вот уж нет! Закажу ее у Ринальдо. Они там специалисты по таким вещам.

— Два ужина в гостях? И это за одну неделю? Не знаю, смогу ли я осилить такое.

— Постарайся. И собаку приводи.

Тэг, высунув из машины морду, потерся о руку Ксандера.

— Только ужин, и ничего больше.

— Как скажешь, — улыбнулся он.

— К которому часу?

— Лучше всего к семи. Я живу над гаражом. Лестница со двора.

— Итак, в среду... если не раздумаю.

Ксандер усмехнулся:

— Оставляешь путь для отступления?

— Так, на всякий случай.

С чего вдруг такие предосторожности, думал он, наблюдая за отъезжающей машиной. Такое чувство, будто она в любой момент готова сбежать.

Вот только от чего?

Двенадцать

В плане работы неделя не удалась. Наоми пришлось перебраться из спальни в одну из гостевых комнат, поскольку рабочие решили привести в порядок ее ванную. Но на этом Кевин не стал останавливаться — заодно они принялись ремонтировать все прочие ванны на втором этаже.

Никакие наушники не могли спасти от этого ужасного шума.

Наоми подумывала спуститься вниз, но здесь уже трудились маляры — красили стены гостиной. Следующей на очереди была библиотека.

В середине недели она сдалась и поехала на прогулку в национальный парк, прихватив с собой камеру и собаку.

Наоми брела по тропинке, пристегнув к поясу собачий поводок — Тэг уже не испытывал к нему прежней неприязни. Вокруг высились деревья, верхушки которых уходили в самое небо.

Вдоль тропинки, перемежаясь с листьями молодого папоротника, красовались лесные цветы.

Пожалуй, стоило бы взять палатку, пожить здесь несколько дней. Интересно, как отнесется к такой перемене ее пес?

Пока что лес ему явно нравился. Тэг грозно облаивал белок или просто семенил рядом. Когда Наоми останавливалась, чтобы сделать снимок, он терпеливо поджидал окончания работы.

— Думаю, будет здорово. Только ты, я и лесная живность.

Двое туристов вышли на тропу. На поводке они вели небольшую гончую. Не успела Наоми кивнуть им в знак приветствия, как Тэг, взыв от ужаса, кинулся ей на руки. И тут же сбил на землю.

Туристы — пара из Портленда, заглянувшая сюда на несколько дней, — поспешили Наоми на помощь. Тэг при виде безобидной гончей буквально забился в истерику.

Ей еще повезло, что она не разбила камеру. Зато у самой Наоми искры посыпались из глаз, а уж пятую точку она, похоже, вовсе отбила.

— Постыдился бы, — заявила она псу, ковыляя назад к автомобилю. — Крошечный пудель без труда обратит тебя в бегство.

Тэг, понутив голову, заполз на заднее сиденье.

Доехав до дома, она с большими предосторожностями вылезла из машины. Рабочие уже успели разъехаться. У ворот стоял только грузовик Кевина.

В следующее мгновение и сам он вышел из дома.

— Привет! Я оставил тебе записку. Мы сегодня славно потрудились. А как твоя прогулка?

Тэг, заведя Молли, приветствовал ее, как друга, с которым не виделся уже много лет.

— Похоже, эти двое неплохо ладят друг с другом, — кивнула Наоми.

— Ясное дело.

— Но стоит ему встретить у ветеринара хотя бы кошку, и он теряет голову от страха. Сегодня он мужественно лаял на белок, но затем нам повстречались туристы с гончей. Он заметался как бешеный. Сбил меня с ног.

— Как ты, в порядке?

Она машинально потерла задницу.

— По правде говоря, мне здорово досталось.

Кевин, к удивлению Наоми, провел рукой по ее затылку.

— У тебя тут шишка. Могу вызвать «Скорую».

— Какая «Скорая»? Это всего лишь синяки и ушибы. Да задетое самолюбие. Вот так, доктор Баннер.

— Голова болит?

— Не столько голова, сколько задница.

— Теплая ванна, ледяные примочки, пара обезболивающих таблеток. Обойдется в две сотни долларов.

— Запиши это на мой счет, поскольку я намерена последовать твоему совету.

— Не помешает и хороший ужин, который ты можешь разделить с Ксандером.

— Я... сегодня среда!

— Именно так, — Кевин похлопал ее по плечу. — Скажи Ксандеру, я жду его завтра у Лу.

— Хорошо.

Вот черт! Все также с трудом передвигая ноги, Наоми направилась в дом.

По крайней мере, это прекрасный повод отказаться от поездки к Ксандеру. У нее и правда все болит! Поморщившись, она отправилась на поиски льда.

Даже погрузившись в ванну — единственную из всех, не затронутую ремонтом, — Наоми продолжала спорить сама с собой. Нужно позвонить и отменить ужин.

Но отменить его сейчас — фактически перенести на потом. Уж лучше съездить и покончить с этим раз и навсегда.

Теплая ванна слегка ослабила боль, но Наоми все-таки выбрала легинсы помягче. Сначала она хотела вовсе обойтись без макияжа, но затем решила, что это будет слишком заметно.

В четверть седьмого они с собакой направились к выходу, хоть Наоми и полагала, что Тэг не заслуживает повторной прогулки. Затем, поразмыслив, она вернулась за бутылкой вина.

Как-никак она слишком хорошо воспитана, чтобы идти в гости с пустыми руками.

Добравшись до места, она выпустила пса из машины, окинув его предварительно холодным взглядом. Затем, следуя указаниям, поднялась по извилистой лестнице и постучала.

— Да-да, открыто!

Распахнув дверь, Наоми увидела Ксандера. Тот стоял в закутке, исполнявшем роль кухни, и открывал бутылку вина.

Она бросила на него укоризненный взгляд.

— Что, если это не я, а профессиональный убийца в сопровождении свирепого цербера?

— Вряд ли запертая дверь остановит профессионального убийцу или его цербера.

Что ж, в этом была своя логика. Тэг, виляя хвостом, направился к Ксандеру.

Наоми тем временем с восхищением смотрела на стену гостиной, сплошь заставленную книгами.

— Стало быть, ты и правда завзятый чтец. Ничего себе коллекция!

— Всего лишь часть ее.

— Часть? Смотрю, ты серьезно подходишь к вопросу.

— Во всяком случае, в том, что касается книг.

Рассмеявшись, она принялась разгуливать вдоль стены.

— Но это же настоящее произведение искусства. Тебе наплевать на мебель, но ты сумел подчеркнуть главное свое увлечение. И создал тем самым, как я уже сказала, настоящий шедевр. Я хочу сфотографировать это.

— Да ради бога.

— Нет-нет, не сейчас. Не с помощью телефона. Здесь нужна настоящая камера.

— Приноси свою камеру, когда пожелаешь. Но почему бы нам сейчас не устроиться на террасе и не выпить вина?

Взяв Наоми за руку, он потянул ее в сторону спальни. И тут же ощутил сопротивление.

— Выход на террасу у меня через эту комнату.

Еще книги, отметила Наоми. Широкоэкранный телевизор. Кое-какая мебель. И снова книги.

Ксандер распахнул дверь на крохотную террасу, где едва помещались стол и пара складных стульев.

— Если хочешь, принесу тебе для удобства подушку.

— Ты уже пообщался с Кевином.

— Он считает, что я должен присматривать за тобой. У твоего пса, как я понимаю, страх перед маленькими собаками.

Наоми осторожно опустилась на стул.

— Ничего, сойдет и так. Страх перед маленькими собаками? Такого не бывает.

— Микрокинофобия.

Рассмеявшись, она глотнула вина.

— Признайся, ты сам это выдумал.

— Кинофобия — боязнь собак. Добавь сюда микро. Если хочешь, можешь взглянуть в словаре.

Наоми взглянула на него с сомнением, но спорить не стала.

— С какой стати этой громадине бояться маленьких собачек?

— Возможно, в детстве его обидел чихуа-хуа.

Продолжая потягивать вино, Наоми смотрела на поле для бейсбола.

— Ты можешь наблюдать за игрой, даже не выходя из дома.

— Так я иногда и делаю.

— А сам играешь?

— Уже нет. Времени всегда в обрез.

— Мой брат когда-то увлекался бейсболом, но главный его конек — это баскетбол.

— И как успехи?

— Играл в свое время за Гарвард.

— Ух ты. В качестве кого?

— Был разыгрывающим. Я, кстати, заметила у тебя во дворе баскетбольный щит.

— Люблю иногда покидать мячик. В старших классах играл всерьез, сейчас — просто для развлечения. Мы бы могли поразмяться с твоим братом, если он когда-нибудь приедет сюда.

— Приедет.

Она непременно привезет их сюда — и парней, и бабушку с дедушкой. Вот настанет осень, и они соберутся все под одной крышей.

— Смотрю, ты выбрал неплохое место для гаража. Близко от шоссе, да и центр города рядом.

— Да я особо не выбирал. Купил этот гараж у Хобарта — тот состарился, вести дела ему было не по силам. Они с женой уехали потом к дочери в другой город.

— Хотелось завести собственный бизнес или просто отремонтировать машины?

— И то и другое. Я всегда любил машины. А если хочешь обзавестись собственной, нужно знать, как она работает. В принципе я не возражал бы работать и на Хобарта — он был хорошим боссом. Но на себя мне нравится работать больше.

В целом это можно было сказать и про нее.

— Я после колледжа четырнадцать месяцев проработала помощником фотографа. Что-то вроде ученичества. Но мой босс был тот еще фрукт. Злобный, требовательный, высокомерный. Часто впадал в истерику. Но как фотограф — выше всяких похвал.

— Многие считают: раз у тебя есть талант, можешь вести себя как вздумается.

— К сожалению, так. В любом случае я планировала провести с Джулианом — фотографом — два года, но четырнадцати месяцев хватило с головой. Счастливейшим днем в моей жизни стал тот, когда я съездила ему по физиономии и ушла.

— Интересный способ разорвать контракт.

— Мы работали над рекламой шампуня. В рекламном деле всегда платят большие деньги. У модели были роскошные волосы — настоящий рай для фотографа. Но этот парень, он всегда был перфекционистом. Я в принципе не имела ничего против. К тому моменту я успела привыкнуть и к словесным оскорблениям, и к швырянию предметов. Все это в изобилии присутствовало и на нашей последней съемке. В какой-то момент он даже довел до слез гримера. Потом он заявил, что я подала ему не те линзы. Когда же я посмела возразить, что все сделала правильно, он меня ударил.

— В самом деле? — Ксандер уже не улыбался.

— Шлепнул меня по щеке, как капризная девочка. А я в ответ врезала так, как учил меня Сет. Разумеется, он заверещал, вокруг собрался народ. Этот тип все держался за свой разбитый нос.

— Ты расквасила ему нос?

— Если уж решил ударить кого-то, делай это от души.

— Прекрасная философия.

— В общем, он начал орать, что засудит меня, но я не очень-то испугалась. Сказала, что у меня полно свидетелей, которые видели, как он первым меня ударил. После этого случая я дала себе слово, что никогда

больше не свяжусь с подобным мерзавцем.

— Весьма разумно.

Ксандер чувствовал, что эта женщина занимает его все больше и больше.

— Итак, ты разбила парню нос, после чего начала собственный бизнес.

— Вроде того. Сет и Гарри дружат с владельцем одной из нью-йоркских галерей. Они-то и попросили его взять парочку моих работ. Они всячески поддерживали меня, пока я только осваивалась в этой профессии. Но я знала, что смогу зарабатывать самостоятельно, продавая фото по Интернету, делая обложки книг и альбомов. Какое-то время я работала в Нью-Йорке, потом отправилась путешествовать по стране. Машина, камера, компьютер.

Нахмурившись, она взболтала свое вино.

— Целый мир, — понимающе кивнул Ксандер. — Стало быть, ты делаешь обложки для альбомов?

— Время от времени.

— Наша группа работает над новым CD.

— Новым?

— Первый мы сделали пару лет назад. В основном для туристов, но кое-что продаем на свадьбах и прочих торжествах.

— Вы подыскиваете фотографа?

— В прошлый раз нас фотографировал знакомый Дженни. Вышло неплохо, но ты, я думаю, сумеешь справиться лучше.

— Возможно. Давно вы играете?

— С этими парнями около четырех лет. Сам я — лет с двенадцати. Мы с Кевином и Лело создали тогда первую группу.

— С Кевином? — Наоми не скрывала своего изумления.

— Только не проси его сыграть что-нибудь сейчас. Ладно, пойдем поедим. — Взяв Наоми за руку, он потянул ее на кухню. — После школы группа распалась. Барабанщик ушел в армию, Кевин отправился в колледж, а Лело по большей части находился под кайфом.

— А ты сам?

Ксандер достал из духовки теплый ужин.

— Я отправился в техникум, работал в гараже, время от времени выступал на вечеринках. Иногда вместе с Лело, который понял, что под наркотой ни сыграешь толком, ни произведешь впечатления на девчонок.

Наоми вновь взглянула на полки, сплошь уставленные книгами.

— Ты, стало быть, обошелся без колледжа?

— Терпеть не мог школу. Тебе все время говорят, что нужно учить, какие книжки читать. Техникум — другое дело. Потом я пошел на бизнес-курсы.

— Ты серьезно?

— Если хочешь обзавестись собственным делом, нужно знать, как все это работает.

Из холодильника он достал салат и разложил еду по тарелкам, добавив по куску свежее испеченного хлеба, которым славилась местная пиццерия.

Наоми улыбнулась, когда Ксандер достал из шкафа косточку и протянул ее псу.

— Разумно.

— Это займет его на некоторое время. Как тебе пармиджана?

— Очень вкусно, спасибо.

— Годам к пятнадцати я понял, если умеешь хоть как-то играть на гитаре, у тебя не будет отбоя от девчонок.

— А поскольку играл ты весьма неплохо, выбор у тебя, как я понимаю, был достаточно большим. И что, ни одна из них не запала в душу?

— Дженни могла бы.

Наоми опустила вилку.

— Наша Дженни?

— В то время Дженни Уокер. Новенькая в школе, только что из Олимпии. Хорошенькая, как весенний цветок. Я первым пригласил ее на свидание и первым же поцеловал.

— Серьезно?

— Ну да. Я успел даже слегка влюбиться, но тут оказалось, что Кевин уже влюблен по уши.

— А дружба, как я понимаю, превыше всего.

— Именно так, — усмехнулся Ксандер. — Признаться, я до сих пор слегка влюблен в нее.

— Неудивительно. Но если ты ищешь вторую Дженни, вряд ли тебе повезет. Она такая одна.

— Я положил глаз на длинноногую и загадочную блондинку.

Наоми знала, что он говорит правду.

— Неразумно увлекаться загадочным. — Какое-то время она наблюдала за тем, как Ксандер ест. — Как правило, общению я предпочитаю одиночество. Мне двадцать девять, и у меня до сих пор не было серьезных отношений — я делаю все, чтобы избежать этого.

— То же самое могу сказать о себе. С той лишь разницей, что я на три года старше.

— Так вот, пока что я намерена осесть в этом месте. У нас с тобой завяжется романчик, потом мы разбежимся, и моя жизнь тут будет напрочь испорчена.

— Даже не представляю, как ты существуешь с такими оптимистическими взглядами.

— Что поделать, — улыбнулась Наоми.

Поднявшись, она взяла пустые тарелки и отнесла их на стойку.

— В свое время у меня был парень. Он любил меня... так, как могут любить только в двадцать лет. Мы с ним спали, а еще учились и работали. Но когда он предложил мне жить вместе, я разорвала отношения. Немедленно. Конечно, мне было проще, чем ему, поскольку я не испытывала таких чувств. Но и он, и я ощущали неловкость до конца колледжа.

— Однако ты его не забыла.

— Я сильно его обидела. Жаль, не удалось этого избежать.

Ксандер промолчал. Он знал, что практически невозможно пройти через лабиринт жизни, не задев при этом ничьих чувств.

— Стало быть, ты рассчитываешь на то, что я влюблюсь в тебя и предложу съехаться.

— Я просто хочу сказать, что разрыв отношений нередко осложняет жизнь тех, кому приходится обитать по соседству друг с другом.

— Может, это ты влюбишься в меня и предложишь мне переехать в твой большой дом.

— Я не влюблюсь. И мне нравится жить одной.

Ксандер бросил взгляд на Тэга, но решил обойти стороной тот факт, что пес все-таки поселился у Наоми.

— Хочешь еще вина? — спросил он.

— Лучше воды. Я как-никак за рулем.

— Приятный сегодня вечерок. Не хочешь немного прогуляться, размяться после еды? Да и собаке не мешает освежиться.

— Пожалуй. — Взяв стакан, она снова подошла к книжному стеллажу. — Мне и правда хочется это сфотографировать. В какое время мне лучше подъехать?

— В пятницу. Двери будут открыты. Но если задержишься, нам придется заглянуть потом к Лу. Можем поужинать перед выступлением.

— Вы играете в эту пятницу?

— С девяти до полуночи. Если хочешь, можно пригласить заодно Кевина и Дженни.

Стало быть, не свидание, а обычная дружеская встреча. С музыкой и

хорошей едой. Наоми нравилась музыка. И ей очень хотелось вернуться сюда с камерой и...

Взгляд ее упал на очередную книжку, и в глазах у нее все потемнело.

Саймон Вэнс. *Кровь в земле: наследие Томаса Дэвида Боуза.*

— Наоми? — Ксандер, отбросив полотенце, шагнул к ней. — Ты в порядке?

— Что? — Лицо у нее побелело как мел. — Я... да, я в порядке. Так, голова вдруг закружилась. Пожалуй, не стоило мне выпивать после сегодняшнего падения.

Слова вырывались бессвязным потоком.

— Все было очень здорово, Ксандер, но мне пора домой. Выпью пару таблеток и лягу пораньше спать, — ее трясло. Еще немного, и начнется приступ паники.

— Если получится, я загляну к тебе в пятницу. — Она метнулась за дверь и поспешила к машине. Пес устремился следом.

Ксандер в недоумении повернулся к стеллажу. Он что, совсем спятил? Или она действительно увидела здесь нечто такое, что напугало ее до смерти?

Он подошел поближе, принялся разглядывать корешки. Книги как книги. Ничего необычного. Он попытался припомнить, где именно стояла Наоми, куда был устремлен ее взгляд за секунду до того, как она буквально пристыла к месту.

Нахмурившись, он вытащил единственную документальную книжку. Серийный убийца, откуда-то с востока страны. Ксандер был подростком, когда об этом событии всю трубили в прессе. И книгу он приобрел вскоре после этого.

Западная Виргиния, припомнил он, разглядывая обложку.

Но при чем тут Наоми? Она же из Нью-Йорка.

Он начал рассеянно листать страницы.

«Да, Западная Виргиния, какой-то крохотный городок. Томас Дэвид Боуз, примерный семьянин. Жена и двое детей. Дьякон в местной церквушке. Интересно, скольких он убил?» — Ксандер перевернул очередную страницу. — «Жаркая летняя ночь, надвигающаяся гроза... Одиннадцатилетняя дочь находит погреб в земле и... Наоми Боуз. Наоми». — Он смотрел на книгу, а перед глазами маячило бледное, потрясенное лицо Наоми. — «Ах ты, сукин сын».

Тринадцать

Как следует помучившись, Наоми все-таки решила отправиться в бар в пятницу вечером. Для нее это стало своего рода компромиссом, поскольку поехать на квартиру Ксандера она не могла. По крайней мере, не сейчас.

Тэга пришлось подкупить игрушкой, сахарной косточкой и обещанием вернуться как можно скорее.

Не могла же она взять в бар собаку!

Всего лишь бокал вина, сказала она себе. Один бокал под легкую болтовню с Кевином и Дженни. И с Ксандером, если тот подойдет к их столику.

Общение с Дженни не составит никакого труда. Она просто позволит той вести беседу, а сама будет поддакивать — до тех пор, пока не придет пора возвращаться домой.

Наоми специально приехала в бар попозже, когда группа уже зажигала на сцене. Отыскав в зале Кевина и Дженни, пристроилась за их столиком. Дженни тут же схватила ее за руку.

— Мы тоже только что пришли! Няня задержалась, и мы выбрались из дома позже обычного. Сейчас Кевин принесет нам выпить, а потом мы с ним потанцуем.

— Мой черед угощать, — возразила Наоми. — Пиво и бокал красного вина, так?

— Верно. Кевин, идем!

— Может, мы просто...

Но Дженни схватила его за руку и потащила на танцевальный пятак. Наоми направилась к бару.

Две женщины безостановочно трудились за стойкой, и Наоми поняла, что придется подождать. Но в этот момент она поймала взгляд одной из дам — сексапильной брюнетки с резкими чертами лица.

— Длинноногая блондинка с короткой стрижкой и неприступным выражением лица, — заметила брюнетка. — Ты, должно быть, новый фотограф.

— Я... верно.

Женщина смерила ее взглядом серовато-голубых глаз.

— Полагаю, ты с Кевином и Дженни?

— Да.

— Пиво и бокал красного. А ты что пьешь?

— Мне тоже вина.

Женщина кивнула.

— В свое время я была замужем за парнем, который делал вид, будто ухаживает за садом Паркерсонов, — сообщила она.

— Делал вид?

— Как оказалось, он не столько стриг там траву, сколько курил ее. Я дала ему отставку еще до того, как его уволили из садовников. Вот выпивка. Открыть тебе счет?

— Нет, спасибо.

Вытащив бумажник, Наоми расплатилась наличными.

Забрав стаканы, она направилась к столику. Музыка из быстрой сменилась на медленную. Кевин и Дженни, обнявшись, покачивались в такт мелодии.

Это зрелище тронуло Наоми до слез.

Любовь может длиться долгие и долгие годы. Она уже видела это на примере Сета и Гарри.

Поставив стаканы, она уселась за столик и посмотрела на сцену. И тут же встретила взглядом с Ксандером. Тот пел так, будто рассказывал о своих чувствах. Но Наоми не искала ни верности, ни любви.

Она знала, что Ксандер — это ошибка. И всегда ею был. С того самого момента, как остановился на обочине дороги, чтобы помочь ей поменять шину.

Усилив воли она отвела взгляд, снова переключившись на танцующих. И увидела блондинку, которая что-то нашептывала Ксандеру в тот день, когда Наоми впервые заглянула в этот бар. Во взгляде блондинки явно читалась неприязнь.

Ну вот, не хватало только ревнивой поклонницы местных талантов!

Кевин и Дженни вернулись к столику.

— Два танца подряд! — Глаза у Дженни сияли. — Да это рекорд!

— Кевин, ты не любишь танцевать?

— Да ты видела, как я танцую?

Наоми рассмеялась и ответила, не покривив душой:

— Вы выглядели просто восхитительно.

* * *

Стоило Наоми появиться в баре, и он тут же ощутил это. Такое чувство, будто она принесла с собой предвестие грозы. Теперь-то он знал,

откуда в ней это.

Стоит ли говорить ей о том, что ему все известно? Он раз за разом задавал себе этот вопрос.

Если бы она доверяла ему... Но ни о каком доверии пока не могло быть и речи.

Ей явно не хотелось приезжать сюда. Она умело замаскировала свои чувства улыбкой. Но даже со сцены Ксандер видел, что улыбка эта совсем не отражалась в ее глазах.

И все же Наоми пришла. Возможно, чтобы доказать что-то себе... или ему.

От Rolling Stones группа перешла на Клэптона, и Ксандер приказал себе сосредоточиться. Как раз в тот момент, когда Дженни и Наоми встали из-за стола и смешались с танцующими.

* * *

Она уже и не помнила, когда в последний раз танцевала, но Дженни так просила, что у нее не было сил отказаться.

Движение несло свободу, и Наоми отдалась плавному звучанию музыки.

Внезапно кто-то сильно пихнул ее в спину. Поначалу она не обратила на это внимания — в такой толчее трудно было развернуться. Но тут ее толкнули второй раз, и Наоми обернулась.

— Я тебе мешаю? — спросила она у блондинки, которая чуть раньше смотрела на нее с такой неприязнью.

— Именно так, — заявила та, сопровождая все новым толчком.

— Марла, угомонись, — вмешалась Дженни. — Ты слишком набралась.

— Я говорю не с тобой, а с той сучкой, которая встала у меня на пути. Никому не позволю забрать то, что принадлежит мне.

— Я и не собиралась ничего у тебя забирать.

Наоми не хотелось привлекать к себе внимание — она и так со всей остротой ощущала любопытные взгляды окружающих.

— Что ж, если тебе мало места, можешь забрать весь пол. — Сказав это, она попыталась вернуться на место, но блондинка не унималась.

— Ты сама окажешься на полу, если не будешь держаться подальше от Ксандера. — Она вновь сопровождала это ощутимым толчком.

Избегать конфликтов любой ценой — этому Наоми успела научиться

за свою жизнь. Однако потребность постоять за себя была у нее в крови.

Когда блондинка попыталась пихнуть ее вновь, Наоми схватила ту за запястья и вывернула руку. Марла, вскрикнув, рухнула на колени.

— Не смей больше прикасаться ко мне. — Сказав это, Наоми начала пробираться к столику.

— Наоми, стой! — Дженни поспешила следом за ней. — Прости, ради бога. Марла перепила и ведет себя как последняя дурочка.

— Все в порядке. Знаешь, я поеду домой. Зачем напрашиваться на неприятности?

— Давай выйдем на улицу, немножко погуляем. Тебе...

— Нет-нет. — Наоми сжала ее ладошку. — Мне все равно нужно возвращаться. Пес уже заждался. Увидимся позже.

Она пошла, а не побежала. Усилием воли заставила себя двигаться как можно спокойней. Но к тому моменту, когда Наоми добралась наконец до машины, сердце у нее колотилось так, будто она пробежала целую милю.

Отдышавшись, она вытащила ключи и принялась открывать машину. В этот момент позади послышались чьи-то шаги.

Она быстро выпрямилась и обернулась.

Ксандер сжал ее руку, прежде чем она успела щелкнуть замком.

— Подожди.

— Мне нужно ехать.

— Так и сделаешь, как только придешь в себя. — Он сжал ее за плечи. — Мне извиниться?

— Ты же ни в чем не виноват.

— Ну да, если не считать того, что мы дважды переспали с Марлой — когда нам было по семнадцать. Но поскольку произошло все четырнадцать лет назад, вряд ли это стоит особого упоминания. Мне жаль, что она расстроила тебя... да и себя выставила полной дурой.

— Она здорово напилась.

— Никогда не считал это оправданием идиотскому поведению.

Наоми рассмеялась:

— Я тоже, но факт есть факт. Она просто помешана на тебе.

— Поверь, я не давал для этого никакого повода. — Он по-прежнему смотрел ей прямо в глаза. — Она меня совершенно не интересуется.

— Почему бы тебе не сказать ей об этом?

Он говорил, и не раз. Но с учетом сложившихся обстоятельств придется, видимо, сделать это снова. И обидеть неплохого в общем-то человека.

— Терпеть не могу сцен, — добавила Наоми.

— Что ж, время от времени они происходят. На свадьбах и вечеринках чего только не насмотришься. Ты справилась с ситуацией, и это главное.

Кивнув, она распахнула дверцу машины.

Но Ксандер вновь развернул ее лицом к себе. И поцеловал.

«Нечестно», — мелькнула у нее мысль. Нечестно пользоваться тем, что она в расстроенных чувствах.

— Вот что я скажу. Я хочу тебя, хочу больше всего на свете. И ты меня хочешь, уж это-то я в состоянии понять. Позже, когда выступление закончится, я приеду к твоему дому.

— Но я...

— Если свет будет гореть, — продолжил Ксандер, — я постучу. Если нет, развернусь и уеду домой. У тебя пара часов, чтобы понять, чего ты действительно хочешь.

Он помог ей усесться в машину, подождал, пока она пристегнет ремень.

— Оставь свет включенным, Наоми, — сказал он и захлопнул дверцу.

* * *

Свет она оставляла для себя и теперь по возвращении намеренно щелкнула выключателем.

— Только ты и я, — заявила она псу, который приплясывал вокруг нее в приступе радости.

Поскольку собаке хотелось побыть рядом, а Наоми мечтала о свежем воздухе, они вместе отправились во двор. Здесь она уселась на ступенях террасы, потягивая травяной чай и наблюдая за тем, как над заливом неспешно встает луна.

Понемногу она успокоилась, напряжение отпустило. Тэг, побегав по своим делам, пристроился рядом. Так они сидели, в дружеском молчании, около часа.

Наконец она встала и направилась в дом. Пес поспешил следом. Вместе они проверили замки, после чего поднялись в спальню. Тэг устроился на своей подстилке, но не уснул, а продолжал внимательно посматривать на Наоми.

Она ловила на себе его взгляд все то время, что проверяла почту, просматривала счета. Может, он чувствует ее беспокойство?

В конце концов, не выдержав, она встала и зашагала вниз. Тэг, как тень, следовал по пятам. Оказавшись у входной двери, Наоми вновь

включила свет.

«Я знаю, что совершаю ошибку. Глупую, ужасную ошибку».

Она вернулась на кухню, но теперь уже налила себе не чаю, а стакан вина. Оставалось лишь ждать, когда Ксандер постучится.

* * *

Стоило ему заметить впереди проблеск света, и напряжение ушло, сменившись воодушевлением. Она оставила включенной только одну лампочку, но и этого было достаточно.

Когда Наоми открыла дверь, Тэг выскочил наружу, чтобы поприветствовать его дружеским лаем. Но Ксандер не сводил глаз с Наоми.

— Я зайду?

— Заходи.

Она заперла за ним, проверила замок.

— Знаешь, я готова была поклясться, что не склонна следовать импульсу. Тем не менее я купила этот дом и обзавелась псом. И я оставила свет, хоть и не собиралась этого делать.

— Ты не импульсивна. Ты просто умеешь принимать решение.

— Может, и так. Ладно, это всего лишь секс.

— Не просто секс, и ты это знаешь. Но я не против начать именно с него. Скажи мне, чего ты хочешь?

— Сегодня я хочу тебя...

В следующее мгновение он уже держал ее в объятиях.

Наоми не стала сопротивляться. Если это ошибка, она успеет пожалеть о ней позже.

Подгоняемая желанием, она стянула с него куртку. Та упала на пол, и Ксандер сдернул с Наоми джемпер — легко, будто тот был из воздуха.

В следующее мгновение он прижал ее к стене, так что все внутри ее растопилось, превратилось в лаву. За джемпером настала очередь лифчика.

Руки, большие и крепкие, жадно ласкали ее грудь, и от каждого их движения у Наоми перехватывало дыхание.

Собрав остатки воли, Ксандер потянул ее наверх, в спальню.

Они упали на кровать, залитую лучами лунного света. Тело Ксандера давило на нее своим весом, и в какой-то момент Наоми показалось, будто она попала в ловушку.

Паника вспыхнула на грани сознания, но не смогла пробиться сквозь желание. Следуя его велениям, Наоми нащупала пояс джинсов, щелкнула

застежкой.

Губы Ксандера отпустили ее рот, сомкнулись на груди. Волна удовольствия накрыла Наоми с головой. Не успела она перевести дыхание, а руки Ксандера уже были у нее между ног.

Казалось, будто она с головой упала в горячий омут и никогда уже не сможет выбраться на поверхность. Она уже не испытывала желания — она сама превратилась в желание, и это сводило Ксандера с ума.

Когда он наконец кончил, показалось, будто мир вокруг перестал существовать. Ни звука, ни движения — все замерло, все растворилось.

Наоми лежала рядом, тихая и обмякшая. Лишь сердце выбивало бешеный ритм. Хотелось сказать что-то связанное, но мыслей в голове не было, и она уступила этой волне расслабления.

Ксандер пошевелился, привстал.

— Пес принес твой лифчик, — сообщил он.

— Что?

Наоми приподнялась на локте. Тэг стоял рядом с кроватью, довольно виляя хвостом. Из рта у него что-то свисало.

— Это мой лифчик?

— Да. Хочешь вернуть его?

— Конечно.

Она потянулась к собаке, но та отступила, еще активней завиляла хвостом.

— Он думает, ты с ним играешь, — поднявшись, Ксандер взял с собачьей подстилки мячик и предложил его псу. — Давай меняться.

Тэг уронил лифчик. Ксандер поднял его и бросил на кровать. Потом подошел поближе.

— Быстро и с налета, так бы я это назвал.

— О чем ты?

— Все произошло слишком быстро. — Он присел на кровать, совершенно не смущаясь собственной наготы. — В таких случаях рискуешь упустить множество прекрасных мелочей... вроде того, как ты выглядишь в лучах лунного света. Или, — он провел пальцем по ее бедру, — вроде этого тату. Цветок лотоса, верно?

Символ надежды, подумал Ксандер. Надежды и упорства.

Наклонившись, он поцеловал Наоми на удивление нежно.

— На этот раз мы будем действовать чуть медленней.

— Правда?

— Конечно, — улыбнулся он. — Не хочу упускать эти милые детали.

И он действительно не упустил ни одной.

Четырнадцать

Проснувшись, Ксандер увидел пса — тот стоял у постели, практически уткнувшись в него носом.

— Иди прочь, — пробормотал он.

Радостно махнув хвостом, Тэг пихнул его носом в щеку.

— Черт.

Не желая уступать, Ксандер поднял руку и отпихнул от себя мокрый собачий нос. Тэг воспринял это как поощрение.

Потрепанный теннисный мячик плюхнулся на кровать в сантиметре от его лица.

Рядом шевельнулась Наоми, и это напомнило Ксандеру о том, что у него есть куда более интересное занятие, чем швыряние мячика.

— Он не перестанет, — пробормотала она и села на кровати. Тэг приплясывал рядом от радости.

— Это наш утренний ритуал.

— Но ведь еще даже не утро!

— Пять утра, как обычно. Он даже припозднился на десять минут. — Она распахнула стеклянную дверь, и Тэг выскочил на террасу. — Ложись спать, — сказала она Ксандеру.

— Почему бы тебе не вернуться в постель? Мы могли бы создать новый утренний ритуал.

— Пес прибежит через десять минут и начнет требовать завтрак.

Разочарование было сильным, и все же...

— А что, пес — единственный, кого ждет завтрак?

— Не обязательно, — улыбнулась Наоми.

Она вышла, а Ксандер еще полежал с минуту. Конечно, он мог бы поспать еще часик... но тогда пришлось бы забыть про горячий завтрак.

Ксандер натянул джинсы и принялся искать футболку. Взгляд его упал на пару коробок, в которых Наоми держала свои вещи. Господи, да у него было больше одежды.

В одной из коробок он обнаружил зубную щетку, еще в упаковке, и решил, что все только выиграют, если он воспользуется ею.

Распахнув дверь в ванную, Ксандер включил свет и увидел абсолютную пустоту — рабочие убрали все старье и готовились обставлять помещение заново.

Вторая ванная комната на этаже выглядела не лучше. Третья тоже. Он

уже подумывал, не воспользоваться ли удобствами во дворе, как нашел-таки одно уцелевшее помещение с крохотным душем.

Что ж, душ ему тоже не помешает. Но это позже, а сначала кофе.

Ксандер направился вниз, в очередной раз удивляясь тому, зачем одному человеку такой огромный домина. И замер у двери в библиотеку. Впервые за все время он ощутил подлинную зависть.

Полки вишневого дерева мягко мерцали в свете лампы. Только подумать, как бы он мог распорядиться всем этим пространством!

Ксандер сделал еще шаг в сторону кухни, и до него тут же донесся запах кофе.

Наоми сидела на одном из четырех стульев, которых не было здесь в прошлый его визит. В одной руке у нее была кружка с кофе, в другой планшет.

— Угощайся, — кивнула она.

Ксандер выбрал кружку побольше и тоже налил себе кофе.

— Я все пытаюсь решить, — заметила Наоми, — угостить ли тебя кашей (мой обычный завтрак) или опробовать новую сковородку для омлета.

— Могу я проголосовать?

— Я, кажется, догадываюсь, за что ты отдашь свой голос. На твое счастье, мне действительно хочется проверить сковородку в деле.

— Давай так: ты в ней приготовишь, а я ее помою.

— Что ж, это честно.

Открыв холодильник, Наоми принялась вынимать оттуда кучу продуктов: яйца, сыр, бекон, сладкий перец и маленькие помидорки.

Потягивая свой кофе, Ксандер наблюдал за тем, как она режет это, натирает и взбалтывает.

— Почему ты называешь это сковородой для омлета?

— Она неглубокая, с отлогими боками.

Наоми залила яйцами предварительно потушенные перец и помидоры, выложила сверху кусочки бекона и засыпала все потертым сыром.

— Давно я не готовила настоящий омлет, — сказала она, пробуя готовое блюдо. — Хлеб вон в том ящичке. Кинь в тостер пару кусочков.

Выложив на тарелки блюдо, она добавила немного паприки.

— Я так и не обзавелась столом, — заметила Наоми.

— Мы могли бы устроиться на террасе.

— Хорошая мысль. Бери посуду, а я принесу кофе.

Диван-качалка пришелся как нельзя кстати. Устроившись поудобней, Наоми и Ксандер приступили к завтраку. Пес растянулся у их ног, а сами

они наблюдали за тем, как звезды понемногу гаснут и над водой загорается новый рассвет.

— Здесь ты обычно ешь свою кашу.

— Пожалуй, я буду завтракать тут даже после того, как куплю на кухню стол. Еще мне понадобится парочка стульев...

— Что тебе нужно, так это книги. В библиотеке совсем пусто.

— Я собираюсь послать за своими. Их у меня, конечно, не так много, как у тебя, зато будет стимул покупать новые.

— Ты все еще заинтересована в том, чтобы сфотографировать мою книжную стенку?

— Пожалуй. — Сказано это было без особой уверенности.

— А что у тебя в планах на завтра?

— Почему тебя это интересует?

Всегда настороже, подумал Ксандер.

— Ты могла бы сделать завтра эти снимки. А раз уж ты все равно будешь со своей камерой, можно сделать фото и для CD.

— Даже не знаю... Где вы репетируете?

— В гараже, в одном из задних боксов.

— Что ж, можно попробовать.

— Или завтра для тебя слишком рано?

— Да нет. По крайней мере, я могла бы для начала присмотреться.

— Вот и прекрасно. Спасибо за завтрак — давно я не ел такого омлета.

Пойду помою посуду.

Это не заняло у него много времени, так что вполне можно было подумать...

— А тот душ наверху, он работает?

— Более-менее, — помахала она рукой.

— Не возражаешь, если я загляну туда перед работой?

— Нет, конечно.

— Чудесно, — он рывком привлек к себе Наоми. — Не откажешься составить мне компанию.

Она-то планировала как следует поработать с утра. Съездить к Сесилу — ради фотографий, а заодно и стол присмотреть.

Но руки Ксандера уже были у нее под рубашкой, а его пальцы...

— Пожалуй, я тоже не откажусь от душа.

Если бы не помутнение разума — результат сексуальных игр под душем, — Наоми ни за что не согласилась бы встретиться с Ксандером за пиццей.

Это вовсе не свидание, заверила она себя... и тут же решила пуститься во все тяжкие и надеть вместо черных леггинсов зеленые.

Если бы не это помешательство, она наверняка нашла бы отговорку. По крайней мере, предложила бы привезти пиццу к себе домой.

Ее территория. Здесь она чувствовала себя гораздо уверенней.

— А завтра я отправлюсь к нему на квартиру, — пожаловалась она псу. — Не просто так, а поработать. Но это целых три дня встреч!

Схватив ключи и бумажник, она направилась вниз. Пес радостно запрыгал следом.

Наоми остановилась.

— Тебе со мной нельзя.

До этого момента она и не думала, что собака может выглядеть шокированной.

— Прости, но в противном случае тебе придется все это время просидеть в машине. Не очень-то честно. К тому же ты мой козырь — на случай, если Ксандер предложит что-то типа кино или поездки к нему домой. И я скоро вернусь. Час, от силы два. Тебе не придется долго ждать.

Пес уныло побрел наверх, бросая на нее скорбные взгляды.

— Можно подумать, что я заперла его в кладовке, а сама отправилась на танцы, — пробормотала Наоми.

И всю дорогу до города мучилась чувством вины.

* * *

Натягивая чистую рубашку, Ксандер размышлял о том, что успевает как раз вовремя. Он пригласил Наоми на пиццу, следуя внутреннему порыву. Они и так запоздали со свиданием, а пицца была прекрасным поводом познакомиться поближе. Разумеется, он будет на связи — но все звонки пойдут на сотовый телефон. Если повезет, они снова окажутся сегодня в постели. И никто не потревожит его при этом просьбой поменять шину или починить мотор.

Он распахнул дверь и замер. На пороге стоял Чип. Здоровенная рука была поднята — чтобы постучать. Или ударить?

— Привет, Чип.

— Привет, Ксандер. Уходишь?

— Да, но у меня есть свободная минутка. Зайдешь?

— Да нет, поговорим по дороге.

Чип в раскачку зашагал вниз по ступенькам. Крупный парень — звезда школьной футбольной команды, — двигался он весьма неуклюже, если не считать тех случаев, когда находился на борту лодки. Тут он в момент обретал грацию Барышникова.

По Марле он сох еще со школьных лет и в конце концов завоевал ее расположение.

Завоевал он ее тем, что отлупил бывшего ее приятеля, который сам поколачивал Марлу.

Это был далеко не последний парень, которому досталось от Чипа из-за Марлы. И Ксандеру, если честно, не хотелось быть следующим.

— Я, это... хотел извиниться. Мне тут рассказали, как Марла вела себя вчера вечером. Мне очень жаль.

— Ерунда, не переживай.

— Она все еще равнодушна к тебе.

Ксандер слегка напрягся.

— Чип, ты же знаешь, между нами ничего не было с самой школы.

— Я знаю, знаю. Патти, та утверждает, что это не так, но я-то знаю лучше.

— Ну и ладно.

— Знаешь, я хотел извиниться перед той женщиной... Наоми, так ее зовут? Но мы незнакомы. Если я заявлюсь к ней домой, она может напугаться, сам понимаешь.

— Чип, ты не должен ни перед кем извиняться. Это не твоя забота.

— Но мне ужасно неловко. Ладно. — Он на секунду замялся. — Ты, случаем, не знаешь, где она?

— Кто, Наоми?

— Нет, не Наоми. Марла.

— Понятия не имею.

— Дома ее нет, телефон не отвечает. Патти сказала, Марла рассердилась на нее прошлым вечером, потому что она пыталась пристыдить ее. Марла одна выскочила из бара... и она была хорошо подвыпивши.

— Она была за рулем?

— Нет, судя по всему. Да там идти совсем рядом. На работу она сегодня не вышла, они там все на нее сердиты.

Униженная, с похмелья, злая на весь мир. Лежит скорее всего дома, натянув на голову одеяло.

— Печально, но что тут поделаешь?

— Если вдруг увидишь ее, позвони мне, ладно? Так я буду знать, что она просто в плохом настроении.

— Договорились.

— И если увидишь ту женщину... Наоми... скажи, что я прошу у нее прощения за беспокойство.

— Конечно, Чип. Да не переживай ты так.

Улыбнувшись на прощание, Чип забрался в свой грузовик и уехал.

Поскольку время поджимало, Ксандер тоже решил добираться до пиццерии на машине.

Наоми уже сидела в кафе, просматривая меню.

— Прости, — сказал Ксандер, усаживаясь напротив, — меня задержали прямо перед выходом.

— Все в порядке. Я просто размышляла, поместится ли во мне каламари.

— Мы разделим его пополам. Тогда поместится. Привет, Макси.

Молоденькая официантка с белокурыми волосами достала свой блокнот.

— Привет, Ксандер. Привет, — обратилась она к Наоми. — Что будете пить?

— Бокал кьянти и стакан воды, пожалуйста.

— Ксандер?

— Мне пиво. Послушай, — сказал Ксандер, когда Макси ушла за напитками, — если к тебе вдруг заявится большой, неуклюжий парень...

— Что еще за парень?

— Его зовут Чип. Это бывший муж Марлы. Я только что разговаривал с ним...

Наоми мгновенно выпрямилась.

— Если он злится из-за вчерашнего, ему стоит высказать претензии тому, кто все затеял.

— Дело не в этом, — покачал головой Ксандер. — Чип — славный парень. Он пришел, чтобы извиниться передо мной. Хотел и перед тобой извиниться, но побоялся, что напугает.

— Он же ни в чем не виноват!

— Тем не менее. Я сказал, что передам тебе его извинения.

Макси принесла напитки и взяла у них заказ.

— Я слышал, ты встретила с Лу.

— В самом деле?

— Вчера вечером в баре.

— А-а, брюнетка за барной стойкой.
— Ты ей понравилась.
— Seriously? Мы же говорили от силы пару минут.
— Лу неплохо разбирается в людях.
— Она упомянула, что ее бывший работал садовником в моем доме. В то время, когда там был пансион.

— Ну да, он все время баловался травкой. Но это давняя история. Между прочим, если решишь привести в порядок свой двор, я могу свести тебя с Лело.

— Парень из твоей группы?

— Его семья держит большую теплицу. Лело прекрасно разбирается во всем, что касается садоводства.

— Возможно. Поначалу я хотела разобраться со всем сама, но до сих пор мне удалось посадить лишь несколько травок да специй. Думаю, что помощь мне не помешает.

— Давай так, ты делаешь снимки группы, а я помогаю тебе с работой по саду.

— Хорошее предложение. Но я пока не знаю, как пройдет фотосессия.

— Может, заедем ко мне? Посмотришь на гараж.

— Извини, но мне надо пораньше вернуться домой, а то Тэг совсем затоскует.

— Десять минут не сделают тут никакой разницы. А ты получишь представление о том, где будешь работать.

Пожалуй, подумала Наоми. Задерживаться она не станет — пес по-прежнему остается ее козырной картой.

Когда они подъехали к гаражу, на улице один за другим начали загораться фонари.

Щелкнув замком, Ксандер распахнул дверь в главный бокс.

Помещение оказалось на редкость просторным. Здесь пахло машинным маслом, следы которого виднелись на полу. Наоми окинула взглядом всевозможные механизмы: компрессоры, гидравлические устройства, ярко-оранжевый подъемник, два огромных ящика с инструментами — один черный, а второй красный.

Да, из этого получатся неплохие декорации.

— Еще мне понадобится здесь твой мотоцикл.

— Для съемки?

— Да. Он тоже будет не лишним.

Но гараж был большим. Не исключено, что тут есть и другие варианты.

- А что в соседнем боксе?
- Любовь всей моей жизни.
- Серьезно?
- Угу. Хочешь взглянуть?
- Конечно.

Они вышли, и Ксандер открыл вторую дверь. Включил свет.

Наоми ахнула.

- У тебя есть «ГТО» шестьдесят седьмого года? С откидным верхом?

На несколько секунд Ксандер замер в почтительном молчании.

— Думаю, теперь мне придется на тебе жениться. Если не считать Лу, ты единственная женщина, которой сразу стало ясно, что это такое. Считай, что мы помолвлены.

Наоми потянулась к дверце, бросила на Ксандера вопросительный взгляд:

- Можно?
- Разумеется.

Она открыла дверцу, провела рукой по сиденью.

- Как новенькая.

- Когда ты успела познакомиться с классическими машинами?

— Я знаю лишь некоторые из них. У приятеля Сета и Гарри была неплохая коллекция, и он заказал мне снимки. В то время я ничего не знала о машинах, так что пришлось лезть за сведениями в Интернет. У него тоже был «ГТО» шестьдесят седьмого года, только без откидного верха.

- Хочешь прокатиться?

— Я бы с радостью, — вздохнула Наоми, — но мне действительно пора домой. Пес уже заждался.

Ксандер поспешил воспользоваться моментом.

— Я могу подвезти тебя до твоего дома. Свою машину ты оставишь здесь, я проведу у тебя ночь. Утром ты захватишь свое оборудование, и мы снова вернемся сюда.

Нет-нет, так нельзя. Нельзя спать с ним вторую ночь подряд.

Однако соблазн был велик.

— Ладно, — сказала наконец Наоми, — только при условии, что ты опустишь верх.

— Договорились, — кивнул Ксандер.

Пятнадцать

Еще не так давно Ксандеру проще было улечься в пять утра, чем подняться. Втайне он надеялся, что время это не окончательно кануло в прошлое.

И все же он готов был пожертвовать долей сна, если ранний подъем вознаграждался превосходно испеченными оладьями. Что и говорить, несомненный плюс.

Еще один плюс сидел рядом с ним на диване, потягивая кофе. Как и Ксандер, Наоми смотрела на море, над которым медленно гасли звезды.

— Стало быть, эти стулья ты готовишь для террасы.

— Именно так.

Ксандер окинул взглядом старые пружинные стулья. Даже темнота не скрывала застарелую ржавчину.

— Но почему именно они?

— Они вписываются в тот образ, который я себе создала. К тому же мне удалось выторговать их за полцены. Еще я оставила у Дженни комод и кофейный столик. У Сесила тоже стоит пара вещичек, которые мне сразу приглянулись.

— Ты для него просто золотое дно, Худышка.

— Я оплачу эту мебель теми фотографиями, которые сделала вчера на его складе. Освещение было просто превосходным, а эти облака! Они создали замечательный фон. Я уговорила Сесила встать в открытых дверях, в этом его старом комбинезоне. Он немного поворчал, но позировать ему даже понравилось. И он отдал мне права на снимок — в обмен на распечатку. В общем, неплохая сделка. И я... подожди-ка!

Вскочив, она бросилась в комнату. Ксандер взглянул на пса, пожал плечами и продолжил с удовольствием смаковать оладьи.

Когда Наоми вернулась, в руках у нее были камера и сумка.

— Встань у перил, — распорядилась она.

— Ну нет, я завтракаю. К тому же сейчас слишком темно для съемки.

— Глупости. Ну же, будь другом. Встань у перил и прихвати с собой кружку с кофе. Давай же! Не хочешь упустить этот свет.

— Да где ты видишь свет? — пробормотал Ксандер, послушно устраиваясь у перил.

— Позови пса.

Поскольку Тэг в противном случае мог проявить излишний интерес к

его тарелке с оладьями, Ксандер подозвал пса к себе.

— Пей свой кофе, любуйся на восход. Не обращай на меня внимания. И убери с лица эту гримасу. Как-никак сейчас утро. Ты только что выбрался из постели, которую делил с красивой женщиной.

— Это правда.

— Ну так дай этим чувствам отразиться у тебя на лице.

Почему бы нет, подумал Ксандер. Конечно, было слегка непривычно, поскольку Наоми порхала вокруг со своей камерой. Собака, явно знакомая с этой суетой, прижалась к ноге Ксандера и тоже посматривала в сторону моря.

Лучи солнца, пробившиеся сквозь ночную тьму, окрасили воды залива в нежно-розовый цвет. Края облаков подернулись золотистой дымкой.

Что ж, он будет любоваться на восход и пить превосходный кофе, который Наоми приготовила в навороченной кофемашине.

* * *

Снимки получились просто превосходными. Ксандер был великолепен. Практически силуэт на фоне восхода. Высокий, красивый мужчина, слегка встрепанный после сна, с верным псом у ног. И оба они смотрят, как над миром пробуждается новый день.

— Чудесно. Просто здорово. Я закончила.

Ксандер оглянулся, и Наоми, не удержавшись, снова вскинула камеру.

— Теперь точно все.

— Вот и хорошо. — Он вновь принялся за свои оладьи.

Наоми присела рядом, принялась разглядывать снимки.

— Дай-ка посмотреть, — протянул руку Ксандер.

Камеру она не отдала, только повернула так, чтобы он смог разглядеть фотографии.

Даже удивительно, как ей удалось использовать весь этот скудный утренний свет! Никакой размытости, одни четкие линии. И чудесная игра лучей на поверхности воды.

— Сразу видно, что ты мастер своего дела.

— Это так.

— Что ты собираешься делать с этими фотографиями?

Продолжая просматривать снимки, она то приближала, то уменьшала детали.

— Мне нужно как следует изучить их на своем компьютере. Что-то я

оставлю для стоковых фотографий, что-то могу обработать и отправить в галерею. Вот увидишь, в скором времени ты окажешься на обложке какого-нибудь романа.

— О чем это ты?

— Я знаю, что хорошо продается на иллюстрации. Так что не удивляйся, если рано или поздно попадешь в собственную коллекцию книг.

— Собираешься заняться этим сегодня утром?

— Да. Займусь последними снимками. — Теперь Наоми изучала голову собаки.

— Хорошо. Тогда я поработаю во дворе.

— Во дворе? — повернулась она к Ксандеру. — Это здесь, у меня?

— Да нет, я собирался поехать тут по округе и подыскать подходящий дворик... Разумеется, у тебя.

— Но ты вовсе не обязан тратить на это время.

— Все равно я уже на ногах. К тому же мне нравится копать в саду.

— И это говорит мужчина, у которого даже нет собственного сада.

— Тут ты права. Но я помогаю время от времени Кевину и Дженни. И Лу, если она попросит. — К огорчению Тэга, Ксандер опустошил всю тарелку с оладьями. — Где у тебя инструменты?

— У меня есть лопата, вилы, садовые ножницы и... кажется, грабли.

Какое-то время он молча смотрел на нее.

— Ты собиралась привести в порядок свой двор с помощью вил и лопаты?

— Ну да. Нужно что-то еще?

— Тебе потребуются тачка, секатор, мотыга, не говоря уже о хороших граблях...

— Мне надо будет внести это в список покупок.

— Ладно, начнем с того, что есть, а там посмотрим.

* * *

Поскольку ей хотелось как следует поработать, Наоми устроилась в своей временной студии. Пусть Ксандер поиграется во дворе, подумала она. Беда лишь в том, что очень скоро он устанет от этой нудной работы и начнет отвлекать от дел саму Наоми.

Будет подмывать ее заняться сексом, съездить в город или потратить время на что-то еще. На что-то, чего не было в ее утренних планах.

Вначале она открыла вкладку со снимками, сделанными в амбаре у

Сесила. Ей хотелось детально проработать их, чтобы отправить потом в свой архив. Но фотографии этого утра по-прежнему занимали все мысли, и Наоми решила рассмотреть их на большом экране.

Начала она с последнего снимка — того самого, что был сделан ею под влиянием импульса, в момент, когда Ксандер стоял вполоборота. Выглядел он потрясающе — ничего лощеного или холеного. Взъерошенные волосы, на лице — полуулыбка. Олицетворение мужской силы.

Да, такое фото будет продаваться годами. Она не удивится, если уже в ближайшую неделю разойдется с десятков экземпляров. Мистер Икс — так она назовет его. Ради забавы, а еще, чтобы придать всему немного таинственности.

Разобравшись с этим снимком, Наоми занялась следующими. Очень скоро она потеряла всякое представление о времени. Она увеличивала и уменьшала, выделяла одни детали и затеняла другие.

Наконец, удовлетворенно вздохнув, она встала и размяла затекшие плечи. Не далее как накануне она обещала себе, что будет хотя бы полчаса в день заниматься йогой — чтобы совсем не одеревенеть.

«Вот завтра и начну».

Интересно, как там Ксандер? Надо бы предложить ему выпить чего-нибудь холодного, а заодно покормить пса — Тэг тоже предпочел отправиться с Ксандером во двор.

Спустившись вниз, Наоми распахнула входную дверь.

Ксандера она увидела сразу — размахнувшись, тот швырнул палку ошалевшему от счастья псу. Огромная куча таких веток и прочего мусора лежала в садовой тележке. Большой участок лужайки был полностью вычищен от сорняков и колючих кустов.

В стороне она заметила горку камней, цепную пилу, топор, мотыгу и расстеленный брезент, на который сгребли сухие листья и сосновые иглы.

— Вот это да! — вырвалось у нее, и Ксандер тут же взглянул в ее сторону.

— Привет! Неплохо для начала, правда?

— Для начала? Откуда все это взялось?

— Мусор — твоя собственность. Что касается инструментов, то мы с Тэгом смотались в город и купили все необходимое. Чек я оставил в кухне на столе. В холодильнике найдешь половинку бургера. Второй мы успели съесть.

Наоми осторожно спустилась по ступеням во двор.

— Не ожидала, что ты так много успеешь.

— Мне это даже в удовольствие. На твоём месте, кстати, я бы

избавился от этих нелепых кустов, — вынув из кармана платок, он вытер взмокшее от пота лицо. — Если хочешь, Лело выкорчует их...

— Я что, купила цепную пилу?

— Нет, это моя. Тут она пригодится лишь на первое время. Вообще неплохо бы определиться с тем, что ты устроишь перед домом, когда отсюда заберут этот ящик для мусора. Лично я посадил бы здесь какое-нибудь дерево.

— Неплохая идея. Мне кажется, вишня будет тут неплохо смотреться.

— Пожалуй. — Он стащил с рук толстые рабочие перчатки.

— Ксандер, сколько времени ты... который сейчас час? — Она покопалась в карманах в поисках телефона, но так и не обнаружила его.

Ксандер вытащил свой телефон.

— Уже час.

— Дня?

— Да уж конечно, не утра, — рассмеявшись, он поцеловал Наоми.

— Ксандер, но ты же... ты проработал столько времени! Спасибо тебе большое.

— Рад, что тебе понравилось. Ладно, мне надо принять душ и переодеться. Потом мы можем ехать в город. Разумеется, если ты все еще хочешь сфотографировать мои книги.

— Хочу, — шагнув поближе, она провела пальцем по его обнаженной груди. — Ты весь мокрый. Вспотевший и запыленный.

Поскольку тон ее явно намекал на продолжение, Ксандер притянул Наоми к себе.

— Теперь и ты не чище меня.

— Пожалуй, нам обоим не помешает душ.

* * *

После общего с Ксандером душа Наоми чувствовала легкое головокружение, и это заставило ее с особой тщательностью паковать свое снаряжение. Она собрала сумку, чемоданчик, взяла штатив, светорассеиватель, держатель для вспышки.

В комнату, излучая еле уловимый аромат мыла, вошел Ксандер.

— Это все твое?

— Лучше взять все сразу, иначе окажется потом, что забыл как раз то, что нужно для снимка.

Она взялась за рюкзак.

— Я сам понесу. Господи, у тебя что здесь, кирпичи? — закинув за спину ношу, Ксандер подхватил штатив и держатель, зашагал к выходу.

Наоми взяла остальное. В этот момент Тэг разразился грозным лаем.

— Чья-то машина, — заметил Ксандер. — Пойду посмотрю. Полегче, дружок. — Приструнив собаку, он распахнул входную дверь.

Сразу за его грузовиком припарковалась патрульная машина. За рулем сидел начальник полиции.

— Успокойся, — обратился он к псу, — это хороший парень.

Спустившись по ступенькам, он понес к машине фотооборудование.

— Привет, — окликнул он начальника полиции.

— Привет, Ксандер. Это и есть тот бродяжка, о котором мне столько рассказывали.

— Да, это Тэг.

— Привет, Тэг.

Сэм Уинстон, начальник полиции, был мужчиной крепкого телосложения, с гладким, загоревшим лицом. Он присел на корточки, чтобы поприветствовать собаку.

Тэг, нервно озираясь, подкрался поближе, чтобы понюхать.

— Выглядит неплохо.

— Да уж, отъелся.

Тэг позволил, чтобы его погладили по голове, и тут же устремился к Наоми, которая как раз появилась в дверях.

— Мэм, — Сэм коснулся козырька кепки, — я Сэм Уинстон, начальник местной полиции.

— Что-то случилось?

— Пока что трудно сказать. В любом случае я собирался заглянуть к вам, познакомиться. Хорошо, что в этом доме снова появились жильцы. Слышал, вы наняли Кевина Баннера, чтобы он привел дом в порядок.

— Верно.

— Рад слышать. Похоже, вы оба куда-то собрались.

— Наоми хочет сделать снимки нашей группы.

— Серьезно? — Сэм одобрительно кивнул. — Что ж, не буду вас задерживать. Я даже рад, что застал вас обоих. Я тут насчет Марлы Рот.

— Если она попытается обвинить меня в нападении, я выдвину встречные обвинения, — заявила Наоми.

— Ничего не могу сказать о ее намерениях, поскольку нам пока не удалось с ней связаться.

— До сих пор? — повернулся к нему Ксандер.

— Судя по всему, никто не видел и не слышал ее с вечера пятницы.

После того, как у вас с ней произошла стычка, мисс Карсон.

— Она могла скрыться на пару деньков, чтобы зализать раны, — предположил Ксандер.

Сэм задумчиво покачался на месте.

— Ее машина стоит у дома, но самой Марлы в доме нет. Этим утром Чип все-таки вломился в заднюю дверь, после чего сразу поспешил ко мне. На работу она не вышла, на звонки тоже не отвечает. Не исключено, что она просто отсиживается где-то после случившегося, но Чип страшно встревожен, и я должен заняться этим делом. Насколько мне известно, мисс Карсон, в эту пятницу Марла затеяла свару у Лу.

Пропала, это еще ничего не значит, мысленно заверила себя Наоми. Пропала, не значит, что она сидит где-то в погребе, в чаще леса. Обычно так отзываются о тех, кто просто решил на время уединиться.

— Мисс Карсон? — окликнул ее Сэм.

— Да, простите. Все верно. Она натолкнулась на меня пару раз. Затем пихнула — тоже пару раз.

— И вы ответили?

— Я не била ее. Просто вывернула руку... чтобы немного охладить ее пыл.

— И что потом?

— Потом я ушла. Я была не в настроении, а потому решила, что лучше мне уехать домой.

— С вами кто-нибудь был?

— Нет, я вернулась одна.

— В какое примерно время?

— В половине одиннадцатого, я так думаю, — Наоми перевела дыхание. — Выпустила погулять собаку, прошлась сама.

— А я приехал сюда около половины первого, — в голосе Ксандера скользнули нотки раздражения. — Собака разбудила нас в пять утра. На работу я отправился где-то в половине восьмого. Может, чуть пораньше. Ради бога, Сэм!

— Ксандер, это моя работа — задавать вопросы. Патти уши всем прожужжала, рассказывая, как мисс Карсон напала на Марлу. Впрочем, она одна и придерживается этой версии, — добавил Сэм, прежде чем Ксандер успел возразить. — Но факт остается фактом: Марла выбежала из бара минут через двадцать после мисс Карсон, причем в дурном настроении. И после этого о ней ни слуху ни духу.

Сэм вновь похлопал пса по голове. Тэг, поняв, что ему нечего опасаться, пристроился поблизости.

— Вы не видели ее, случаем, с кем-нибудь? Возможно, она просто решила отвлечься.

Наоми покачала головой:

— Если женщина расстроена и рассержена, первый человек, к которому она обратится, — ее подруга.

— Они слегка повздорили после того инцидента в баре.

— Не важно. Она бы позвонила Патти, чтобы поругаться. На крайний случай отправила бы ей эсэмэску.

— Мы проверим это. Спасибо, что ответили на мои вопросы. Ладно, не буду вас задерживать.

Стараясь не выдать волнения, Наоми наблюдала за тем, как Сэм усаживается в патрульную машину.

— Он и правда займется этим делом?

— Конечно. Он же начальник полиции.

— А кто-нибудь еще здесь пропадал?

— Лично я об этом не слышал. Эй! — Ксандер потрепал ее по руке. — Марла любит напрашиваться на неприятности. И устраивать их. Такой уж у нее характер. А Сэм просто делает свою работу. Не переживай из-за этого.

Конечно же, он прав. Наверняка Марла подцепила себе какого-нибудь парня, чтобы провести в его компании выходные.

Пропала — еще не значит, изнасилована и убита. В конце концов, такого здесь пока не случалось, напомнила себе Наоми. Она лично проверила статистику, когда собралась покупать этот дом.

Низкий уровень преступности. А уж серьезных преступлений и вовсе раз-два и обчелся. Тихое, безопасное место.

Марла скорее всего объявится прямо сегодня, страшно довольная тем, что поставила на уши всех знакомых, а заодно и местную полицию.

Усаживаясь вслед за Ксандером в машину, Наоми постаралась выбросить из головы все мысли о Марле.

Свет и тень

Там, где много света, тени гуще всего.

Иоганн Вольфганг фон Гёте

Шестнадцать

Поняв, что Наоми всерьез намерена фотографировать у него дома, Ксандер задумался о том, не убрать ли ему с полки книжку Саймона Вэнса. Уж очень ему не хотелось вновь увидеть ее потерянный взгляд.

Но потом он решил, что, убрав ее, он тем самым подчеркнет ее значимость. В конце концов, Наоми знала, что она там. Отсутствие книги волей-неволей наведет ее на размышления.

Ксандер помог ей затащить в квартиру все ее оборудование. Здесь она первым делом достала штатив и принялась устанавливать камеру.

— Могу я поставить ноутбук на один из этих стульев? — спросила Наоми, извлекая из сумки экспонометр.

— Конечно.

Заглянув к ней в сумку, Ксандер увидел линзы, провода, еще какие-то приспособления. Так вот почему эта сумка была такой тяжелой!

Интересно, как она управляет со всем этим оборудованием в одиночку?

Наоми заглянула в объектив камеры, что-то поправила. Установила дополнительное освещение, снова провела настройку.

Ксандер тем временем принес из офиса книжку. Присев за стол, он начал рассеянно пролистывать страницы.

— Есть какая-то система в том, как ты расставляешь свои книжки?

Он вскинул голову.

— А что такое?

— Джейн Остин стоит у тебя рядом со Стивеном Кингом.

— Не думаю, чтобы кто-то из них возражал против такого соседства. Но если тебе не нравится, можешь расставить по-своему.

— Нет-нет, все в порядке. Это просто стена... стена историй. Берешь любую, садишься и читаешь.

Теперь она делала снимок за снимком. Ксандер из любопытства взглянул на экран ноутбука.

Как по волшебству, потертые корешки стали выглядеть не истрепанными, а загадочными и заманчивыми.

Новый снимок выскочил на экран. Ксандер не заметил никакой разницы с предыдущим, но Наоми наверняка увидела, поскольку удовлетворенно пробормотала: «Так-так».

Она сделала еще с дюжину снимков, после чего присела у ноутбука,

просматривая всю подборку фотографий.

— Как это получается, — спросил Ксандер, — что здесь все выглядит лучше, чем в реальности?

— У всех свои секреты.

Наоми вернулась к работе. Ксандер вновь взялся за чтение.

В какой-то момент она опустила камеру и направилась к полкам. Ксандер с любопытством взглянул в ее сторону. Уж не хочет ли она убрать книжку про отца? Но Наоми взяла другую, стоявшую чуть повыше.

— Хочу сфотографировать тебя с Остин. Точнее, твои руки. Сильные мужские руки с романом, который принято считать дамским — Она снова достала экспонометр. — Тем более что свет очень хорош. Но будет еще лучше, если ты сдвинешься вправо на пару дюймов.

Ладно, пусть позабавится, решил он. Дам ей минут пять. Или десять.

— Переверни страницу. Точнее, начни переворачивать... так. Теперь замри...

Выпрямившись, она всмотрелась в изображение на экране. Ксандер, развернувшись, тоже взглянул на снимок. Увиденное его удивило.

— Надо же! Я думал, ты тратишь время на пустяки, а вышло как на рекламе в хорошем журнале.

— Неплохо, но чего-то не хватает. Подожди-ка...

Открыв холодильник, Наоми вытащила оттуда бутылку пива. Взяв открывашку, она быстро сдернула крышечку, после чего, к ужасу Ксандера, вылила в раковину треть содержимого.

— Что? Зачем?

— Крепкие мужские руки, пиво и тут же «Гордость и предубеждение». — Она поставила пиво на столик, поближе к книге.

— Но с какой стати выливать его в раковину?

— Все должно выглядеть так, будто ты пьешь пиво и читаешь Остин.

— Я мог бы выпить его!

— Прости, об этом я не подумала. Возьми в одну руку книжку, а другой потянись к пиву... нет, даже приподними его слегка со столика.

Вылитое не вернешь, сказал себе Ксандер, после чего начал послушно следовать инструкциям. Он то брал пиво, то ставил его на место, то листал страницы, то делал вид, будто читает.

Наконец Наоми опустила камеру.

— Превосходно, просто превосходно. Я уже знаю, как мне лучше пристроить эти снимки. Надо будет сказать Кевину, чтобы он взялся за установку парового душа.

— Ты ставишь у себя паровой душ?

— Определенно, я заслужила это.

Ксандер с любопытством оглядывал ее оборудование.

— Когда мне хочется сделать снимок, я просто беру телефон.

— В современных телефонах очень даже неплохие камеры. Мне самой случалось сделать парочку приличных фотографий. Ну что, спускаемся к тебе в гараж?

Аккуратно сняв камеру, она убрала ее в сумку, после чего взялась за штатив. В этот момент с улицы донесся шум грузовика, чей глушитель явно нуждался в замене.

— Должно быть, Лело, — заметил Ксандер. — Он и его треклятый глушитель.

— Ну, он мог бы отремонтировать его... с помощью друга-механика.

— Я предлагал ему это уже миллион раз. Видимо, придется предложить еще.

* * *

Лело сразу понравился Наоми, притом что обычно она дольше присматривалась к людям. Тэг тоже не остался к нему равнодушен, на что Лело ответил полной взаимностью.

— Хорошая собачка. — Присев на корточки, Лело почесывал псу спину, а тот в ответ признательно лизал его в лицо. — Я слышал, ты нашла его на обочине дороги, совершенно без сил?

— Верно.

— Ну, теперь-то он их поднабрался.

Лело был чуть пониже Наоми, с волосами цвета спелой пшеницы.

— Как тебе твой новый дом?

— Мне там нравится, — сказала Наоми, расставляя в боксе свое оборудование.

— Вот с садом бы ей неплохо помочь, — заметил Ксандер, затаскивая внутрь обе свои гитары.

— Да уж, прежние хозяева почти не обращали на него внимания, — кивнул Лело. — Я мог бы заглянуть к тебе на днях, предложить пару идей, — добавил он, обращаясь к Наоми.

— Свежие мысли мне не помешают.

— Тем более что денег за советы я не беру. Вон идут Дейв и Трилби.

Дейв — барабанщик, припомнила Наоми. Широкие плечи, крепкое телосложение, каштановые волосы острижены совсем коротко. Джинсы,

потертая футболка, высокие коричневые ботинки. Трилби — клавишник — ничуть не походил на приятеля. Темная кожа, большие черные глаза, на голове дреды. Красная футболка плотно облегает мускулистое тело.

— Я тут заглянул на твой сайт, — сообщил Дейв Наоми, расставляя инструменты. — Эффектно. Сам я занимаюсь сайтом нашей группы. Выглядит не так здорово, хотя с технической точки зрения там все отлажено.

Наоми успела заглянуть на их сайт, а потому с готовностью кивнула.

— Сделано все основательно, и меню понятное.

— Я тут подумал, — добавил Дейв, — почему бы нам не использовать кое-что из сегодняшних фотографий? Сайту это явно пойдет на пользу.

— Что ж, у меня есть пара задумок, — одобрительно кивнула Наоми.

Со стороны дороги раздался рев мотоцикла.

— Это Кай, наш гитарист, — сообщил Дейв.

Высокий и темноволосый, Кай производил впечатление человека опасного. Не красавец, но внешность запоминающаяся.

— Привет, — кивнул он Наоми. — Видел, как ты прошлым вечером поставила Марлу на колени. Надо сказать, она это заслужила.

— Пару дней о ней ни слуху ни духу, — вмешался Лело.

— Подцепила в баре какого-нибудь парня и отрывается по полной.

Мало-помалу все инструменты были расставлены. Наоми окинула взглядом помещение. Что ж, у нее и правда была пара задумок.

— Сейчас я сделаю несколько простеньких снимков, чтобы все успели втянуться в работу. Вы играйте, как делаете это обычно на сцене.

Отлаженным жестом она достала камеру, сменила линзы, проверила свет.

— Может, «Аэросмит»? — предложил Ксандер, и они заиграли.

Несколько простых, базовых снимков, мысленно сказала себе Наоми. Она фотографировала то всю группу, то каждого в отдельности, пытаясь передать всю полноту движений.

С последними звуками песни она опустила камеру.

— Хорошо. А теперь я хочу взглянуть, что там у вас в запасе из одежды.

Порывшись в их вещах, она вздохнула. Мужчинам стоило бы проявить больше творческой сметки.

— Наверняка у вас в машинах есть еще кое-что.

Лело тут же притащил старую армейскую куртку. Наоми кинула ее Дейву:

— Надевай.

— Ты серьезно?

— Поверь, так надо. — Она вытащила белую футболку. — Ты ведь уже носил ее? — спросила она у Ксандера.

— Да.

— Прекрасно.

Подойдя к лужице машинного масла, она уронила в нее футболку, потерла ее ногой.

— Так-то лучше. В пятнах и пахнет маслом.

— Ты хочешь, чтобы я снимался в футболке, от которой воняет машинным маслом?

— Именно. Давай же, надевай. Трилби, это у тебя новая рубашка?

— Вроде того.

— Очень жаль, но мне придется порвать ее.

— Зачем?

— Ты классно сложен, и я хочу показать это на снимке. Ксандер, мне нужна цепь, не слишком тяжелая. — Она бросила взгляд на Кая.

— Хочешь заковать меня? — усмехнулся тот.

— Именно этим вопросом будут задаваться женщины, глядя на фотографии.

— И что за снимки у нас получатся? — спросил Трилби, глядя на порванную рубашку.

— Сам увидишь. Если не понравятся, ограничимся теми, которые я уже сделала. Так, еще мне нужен здесь вон тот компрессор. И куча старых шин. Их можно свалить где-нибудь рядом. Давайте, тащите все сюда.

— Не понимаю я этого, — пробормотал Дейв, отряхивая рукав армейской куртки.

— А мне ее задумка нравится. — Лело потрепал Тэга по голове. — Мы же гаражная группа, ребята. Мы с вами в гараже. Так почему бы не использовать это?

* * *

Гаражный бокс превратился на время в сборище запчастей и музыкальных инструментов. Единственным человеком, который получал от этого удовольствие — не считая, конечно, Наоми, — был Лело. Он сидел на полу с довольной улыбкой, придерживая рукой бас-гитару. Оба его ботинка стояли рядом.

Дейв, повернувшись к Ксандеру, прошептал:

— Во что ты нас втянул?

— Понятия не имею.

— Да пусть она делает свое дело, — пожал плечами Кай.

Наоми тем временем в очередной раз сменила объектив.

— Тэг, это не твое! — шикнула она на пса, который подкрался к ботинкам Лело. — Ну вот, смотрите прямо в камеру.

Стоило бы влить в них заранее пару бутылок пива, подумала она, глядя на их напряженные лица. Ну ничего, и так сработает. Краешком глаза она заметила пса — тот снова нацелился на ботинки. На этот раз Тэг тоже попал в кадр.

— А что, он тоже мог бы быть участником группы! — хохотнул Лело, прижимая к себе пса.

Сделав еще пару снимков, Наоми довольно кивнула:

— Ну вот и все, джентльмены.

— Уже? — озадаченно моргнул Дейв.

— Готовится она обычно в два раза дольше, чем снимает, — пояснил Ксандер.

— Ладно, давайте посмотрим, что у нас получилось. — Наоми повернула ноутбук, чтобы всем было видно.

— Смотрите-ка, вот классный снимок! — воскликнул Дейв.

Наоми начала просмотр с самых первых, базовых кадров.

— Неплохо вышло, — кивнула она.

— Неплохо? Да это просто здорово! Как тебе, Трилби?

Тот одобрительно кивнул, разглядывая снимки из-за плеча Дейва.

— Мы могли бы использовать кое-что у нас на сайте, — заметил Кай, убирая подальше цепь.

Дождавшись, когда восторги утихнут, Наоми вывела на экран вторую порцию снимков.

— Говорил я вам! — Лело, не сдержавшись, пихнул Дейва в плечо.

— Мы... мы тут выглядим...

— Круче некуда! — Лело снова подтолкнул приятеля.

— Я-то думал, это чистой воды глупость. — Дейв бросил взгляд на Наоми. — Приношу свои извинения.

— Все в порядке. Ну как, не жаль больше разорванной рубашки? — спросила она у Трилби.

— Ничуть. Даже не ожидал, что выйдет так здорово.

— Вот вам настоящий талант. — Кай одобрительно кивнул в сторону экрана.

Через какое-то время слайдшоу началось по новой.

— Не хочешь немного вина? — поинтересовался Ксандер у Наоми.
— Разве что стаканчик. Потом я займусь индивидуальными снимками.
Он потянул ее за собой из бокса.
— Останься сегодня у меня.
— Мне и правда нужно домой. Хочу еще немного поработать...
Наклонившись, он поцеловал ее. Долго и жарко.
— Все равно оставайся.
— Я... — Она с трудом перевела дыхание. — У меня нет с собой никаких вещей. И Тэгу нужен корм...
Ксандер вновь поцеловал ее.
— Поедем со мной, — предложила Наоми. — Когда все закончится, поедем ко мне.

* * *

Так он и сделал. А в разгар ночи, когда Наоми заметалась во сне, мучимая каким-то кошмаром, он сделал то, чего еще не делал прежде, — прижал ее к себе и принялся укачивать как ребенка.

* * *

Пока Ксандер оберегал Наоми от ночного кошмара, Марла переживала его наяву.

Она не знала, сколько времени провела в темноте.

Похититель, кем бы он ни был, мучил ее. И нашептывал, что в следующий раз будет еще хуже. Так оно и получалось.

Марле хотелось кричать, но он накрепко заклеил скотчем рот. Иногда он накидывал ей на лицо тряпку, и Марла, вдохнув этот тошнотворный запах, теряла сознание.

Очнувшись, она обнаруживала себя все в том же темном месте. Ее насиловали снова и снова. А еще били, даже если она не сопротивлялась насилию. Иногда душили, так что легкие у нее буквально взрывались огнем.

Она не помнила, что с ней случилось. Помнила только, что шла домой, ужасно злая на весь мир. Рядом притормозила большая машина. Потом были удар по голове и эта вонючая тряпка на лице, от которой она тут же отключилась.

Ей хотелось домой. Больше всего на свете ей хотелось домой, к Чипу. При мысли об этом слезы вновь потекли из ее опухших глаз.

Тут она услышала шаги. Ее мучитель возвращался. Марла заметалась, попыталась крикнуть, хоть и знала, что все бесполезно.

«Кто-нибудь, пожалуйста, помогите мне!»

Он с размаху ударил ее по щеке.

— Посмотрим, осталось ли в тебе запала хоть на одну ночь.

И все повторилось по новой.

А потом он взял веревку и принялся душить ее. Только на этот раз он не остановился, когда Марла потеряла сознание. На этот раз он прикончил ее, избавив тем самым от кошмара.

И пока он насиловал и душил, он все время называл ее Наоми.

Семнадцать

Пришла пора весенних ливней. С дождями Наоми получила мокрого пса, грязную обувь и целую серию впечатляющих фото.

Весь дождливый понедельник и утро такого же вторника она провела в самодельной студии, обрабатывая снимки, сделанные в эти выходные.

И все это время она чувствовала себя счастливой. Не просто довольной или удовлетворенной — именно счастливой. Ее радовало все: дом, обретавший понемногу жилой вид, работа, продвигавшаяся семимильными шагами. И пес, которого она привыкла считать своим.

Что уж говорить про отношения с Ксандером? Ему удалось целиком и полностью завладеть ее вниманием, что для Наоми было большой редкостью.

Распечатав очередной снимок, она прислонила его к стене и отошла на пару шагов, чтобы как следует рассмотреть. И почти сразу услышала стук в дверь.

— Прошу прощения, — шагнул в комнату Кевин.

— Все в порядке. Я как раз хотела устроить перерыв.

— Вот и прекрасно, а то там Лело пришел. Сказал, что хочет взглянуть на двор, прикинуть, что и как.

— Да, я спрашивала, не будет ли у него свежих идей. Но ведь на улице сейчас проливной дождь.

— Это Лело, — пожал плечами Кевин. — Мне бы тоже хотелось обсудить с тобой пару вопросов. Это насчет прачечной и твоей студии.

— Давай так, я поговорю с Лело, а потом найду тебя.

Кевин зашагал в сторону комнаты, а пес зашепшил по лестнице вслед за Наоми. На полпути он остановился, понюхал воздух... а затем, будто на крыльях, слетел вниз.

Наоми услышала довольный смех Лело.

— Привет, парень! Как поживаешь?

Увидев Наоми, Лело приветственно махнул рукой.

— На улице льет, работать нельзя. Вот я и решил заглянуть к вам.

— Чтобы побродить под дождем у меня во дворе?

— Дождь есть дождь.

— Подожди, я возьму куртку.

— Ладно, — расплылся в улыбке Лело. — Не возражаешь, если я прихватю Тэга с собой?

— Да ради бога.

Наоми натянула куртку, вместо кроссовок надела ботинки. Когда она вышла во двор, Лело швырял теннисный мячик промокнутому, но безумно счастливому псу.

— Давай с самого начала, — сказал он. — Надеюсь, ты не слишком в восторге от этих елок? Поскольку их точно надо убрать.

— Не в восторге.

— Прекрасно. Что бы ты хотела здесь видеть?

— Я думала, что-нибудь декоративное вроде вишни.

— Так, так. — Лело на мгновение призадумался. — Неплохая мысль. Видела когда-нибудь багряник?

— Не уверена.

— Не красный, а цвета лаванды. Потрясающий цвет, причем весьма необычный. И листья в форме сердечек.

— В форме сердечек. Лавандовый.

— Возможно, тебе захочется взглянуть на него.

— Пожалуй.

— А еще ирга. У нее белые цветы, и она плодоносит. Небольшие фиолетовые плоды, их можно даже есть. Этот кустарник привлекает певчих птиц.

Он все сыпал и сыпал странными названиями, создавая картину чего-то необычного, но очень милого.

— Я-то собиралась посадить здесь дерево да парочку кустов. Ну и организовать несколько клумб с цветами.

— Ты вполне можешь ограничиться этим. Думаю, получится весьма неплохой вид.

— Возможно, но ты заинтриговал меня своими загадочными растениями, деревьями с сердцевидными лепестками.

— Я мог бы сделать для тебя набросок, чтобы ты лучше понимала, о чем идет речь.

— Договорились.

— Может, посмотрим теперь на задний дворик? — Не обращая внимания на дождь, он зашагал вперед.

Тэг и Наоми последовали за ним.

— Тенистое местечко, — продолжил Лело, осматривая площадку. — Тут можно повесить гамак, поставить пару скамеек. А если сделать дорожку и вымостить ее плиткой, ты и вовсе сможешь ходить вокруг дома босиком.

Он окинул критическим взглядом террасу, ведущую на кухню, и узкую

полоску земли перед каменной стеной.

— Здесь хорошо приживутся нарциссы, а вон там имеет смысл посадить папоротник. Получится ощущение лесной полянки. И кусты вдоль стены — только пониже, чтобы не закрыть этот вид.

— Признаться, я хотела посадить здесь кое-что из трав и овощей. Места тут немного, но на маленький огородик хватит.

— Пожалуй, — кивнув, он поднялся по ступеням на террасу. — Далековато от кухни, но почему бы и нет? Впрочем, ты можешь посадить все это прямо на террасе, в деревянных контейнерах, благо место позволяет. Пристроим тут специи, помидоры «черри», красный перец... Да и содержать контейнеры проще, чем гряды.

Что ж, подумала Наоми, это еще удобнее.

— Ты хорошо разбираешься в своем деле, Лело.

— Я в нашем бизнесе с шести лет.

— Можешь сделать набросок сада, с расценками по каждой части?

— Ясное дело. Я вот еще что подумал... Не могла бы сделать снимки сада — до того, как мы приступим к работе, потом во время и в самом конце? Мы могли бы использовать их в рекламе. А ты таким образом снизишь для себя себестоимость работ.

— Хорошая мысль.

Все равно она собиралась делать эти снимки. Ей хотелось запечатлеть процесс изменений в доме и вокруг него — для себя, для Мейсона и для дядюшек.

— Ладно, мне пора. Ксандер достал меня уже с этим глушителем. Придется, видно, заехать к нему и поменять. Я загляну к тебе, как только подготовлю бумаги по саду.

— Спасибо, Лело.

— Да не за что. До встречи. — Он кивнул Наоми, потрепал по голове пса и зашагал к своей машине.

* * *

Пристроившись под автомобилем, Ксандер менял тормозные колодки, которые следовало заменить еще десять тысяч миль назад. Некоторые люди просто не думают о подобных вещах.

На стоянке его поджидали еще два автомобиля, попавшие в аварию прошлой ночью. Водители отделались ушибами и синяками, а вот машинам досталось. Как только страховые компании закончат свои разборки,

Ксандеру будет чем заняться.

Словом, работы было по горло. Позже вечером он собирался встретиться в баре с Лу. А перед сном неплохо бы урвать часок-другой на чтение и просмотр спортивных каналов.

С улицы донеслось знакомое дребезжание — наверняка это Лело с его паршивым глушителем.

— Убирайся! — проорал ему Ксандер. — Твоя колымага распугает мне всех клиентов.

— Остынь, парень. Я привез тебе подработку. И половину сэндвича «дьябло».

— «Дьябло»? — Ксандер на мгновение оторвался от работы.

— Да. Я тут заезжал к твоей подружке. В старый дом Паркерсонов. Похоже, там все скоро поменяется. Ну как, половина сэндвича за банку пива?

— Подожди минуту. — Ксандер вернулся к колодкам. — Ты что, ездил посмотреть на двор?

— Именно. Я мечтал об этой работе еще с тех пор, как там был пансион. Отец умрет от счастья, когда узнает, что нас наняли.

Закончив с тормозами, Ксандер подошел к автомату и кинул туда несколько монет. Забрав пиво и имбирный эль, он присел на скамейку рядом с Лело.

Запивая сэндвич ледяным элем, Ксандер разглядывал машину Лело.

— Ты все-таки решил поменять свой древний глушитель?

— Ну да. Если это затянется, я могу оставить машину у тебя.

— Не нужно. Я купил глушитель еще месяц назад — все ждал, когда ты поумнееешь.

— По дороге из города меня тормознул начальник полиции. Отпустил лишь после того, как я клятвенно пообещал заехать к тебе и поменять глушилку.

— Похоже, это единственное, что могло привести тебя в чувство.

— Знаешь, мне будет не хватать этого шума.

— Разве что тебе, — усмехнулся Ксандер.

— Сэм сказал, что они так и не нашли Марлу.

Ксандер замер с банкой эля в руках.

— Она что, так и не объявилась?

— Нет. Никто не видел ее с вечера пятницы. Такое чувство, что она просто исчезла.

— Люди просто так не исчезают.

— Я знаю. Ходят слухи, что ее могли похитить. Копы сейчас

опрашивают народ, пытаются выяснить хоть что-то — Лело вздохнул. — Не нравится мне все это.

Ксандеру это тоже не нравилось.

До дома Марла вполне могла добраться за пять минут. А если учесть, в какой ярости она выскочила из бара, то и за три. Может, кто-то ехал мимо, предложил подвезти ее?

Если до дома всего пять минут, зачем забираться в машину к незнакомцу?

Почему обязательно к незнакомцу? В городе и окрестностях проживало около двух тысяч человек. Разве можно понять, кто из них кто?

Даже у людей, с которыми ты знаком, есть свои секреты. Не он ли обнаружил черные кружевные трусики в машине Рика Графта, превосходного семьянина и счастливого отца троих детей? Ксандер видел жену Рика и понимал, что в такие трусики ей никогда не влезть.

Даже долго общаясь с человеком, ты, по сути, ничего о нем не знал.

В одном только Ксандер был уверен — Марла не стала бы дуться в одиночестве четыре дня подряд.

И он очень боялся, что, когда ее все-таки найдут, будет уже слишком поздно.

Восемнадцать

Хорошо, когда есть кого попросить о помощи. Ксандер и Кевин вынесли к машине коробки с распечатанными фотографиями, которые Наоми надеялась продать в городке.

Сама она ограничилась фотокамерой.

— Собираешься поработать? — спросил Ксандер.

— Да. Похожу тут часок-другой, прежде чем ехать в город.

— И куда ты идешь?

Увидев ее удивленный взгляд, он тут же добавил:

— Просто спрашиваю.

— Поброжу по берегу под обрывом. Утро сегодня замечательное, так что в заливе наверняка будут лодки.

— Что ж, удачи, — поцеловав Наоми, он потрепал по голове пса. — Вечером увидимся.

Она будет неподалеку от дома, думал Ксандер, усаживаясь на мотоцикл. Кевин за ней присмотрит.

Но беспокойство не отпускало. Он знал, что тревога не уйдет, пока не станет ясно, что же случилось с Марлой.

* * *

Сначала Наоми подумывала взять машину. Почему бы не проехать с полмили по лесной дороге, чтобы сделать несколько интересных снимков? Но потом она планировала спуститься к морю, а это значило, что придется бросить автомобиль прямо на обочине. Тихое место или нет, но рисковать ей не хотелось.

Увидев в ее руках поводок, Тэг резво устремился в противоположную сторону. Пожав плечами, Наоми зашагала в сторону леса. Пес, крадучись, побрел за ней.

Остановившись, она достала из кармана собачий крекер.

— Если хочешь крекер, придется потерпеть поводок.

Ненависть к поводку не устояла перед жадностью.

Впрочем, все оказалось не так уж плохо. Пес послушно бежал рядом, останавливаясь лишь для того, чтобы понюхать воздух.

После недавних дождей в лесу стоял запах сырой земли, сосен и чего-

то еще, непонятного, но манящего.

Наоми не заметила, как прошел час. Она даже подумывала, не вернуться ли домой, оставив побережье на следующий день, но после таинственной сырости леса ей хотелось глотнуть свежего воздуха, посмотреть, как солнце играет на поверхности воды.

Еще часок, сказала она себе. Город от нее никуда не денется.

Она спустила собаку с поводка, и Тэг бодро побежал вперед. Очень скоро они выбрались на тропинку, которая круто спускалась к морю. Пес с упоением шлепал по грязи, и Наоми поняла — прежде чем ехать в город, ей придется помыть собаку.

Да уж, этого она не ожидала.

Впрочем, раздражение отступило в тот самый момент, когда сквозь ветки деревьев просияла голубая гладь залива. Сделав несколько снимков, она вновь заспешила вниз.

— Оставь в покое птиц! — крикнула она псу, который где-то впереди отчаянно заливался лаем.

Пес все лаял и лаял, но Наоми уже не обращала на это внимания. По заливу плыла лодка с красными парусами, и она стала быстро настраивать камеру. Потом настал черед самого залива, окруженного стеной высоких сосен.

— Слушай, — сказала она Тэгу, который вновь подбежал к ней, — придется тебе подождать, пока... что такое? Где ты это нашел?

Пес стоял, виляя хвостом. В зубах он держал женскую туфельку. Нежно-розовую, на высоком каблучке.

— Даже не думай, что я разрешу тебе тащить всякий хлам домой.

Он бросил туфельку у ее ног, но Наоми решительно зашагала прочь.

Пес залаял — яростно, будто пытаясь привлечь ее внимание. Затем заскулил.

— Хватит уже! — повернулась к нему Наоми. — Да что с тобой такое?

Пес стоял у основания скалы и лаял на какой-то предмет, распростертый на узкой полоске песка. Наоми сделала шаг, еще один... пока ноги у нее не задрожали. Невыносимая тяжесть сдавила сердце.

У скалы лежала Марла Рот. Руки вытянуты, запястья связаны. Недвижная, будто кукла.

В глазах у Наоми потемнело, она без сил опустилась на песок, на четвереньки. Где-то рядом заскулил пес, лизнул ей лицо. Тяжесть отступила, осталась лишь боль в груди.

— Ладно, ладно. Стой здесь, стой рядом. Не бросай меня. Похоже, меня сейчас стошнит... господи, только не это.

Сжав зубы, она вытащила из кармана телефон.

* * *

Остаться ей не хотелось, но и уехать она не могла. И вовсе не потому, что в полиции ей сказали ждать на месте, ничего не трогать. Она не могла оставить Марлу одну.

Вернувшись к тропе, она забралась на камень, подставила ветру разгоряченное лицо. Пес бегал взад и вперед, нервно лаял, пока Наоми не притянула его к себе и не усадила рядом.

Это немного успокоило обоих. Во всяком случае, настолько, что Наоми вновь потянулась за телефоном.

— Ксандер.

По тону ее голоса он сразу понял — что-то случилось.

— Что с тобой? Ты в порядке?

— Со мной все в порядке. Я тут у моря, под обрывом. Это Марла. Она... я позвонила в полицию, они скоро будут.

— Я уже выезжаю. Позвони Кевину. Он успеет быстрее.

— Нет-нет, я подожду. Я уже слышу сирены. Я подожду.

— Я сейчас. — Сунув в карман телефон, Ксандер бросился к мотоциклу.

Наоми еще крепче прижала к себе пса.

«Придется подождать, — сказала она ему. — Полиция скоро будет. Кто-то убил Марлу. Ее задушили — я видела синяки на горле. Сняли с нее всю одежду и бросили тут».

Паника подкатывала к горлу, грозила захлестнуть ее мысли, но Наоми старалась держаться. Продолжая прижимать к себе пса, она сделала несколько глубоких вдохов.

Услышав шаги, Наоми встала, собралась с духом.

— Я здесь, — крикнула она.

Первым на тропинке показался начальник полиции. За ним шагали два помощника. Один нес сумку, а другой — фотокамеру.

— Она вон там.

Сэм бросил взгляд в сторону обрыва, затем вновь повернулся к Наоми:

— Вам придется подождать здесь.

— Хорошо.

Чувствуя слабость в ногах, она вновь присела на камень. Пес пристроился тут же. Когда со стороны тропинки раздались быстрые шаги,

он вскочил, радостно завилял хвостом.

— Мне сказали ждать здесь, — сообщила Ксандеру Наоми.

Он присел рядом, притянул ее к себе.

— Пойдем, я провожу тебя домой. Они смогут поговорить с тобой и там.

— Нет, я лучше останусь. Не хочу тащить это все к себе.

Она замолчала, увидев, что начальник полиции направляется в их сторону.

— Ксандер, — кивнул тот.

— Я позвонила ему после того, как сообщила вам. Просто чувствовала, что мне нужна поддержка.

— Понимаю.

— Я... моя собака... я не сразу увидела Марлу. Делала снимки и не смотрела в ту сторону. Потом Тэг притащил мне туфельку. Я знаю, что не должна была ничего тут трогать, но...

Сэм достал из кармана куртки бутылку с водой, протянул ее Наоми:

— Вам это сейчас не мешает.

— Спасибо.

— Никого больше тут не видели?

— Нет. Пес все время лаял и скулил, но я не обращала на него внимания. Потом повернулась... и увидела ее. Подошла поближе, чтобы удостовериться... и сразу позвонила вам. Сначала вам, потом Ксандеру.

— Я хочу отвести ее домой. Незачем ей тут оставаться.

— Хорошо. — Сэм похлопал Наоми по плечу. — Идите домой. Я загляну к вам перед отъездом.

Взяв Наоми за руку, Ксандер повел ее вверх по тропе.

— Совсем недавно мы сидели на веранде, пили кофе, — сказала она. — А Марла уже лежала там... У нее есть кто-нибудь из близких?

— Мать живет в городе. Отец бросил их давным-давно. Старший брат Марлы служит во флоте. Его я, признаться, практически не знаю. Еще у нее есть Чип... не представляю, как он это переживет.

Они вышли из леса, и Наоми увидела две патрульные машины. Рядом стоял мотоцикл Ксандера.

Ксандер бросил взгляд на Наоми.

— Хочешь, я попрошу Кевина, чтобы он отпустил сегодня рабочих?

— Нет. Шум сегодня лучше тишины. Займусь-ка я, пожалуй, покраской. Буду красить вторую спальню. Работать я все равно не смогу, да и в город ехать сейчас не стоит.

— Тогда я тебе помогу.

— Ксандер, у тебя дела в городе. Твой гараж...

— Я не собираюсь бросать тебя одну, так что будем красить.

Наоми признательно взглянула на него.

— Спасибо.

— Маляр из меня правда паршивый, но тут уж ничего не поделаешь.

Дома она первой поднялась наверх. Наоми знала, Ксандер намеренно задержался внизу, чтобы рассказать обо всем Кевину. Он просто хотел избавить ее от этой необходимости.

— Кевин знает? — спросила Наоми, когда Ксандер тоже поднялся на второй этаж.

— Да. Скоро здесь будет начальник полиции, так что они все равно обо всем узнают.

Кивнув, Наоми окинула взглядом стены. Пора было приниматься за работу.

Красили они молча. Ксандер не отвлекал ее пустой болтовней, за что она была ему только признательна. Пес, побегав, улегся на пороге, чтобы они не могли ускользнуть из комнаты без его ведома.

Они успели покрасить две стены, когда с лестницы донеслись чьи-то шаги. Пес приподнялся, вильнул хвостом. В следующее мгновение в дверях замаячила фигура начальника полиции.

— Смотрю, у вас тут охрана.

Наоми сжала руки, чтобы унять дрожь.

— Я... здесь даже нет стульев, чтобы вы могли сесть. Если хотите, мы можем поговорить на кухне.

— Да нет, я на минутку. Просто хотел уточнить кое-какие детали. Не помните, когда вы вышли утром из дома?

— Минут пятнадцать восьмого, я так думаю. Но к морю я спустилась не сразу. Снимала лес, цветы... Я могу показать вам снимки.

— Я не сомневаюсь в ваших словах, — заверил ее Сэм, — просто пытаюсь представить общую картину.

— В лесу я провела не меньше часа. Потом вышла к морю... Тэг все время лаял, скулил, но я работала и старалась не обращать на него внимания. Затем он притащил мне женскую туфельку. Я повернулась, чтобы отогнать его, и только тут увидела Марлу. Сразу позвонила вам.

Начальник полиции кивнул.

— Вам стоит поговорить с Чипом, — вмешался в разговор Ксандер. — Я знаю, он не входит в число близких родственников, и все же...

Сэм кивнул, поправил кепку.

— Я собираюсь встретиться с ним сразу после того, как побываю у

матери Марлы. Наоми, если вспомните что-то еще или просто захотите поговорить, обязательно позвоните.

Наклонившись, он потрепал по голове пса и вышел за дверь.

* * *

Она вновь проснулась от ночного кошмара, в котором пыталась убежать из погреба. В этом подземелье она нашла во сне тело Марлы. Наоми проснулась, но страх не отступил — вырвался с ней наружу.

Она пыталась вдохнуть, но воздуха не было. Чьи-то руки схватили ее за плечи. Будь у нее силы, она бы закричала.

— Это я. Ксандер. Подожди-ка.

Потянувшись, он включил свет. Бегло взглянув на Наоми, он сжал ее лицо в ладонях.

— Медленней, Наоми. Дыши медленней. Ты в порядке, просто не вдыхай так часто, а то потеряешь сознание. Взгляни на меня.

Она втянула в себя воздух — легкие будто пылали огнем, — изо всех сил стараясь удержать его, прежде чем вытолкнуть наружу.

— Лучше, уже лучше. Сейчас я дам тебе попить.

Он продолжал говорить с ней. Слов она практически не слышала, просто цеплялась за звук его голоса, за руки, сжимавшие ее лицо.

Взяв со столика бутылку с водой, он открыл крышку. Наоми сделала глоток, признательно кивнула.

— Я в порядке.

— Не совсем, но это уже лучше.

— Мне приснился кошмар...

«Похоже, не впервые», — подумал Ксандер.

— Не удивительно, если учесть, что тебе пришлось пережить. Забирайся под одеяло, а то ты совсем замерзла.

— Знаешь, я лучше встану... поработаю немного.

— И что ты хочешь фотографировать в... — он бросил взгляд на часы, — в три утра?

— Я могу заняться и другой работой.

— Тоже верно. Почему бы нам тогда не спуститься вниз и не пожарить яичницу?

— Яичницу? В это время?

— Ну да. Мы же все равно встали.

Наоми сидела, прижав колени к груди.

— Ты хочешь есть?

— Я проснулся, так почему бы не перекусить?

Он кинул ей футболку и домашние брюки.

— Любишь яйца бенедикт?

— Ни разу не пробовал.

— Тебе понравится, — сказала Наоми, выбираясь из постели.

Утренняя готовка успокоила ее, привела в чувство. Обрывки сна понемногу стерлись, отступили в глубь памяти.

Вдобавок она оказалась права — Ксандеру понравилось блюдо.

— И почему я раньше этого не пробовал? — заметил он, доедая свою порцию. — Лучший завтрак для четырех утра. — Потянувшись, он легонько провел пальцами по ее руке. — До рассвета еще далеко, но мы сидим тут и едим то, о чем я прежде не подозревал. А пес, которого ты не собиралась оставлять, лежит рядом и ждет остатков. Знаешь, мне это даже нравится. Сколько времени мы уже вместе?

— Не знаю. Не знаю, откуда вести отсчет.

— День Пса, назовем это так. Когда мы нашли Тэга?

— С месяц назад... или чуть раньше.

— Что ж, уже немало.

У Наоми вырвался смешок:

— Для меня это просто мировой рекорд.

— Что ж, — улыбнулся Ксандер, — посмотрим, что нам принесет следующий месяц. А пока... почему бы нам не прихватить кофе и не отправиться на террасу? Подождем там восхода.

Наоми промолчала, и он вновь коснулся ее руки.

— Это твое место, Наоми. Никто не может забрать его у тебя. Только ты решаешь, хорошо тут или плохо.

Она улыбнулась:

— Ты прав. Кофе на террасе — это то, что нам сейчас нужно.

Девятнадцать

Толку от тревог и переживаний не было никакого.

И все же она не удержалась и написала длинное письмо подруге, которая могла ее понять. Эшли Маклин — в замужестве Эшли Мердок — служила Наоми напоминанием о том, что жизнь продолжается... продолжается в любом случае.

Потом, прихватив с собой Тэга, она поехала в город. Здесь она первым делом заглянула на почту, отправила несколько посылок. И на десять минут, как это водится у местных, погрузилась в разговор ни о чем.

Следующим на пути был магазин, в котором работала Дженни. Припарковавшись, Наоми повернулась к собаке:

— Придется тебе посидеть в машине, тут уж ничего не поделаешь. Зато потом, перед тем как заехать за продуктами, мы сможем немножко прогуляться.

Когда она принялась вытаскивать коробку, пес попытался выбраться из машины, и Наоми пришлось приложить немало усилий, чтобы затолкать его обратно. Куда делась та тощая, слабая собака, ковылявшая по обочине дороги? Что и говорить, Тэг стремительно набирал форму!

Немного отдышавшись, Наоми снова взяла свой багаж и направилась к магазину.

Переступив через порог, она, неожиданно для себя, оказалась в толпе посетителей. В воздухе приятно пахло чем-то цитрусовым, и все помещение было заставлено приятными безделушками.

Наоми уже хотела уйти и вернуться в перерыве, но в этот момент ее углядела Дженни, беседовавшая о чем-то с очередным покупателем. Она энергично замахала рукой, подзывая к себе Наоми.

По пути та заметила с десяток вещей, которые ей ужасно захотелось приобрести. Пришлось напомнить себе, что она пришла сюда не за покупками.

Дженни первым делом забрала у Наоми коробку, поставила ее на прилавок. И крепко обняла подругу:

— Ужасно рада тебя видеть. Как ты себя чувствуешь?

— Неплохо.

— Ксандер был сегодня у тебя?

— Да.

— Прекрасно. Не будем пока говорить о том, что случилось... даже

если это на слуху у всего города.

Она снова подхватила коробку.

— Хочу показать это Кристе. Идем, она как раз у себя в кабинете.

— У тебя же полно покупателей, — попыталась возразить Наоми, но Дженни и слушать не захотела. Она ловко пробиралась между столиками и прочими вещами, болтая обо всяких пустяках.

Как яркая, красочная птица, подумала Наоми. Птица, перепархивающая с ветки на ветку.

Наконец они добрались до офиса, который одновременно играл роль склада. За компьютером сидела женщина с каштановыми волосами.

— Криста, тут Наоми Карсон, а с ней — возможный товар.

Криста повернулась и глянула на Наоми своими карими глазами. Лицо у нее было приятным и располагающим, с полными, красиво очерченными губами.

— Рада знакомству, — сказала она. — Мне очень нравятся ваши фотографии, и я не раз заглядывала к вам на сайт.

— А мне ужасно понравился ваш магазин. До этого я старалась обходить его стороной, чтобы не потратить слишком много денег. Что поделать? Я уже присмотрела себе замечательные подсвечники. И зеркало. Чудесное овальное зеркало в бронзовой раме.

— Дженни им занималась.

— Точно, — кивнула Дженни. — Купила его на блошином рынке.

Она поставила на стол коробку с фотографиями.

— Хотела порыться в них сама, но удержалась.

Встав со стула, Криста открыла коробку и начала просматривать снимки. Лесные цветы, виды залива, городскую пристань.

— Думаю, можно продать вот это, — она прислонила пару фотографий к коробке, отступила на шаг назад. — Благодаря туристам, которые наводнили сейчас город, я смогу распродать это очень быстро.

Немного подумав, она назвала свою цену.

— Хорошо, — кивнула Наоми.

— Я бы взяла еще. Особенно снимки местной флоры и фауны, городские сценки, морские пейзажи. Можно в рамках, можно без. Я люблю формат открыток.

— Я делаю открытки.

— Вот и прекрасно! Возьму у вас сразу дюжины две... нет, лучше три. Продам часть в местные гостиницы.

— А сюжет?

— На ваш выбор. Джен, — обратилась она к помощнице, — возьми

эти фотографии и выстави на продажу.

— Конечно! Я знаю превосходное местечко, — Дженни снова подхватила коробку. — Не уходи, не попрощавшись со мной, — улыбнулась она Наоми.

— Сейчас я составлю договор на открытки, — сказала Криста. — Как там обстоят дела с вашим ремонтом?

— Неплохо. Потому-то мне и нужны новые вещи.

— Что ж, Наоми, мы сможем неплохо заработать друг на друге.

Так и вышло. Из магазина она унесла даже больше, чем принесла. Но дому действительно нужны были вещи.

— Тэг, для нас с тобой есть работенка.

Тот был так рад ее возвращению, что не стал сопротивляться, когда она прицепила к ошейнику поводок.

— Пошли погуляем. Нам нужны снимки для открыток.

* * *

До дома она добралась, когда рабочие уже начали разъезжаться. И она в очередной раз оценила выгоду от присутствия мужчин. Плиточники отнесли на кухню продукты, а Кевин помог с вещами из магазина подарков.

— Смотрю, ты виделась с Дженни.

— И это обошлось мне в приличную сумму. Зато она помогла мне пристроить фото для продажи. — Шагнув в гостиную, Наоми невольно охнула. — Вы завершили отделку!

— Да, дел у нас сегодня было под завязку. Не хочешь пройтись, посмотреть, что еще мы успели натворить?

— Если ты намекаешь на мою ванную, я могу удариться в слезы.

— Прихвати с собой парочку платков!

Она и правда едва не разрыдалась, когда увидела обновленную комнату.

— Но сегодня ею пока нельзя пользоваться, — предупредил Кевин.

— Ничего страшного. До чего же здорово, Кевин! Просто здорово!

Сероватая плитка прекрасно сочеталась с жемчужно-пепельной отделкой стен. Такие же сероватые прожилки сквозили в белой гранитной стойке. Наоми хотелось чего-то спокойного и умиротворенного, и Кевин в полной мере оправдал ее ожидания.

— Надо будет дополнить это голубыми тонами. С помощью тех же полотенец. А у Сесиля я видела старинные голубые вазы.

— Ты могла бы повесить на стены кое-что из своих фотографий. Снимки залива, например. Мы, кстати, неплохо поработали над твоей студией. Может, заглянешь?

Наоми хотелось увидеть все, и следующие десять минут они обсуждали всевозможные варианты, размышляли над ее идеями. Но в какой-то момент ее осенило:

— Кевин, ты, случаем, не присматриваешь за мной?

— Очень может быть. Я так думаю, Ксандер должен появиться здесь с минуты на минуту.

— Ты тянешь время, а дома тебя ждут жена и дети.

— Еще не поздно. Я как раз хотел спросить...

— Я признательна тебе за заботу, — перебила его Наоми, — но со мной все будет в порядке. В конце концов, у меня есть свирепый пес.

Кевин бросил взгляд на Тэга, который растянулся у стены и самозабвенно наблюдал за собственным хвостом. Рядом с ним посапывала Молли.

— Знаешь, мне все-таки будет спокойней, если я дождусь Ксандера. Вдобавок я хотел спросить насчет той ванной, что примыкает к зеленой комнате...

Они принялись обсуждать плитку и разновидности душевых кабинок, пока Тэг не вскочил наконец с пола и не устремился вниз.

— Должно быть, Ксандер.

— Если хочешь, можешь задержаться, выпить с ним пива.

— От пива я точно не откажусь.

Пока они спускались, Тэг звучно лаял у двери. Интересно, на какой стадии находятся их с Ксандером отношения, думала Наоми. И не пора ли уже дать ему ключи от дома?

Но когда она распахнула дверь, Тэг устремился навстречу Лело.

Тот присел, чтобы потрепать собаку по голове.

— Хороший пес! Хороший мальчик!

Наконец Лело выпрямился.

— Привет, Кев. Привет, Наоми. Я принес тебе наброски сада.

Прежняя Наоми вежливо поблагодарила бы его и забрала пакет. Наоми, в которую она пыталась превратиться, перевела дыхание.

— Не хочешь зайти в дом? Кевин собирается выпить пива, и ты мог бы к нему присоединиться.

— Прекрасная мысль! А ты хочешь пива? — обратился Лело к псу.

— Он у нас несовершеннолетний, — заявила Наоми, вызвав у Лело приступ смеха.

На кухне она открыла две бутылки и пригласила мужчин на террасу. Себе она плеснула вина, после чего принялась изучать рисунки.

Через несколько минут она тоже вышла на террасу. Кевин и Лело сидели, будто на палубе корабля, наблюдая за горизонтом. Собаки пристроились тут же, у перил.

— Лело, да ты настоящий художник!

Тот, покрасневшись, смущенно закашлялся.

— Да ладно. Ну, рисую себе немножко...

— Рисуешь ты просто замечательно. Мне очень понравилась твоя концепция сада — ты сумел распорядиться пространством, не нарушив при этом природной гармонии. Но больше всего меня впечатлили насыпные гряды на веранде.

— Еще там есть брошюра с различными видами дорожек и образцами плитки.

Кивнув, она присела на кресло-качалку, чтобы изучить стоимость работ. Лело подробно расписал каждый участок сада, отметив, во что ей это все обойдется.

Что и говорить, сумма получалась немаленькая, и все же...

— Я очень хочу эти насыпные гряды! Посажу там все самое необходимое, чтобы готовить из своих продуктов.

— Если решишь вдруг бросить Ксандера, можешь выйти замуж за меня, — предложил Лело. — Готовить я не умею, а вот поесть люблю!

— Договорились, буду иметь тебя в виду. Знаешь, я бы хотела, чтобы двор перед домом вы оформили прямо сейчас. Остальное можно будет сделать по осени или следующей весной.

— Подожди секундочку. — Лело вытащил телефон, чтобы позвонить отцу. В этот момент собаки вскочили и устремились к входной двери.

— Ну вот и Ксандер, — заметил Кевин. — Никакая сигнализация не сравнится с собакой.

Собаки вернулись назад. Молли уселась на место, но Тэг продолжал метаться туда-сюда, пока на террасе не появился Ксандер.

— Тут что, вечеринка?

— Что-то вроде того.

— Вот и прекрасно. Я как раз прихватил с собой еще пива.

Усевшись на стул, он глубоко вздохнул, сделал первый глоток.

— Трудный день? — поинтересовалась Наоми.

— Что-то вроде того.

Лело закончил говорить по телефону и присоединился к остальным.

— Мы могли бы начать на следующей неделе, — объявил он. — Отец

хочет пожаловать сюда лично. Говорит, чтобы осмотреться, но я думаю, он просто хочет познакомиться с тобой. Любопытно, на кого он будет работать.

Лело сел, потрепал Тэга по голове.

— Тебе придется научить его обходить клумбы и не поднимать ногу на кусты.

— Господи. Об этом я не подумала.

— Ничего, он славный пес. Быстро освоится.

Наоми молча наблюдала за мужчинами. Те время от времени переглядывались, будто не решаясь заводить при ней разговор.

Наконец она вздохнула:

— Ну что, будем и дальше молчать про то, что у всех на языке? Я вовсе не неженка и не нуждаюсь в особой защите. Есть что-нибудь новое об убийстве Марлы?

Лело промолчал, уткнувшись взглядом в банку с пивом.

— Было сделано вскрытие, — сообщил Ксандер, — и кое-какие слухи просочились в город. Не исключено, что это просто сплетни.

— О чем говорят?

— Ее изнасиловали, возможно, не один раз. А еще душили, резали ножом и избивали.

— Не понимаю, как люди могут поступать так с другими людьми, — пробормотал Лело. — Я слышал, Чип просто обезумел от горя.

— Он любил ее, — сказал Кевин. — Сколько я его помню, он всегда любил Марлу.

— Наверняка это кто-то из посторонних, — заметил Лело. — В Санрайз Ков таких нет. Мы бы знали, если бы рядом жил кто-то подобный.

«Нет, — подумала Наоми, — мы не всегда знаем, кто живет рядом с нами».

* * *

Она с головой ушла в работу. Прежде ей редко приходилось выполнять чьи-то задания, и открытки для Кристины занимали теперь большую часть времени.

Родным она про убийство ничего не сказала.

Похороны Марлы стали для нее серьезным испытанием. Всю службу Наоми просидела рядом с Ксандером. По другую сторону от нее устроились Кевин и Дженни.

Люди все шли и шли, чтобы выразить соболезнование Чипу и матери Марлы.

В церкви удушливо пахло лилиями — розовые цветы покрывали гроб, такие же розовые и белые лилии стояли в букетах.

Наоми давно не заглядывала в церковь, и это посещение напомнило ей собственное детство. Воскресные, туго накрахмаленные платья, вечерние чтения Библии, приходившиеся на каждую среду.

Вот отец цитирует Писание своим глубоким, хорошо поставленным голосом. Сколько же искренности на его лице, когда он рассуждает о воле Бога, о Его любви, о праведном пути, которым должны следовать все верующие.

И сейчас, внимая проповеди священника, вдыхая приторно-сладкий аромат цветов и наблюдая за причудливой игрой света, проникающего в церковь сквозь витражные стекла, Наоми страшно жалела, что не осталась дома. Она совсем не знала Марлу, если не считать той стычки в баре.

Но именно она нашла тело, а потому заставила себя прийти.

Облегчение нахлынуло на нее, будто порыв ветра, когда она выбралась наконец на чистый воздух, на ясный солнечный свет.

Ксандер отвел ее в сторонку, чтобы поговорить перед поездкой на кладбище.

— Ты здорово побледнела.

— В церкви было слишком душно.

И слишком много посторонних взглядов.

Люди украдкой посматривали на ту, которая обнаружила покойную.

— Я должен ехать на кладбище, — сказал Ксандер. — Но тебе необязательно присутствовать на похоронах.

— Ты прав. Мое появление там будет ни к чему.

— Пойдем, я отвезу тебя домой.

— Почему только я не догадалась приехать на собственной машине?

— Ничего страшного, здесь совсем рядом, — начал было Ксандер, но тут же замолчал. Повернулся к подошедшему Чипу.

Олицетворение скорби, подумала Наоми. Опухшие, покрасневшие от слез глаза, взгляд мутный от недосыпа. Сильный мужчина с пустым, помертвевшим взглядом.

— Чип. Мне так жаль, приятель.

Они обнялись — по-мужски, одной рукой, — и Чип взглянул на Наоми.

— Мисс Карсон.

— Наоми. Мне так жаль, так жаль.

— Вы нашли ее. В полиции сказали, тело было оставлено там, где его не сразу могли обнаружить. Повезло, что вы нашли ее так быстро...

Чип сжал руку Наоми в своих огромных ручищах, слезы проступили у него на глазах.

— Спасибо вам.

Обычно Наоми старалась поддерживать дистанцию между собой и незнакомцами, но тут, охваченная состраданием, она на мгновение обняла Чипа, прижала его к себе.

Нет, убийцы не принимают в расчет горе близких, подумала она. Или принимают? Не исключено, что для них это — как приятный бонус.

Чип смахнул кулаком слезы.

— Священник сказал, что Марла ушла в лучший мир. — Он покачал головой. — Но и этот мир хорош. Не надо ей было уходить туда, где лучше.

Он сглотнул, стараясь не разрыдаться.

— Едешь на могилу? — спросил он Ксандера.

— Да, вот только отвезу домой Наоми.

— Спасибо, что нашли ее, Наоми. Спасибо, что пришли попрощаться.

Чип повернулся и зашагал прочь, глядя перед собой невидящим взором.

— Господи, Ксандер. — Наоми отвернулась, не в силах сдержать слезы.

Она плакала. Плакала из-за женщины, которую совсем не знала.

Двадцать

Поскольку большая часть бригады знала Марлу, Наоми вернулась в относительно тихий дом. Шум раздавался лишь из будущей студии — до нее доносились равномерное постукивание да звуки музыки.

Тем не менее ей никак не удавалось сосредоточиться на работе. Какие бы образы ни выводила она на экран, перед глазами неизменно всплывал расстроенный Чип.

В конце концов, прихватив пса и фотоаппарат, Наоми вышла во двор. Она сделает для Лело снимки участка в его нынешнем виде, чтобы впоследствии сравнить с тем, что получится у ее нового садовника.

Когда пес бросил у ног мячик, Наоми решила, что это неплохой способ отвлечься от грустных мыслей. Она швырнула игрушку, и Тэг с радостью устремился за ней.

На третий раз, вернувшись с мячом, он замер и наострил уши. Произошло это за несколько секунд до того, как она услышала звук приближающейся машины.

«Похоже, рабочие возвращаются. Вот и говори тут об отвлечении».

Но уже в следующее мгновение из-за поворота выехала патрульная полицейская машина.

Все сжалось у Наоми внутри, связалось узлами. Начальника полиции она видела на похоронах. Если бы в деле наметился прогресс, до нее наверняка дошли бы слухи. Нет, он здесь вовсе не затем, чтобы говорить об убийстве Марлы.

Есть лишь одна причина, по которой он решил повидаться с ней.

Чтобы немного успокоиться, Наоми потрепала собаку по голове.

— Все в порядке. Я ждала его приезда.

Вместе они зашагали по траве навстречу Сэму.

— Братья Коби, — сказал он, кивая на припаркованный у дома грузовик.

— Да. Боб и Уэйд работают наверху. Остальные ушли на похороны.

— Я сам только что с кладбища. Хотел перекинуться с тобой парой слов, пока ребята Кевина не вернулись.

— Прекрасно, — стараясь скрыть волнение, она повернулась к дому. — Мебели у меня пока маловато, но мы могли бы устроиться на террасе возле кухни.

— Слышал, ты наняла Лело для работы в саду.

— Да, они начнут уже во вторник.

— Смотрю, вы здорово продвинулись с ремонтом. А кухня так просто загляденье, — сдвинув на затылок кепку, Сэм неспешно оглядывал помещение.

Когда Наоми открыла двери на террасу, он лишь покачал головой:

— Потрясающий вид. А главное, что никуда даже не надо ходить.

Она взяла один из стульев, пока Тэг тыкался носом в колено Сэму.

— Я видел тебя на службе, — продолжил Сэм. — Молодец, что пришла. Я знаю, вы практически не были знакомы... если не считать той встречи в баре.

— Меня просто потрясло то, что с ней случилось.

— Нас всех это ошеломило, — повернувшись, он взглянул ей прямо в глаза. — Я был бы плохим полицейским, Наоми, если бы не покопался в прошлом человека, который обнаружил тело.

— Понимаю. Мне следовало рассказать обо всем самой, но я не решилась... хотелось надеяться, что никто и никогда об этом не узнает.

— Поэтому ты поменяла фамилию?

— Это девичья фамилия матери. Фамилия моего дяди. Он... они с Гарри приняли нас в свой дом, после того как отца арестовали.

— И арестовали его благодаря тебе.

— Да.

— Думаю, это стало серьезным испытанием для маленькой девочки. Я не собираюсь расспрашивать тебя о том деле, Наоми. В конце концов, я и сам могу узнать все, что нужно. Хочу лишь спросить, поддерживаешь ли ты контакт со своим отцом.

— Нет. Мы не виделись и не разговаривали с ним с той самой ночи.

— Ты никогда не ездила к нему в тюрьму?

— Нет. Мама его навещала, и кончилось все тем, что она наглоталась таблеток. Она любила его... или отец держал ее под контролем. Может, это одно и то же.

С минуту они молчали. Наконец Сэм заговорил:

— Не хотел бы расстраивать тебя еще больше, но ты и сама должна была заметить. Я про схожую манеру убийства. Про то, что с ней сделали, про характер ранений...

— Да, я тоже заметила. Но отец сидит в тюрьме, на другом конце страны. А ужасная правда состоит в том, что другие точно так же мучают, насиляют и убивают.

— Это верно.

— Но я здесь, и я нашла Марлу. Как давным-давно нашла Эшли.

Только ту я успела спасти, а Марлу изнасиловали и убили... как когда-то это делал мой отец. Естественно, вы должны были ко мне присмотреться.

— Даже если так, мне ясно, что ты не похищала и не убивала ее. Вдобавок часть времени ты проводила в компании Ксандера, а его я знаю с детства. Чтобы Ксандер сотворил что-то подобное? Быть того не может. Да и в твоё участие я тоже не верю.

По идее, ей следовало ощутить облегчение. И признательность. Но у нее просто не было сил ни на то ни на другое.

— И все же вы засомневались. Когда узнали, кто я такая. Другие тоже скажут: кровь решает все. Кровные узы делают нас теми, кто мы есть на самом деле. Ее отец — психопат. Что это может сказать о ней самой?

— Не буду утверждать, что у меня не мелькнуло и тени сомнения. Но я хороший полицейский и знаю, где копать. Я приехал, чтобы спросить тебя о возможных контактах с отцом... на случай, если между этими событиями существует хоть какая-то связь.

— Он даже не взглянул на меня в то утро, когда его притащили в полицейский участок.

Эта сцена намертво отпечаталась у нее в мозгу, вплоть до мельчайших деталей — вроде солнечных лучей, играющих в струйках фонтанчика, и пылинок, пляшущих в утреннем воздухе.

— Я вышла из комнаты, где меня оставили ждать. Вышла буквально на минутку. И в этот момент притащили отца, прямо в наручниках. Он взглянул на меня как на пустое место. Словно бы и не заметил. Не думаю, что я хоть что-то для него значила.

— В последние годы ты много переезжала с места на место.

— Я взяла за правило не задерживаться нигде надолго. Так больше шансов на то, что никто не раскопает правду.

— Но ты купила этот дом.

— Я влюбилась в него с первого взгляда и убедила себя в том, что в кои-то веки могу начать нормальную жизнь и никто ни о чем не узнает. Возможно, так бы оно и было, пойдя я в тот день другим путем... Тогда кто-нибудь другой нашел бы Марлу, и у меня не было бы причин рассказывать о себе.

Повернувшись, она вновь взглянула Сэму в глаза. Тот дружески похлопал ее по руке.

— Это твоё право, говорить кому-то о себе или нет.

Она должна была бы почувствовать облегчение, но этого не произошло.

— Спасибо, — сказала она Сэму.

— Тебе не за что меня благодарить. Я выяснил твое прошлое, как того требовало расследование. Но я не собираюсь болтать об этом направо и налево.

— Я... я просто хочу понять, смогу ли жить здесь. Мне нужно немного времени.

— У меня возникло впечатление, что ты уже живешь здесь. Сейчас я скажу тебе кое-что от себя лично... потом мне надо будет вернуться в город. Ксандеру ты, судя по всему, ничего о себе не рассказала. — Сэм встал, поправил кепку. — На мой взгляд, ты оказываешь и ему, и себе дурную услугу. Впрочем, тебе решать, как оно будет лучше.

Он сбежал по ступеням, а Наоми продолжала сидеть, разглядывая воды залива и белоснежные облака над ним. Неужели та радость, которую она ощущала при виде этих красот, навсегда ушла в прошлое?

* * *

Волны скорби и домыслов, прокатившиеся по кладбищу, оставили Ксандеру головную боль. Возвращаясь в город, он выключил радио, поскольку чувствовал, что тишина ему сейчас не помешает.

Работы было предостаточно, включая ту, которую пришлось отложить из-за похорон. Для начала он заглянул в магазин запчастей, подобрал там все необходимое и поехал в гараж.

Здесь он сверился с расписанием и решил начать с ремонта попроще, чтобы втянуться понемногу в рабочий ритм. Но первым делом он заглянул к Питу, чтобы посмотреть, как продвигаются дела с разбитой легковушкой.

— С похорон? — спросил тот.

— Да.

Пит, нахмурившись, поправил защитные очки.

— Терпеть не могу похороны.

— Да кто их любит?

— Некоторым нравится, — покачал головой Пит. — Я знаю людей, которые не упускают ни одного такого события, даже если умерший — посторонний для них человек.

— Бывает и такое, — кивнул Ксандер и направился к себе в бокс.

Одно занятие сменяло другое, и через четыре часа он заработал себе боль в шее. Зато избавился от нее в голове.

Уже в конце рабочего дня Ксандер вспомнил, что обещал Наоми привезти ужин. Перед тем как закрыться, он позвонил в пиццерию и

заказал спагетти.

Он уже садился на мотоцикл, когда к гаражу, хлопая спущенной шиной, подкатила Макси, работавшая у Ринальдо.

— Ксандер! Ради бога! — Умоляюще замахав руками, она выскочила из машины. — Я знаю, ты уже закрылся, но у меня проблемы... Что-то случилось с авто! Я почти не могу управлять им, а еще этот странный шум!

— У тебя спущена шина, Макси.

— Серьезно? — Повернувшись, она бросила взгляд на автомобиль. — Как такое могло случиться? На прокол не похоже. Я решила сначала, что-то не в порядке с мотором.

Она умоляюще улыбнулась:

— Не мог бы ты починить это?

Ксандер присел у машины.

— Макси, это колесо истерто до невозможности. Да ты еще покаталась на нем. — Он неодобрительно покачал головой. — Твои шины надо было менять еще десять тысяч миль назад.

Макси глянула на него с ужасом:

— Хочешь сказать, мне нужно менять все четыре?

— Без сомнения.

— Черт. Прощайте денежки, которые я хотела потратить на шопинг в Сиэтле. Вдобавок ко всему я опоздаю на работу.

В ее взгляде скользнула надежда.

— А не мог бы ты, — обольстительно улыбнулась она Ксандеру, — залатать пока одну... — лицо у нее вновь помрачнело. — Знаешь, ты смотришь на меня прямо как мой отец.

Хоть его это слегка задело — не таким уж он был стариком, — Ксандер остался неумолим.

— Я могу сделать скидку, но тебе придется заменить все шины. Я сделаю это завтра до обеда. Пока что я могу подбросить тебя до работы, все одно мне надо забрать там спагетти. Можешь организовать, чтобы после смены тебя довезли до дома?

Макси вздохнула:

— Я могу пойти к подруге, переночевать у нее.

Ксандер, вновь рискуя сравнением с ее отцом, лишь покачал головой:

— Никаких пеших прогулок. По крайней мере, не сейчас.

— Говорят, тот, кто убил Марлу, давно убрался из города. Все думают, это какой-то заезжий извращенец.

— Я хочу заключить с тобой сделку. Я продам тебе шины по минимальной стоимости, а ты откажешься от пеших прогулок домой.

— Ладно, ладно. Попрошу отца, чтобы он забрал меня, — заметив, что Ксандер смотрит на нее с недоверием, Макси закатила глаза. — Обещаю!

— Прекрасно, — достав запасной шлем, Ксандер вручил его девушке. — Нарушишь слово, сдеру с тебя двойную цену.

К тому моменту, когда он добрался наконец до дома на обрыве, ему хотелось молча усесться на террасе, выпить пива и навсегда оставить этот день в прошлом.

Из-за угла тут же выскочил Тэг. Ксандера он приветствовал с таким пылом, будто тот только что вернулся с войны.

Ксандер одобрительно потрепал пса по загривку и зашагал в сторону террасы.

Наоми сидела на диване, на коленях у нее лежал планшет. На небольшом столике стоял стакан с вином.

— Пришлось задержаться, — сообщил Ксандер.

Молча кивнув, она продолжила работать.

— Пойду возьму пиво, а еду поставлю на разогрев.

— Хорошо.

Ксандер не считал себя излишне чувствительным к чужим настроениям. Более того, знакомые женщины не раз пеняли ему на бесчувственность. Но он сразу видел, если что-то было не так.

По личному опыту Ксандер знал: в таких случаях лучше вести себя как обычно. Тогда проблема просто выскочит на поверхность. А если повезет, уйдет сама собой.

Вернувшись, он сел рядом с Наоми, вытянул ноги.

— Где Кевин?

— Дома, должно быть. С женой и детьми.

— Я думал, он дождется моего возвращения.

— Это я настояла, чтобы он уехал. Мне не нужен телохранитель.

Наоми явно была не в духе. Ксандер, пожав плечами, принялся за пиво.

Обоюдное молчание длилось секунд двадцать.

— Мне не нравится, что вы устраиваете эти смены. Я не дурочка и не инвалид.

— Никогда не считал тебя ни тем ни другим.

— Тогда перестань опекать меня. Это не просто оскорбительно, это еще и раздражает сверх меры.

— Что ж, придется потерпеть.

— Ты не можешь решать за меня.

— Тело Марлы, найденное не так далеко от твоего дома,

свидетельствует об обратном.

— Никто не вправе навязывать мне свои условия! Если ты думаешь иначе, то здорово ошибаешься.

Краешком глаза Ксандер увидел, как пес скользнул вниз по ступеням. Решил, должно быть, уйти с линии огня.

— Чушь, причем весьма неубедительная. Не хочешь говорить мне о том, что тебя донимает, не надо. Но я в состоянии понять, когда человек нарываяется на ссору. Я пока что не в настроении ругаться, но это может измениться в любой момент.

— Слишком много народа вокруг, вот что, — вскочив, она схватила бокал с вином. — Я купила это место, чтобы побыть в одиночестве. И что взамен?

— Если хочешь порвать со мной, так и скажи. Зачем ходить вокруг да около?

— Мне не хватает личного пространства.

— Снова чушь. Ты могла бы придумать что-то поинтересней.

Теперь уже в ее голосе слышались нотки гнева. И чего-то еще, что он не мог пока уловить.

— Меня все время окружают люди. Такое чувство, что я попала в ловушку. Зачем мне все это? Ты, дом да еще и пес! Нет, с самого начала все было ошибкой. Пора положить этому конец!

Ему хотелось ответить, и порезче, поскольку — видит бог! — ей таки удалось задеть его.

Но Наоми трясло. Дышала она часто и мелко, как перед приступом паники. И Ксандер знал почему.

— Если хочешь, чтобы я ушел, я уйду. И заберу с собой пса. Но вначале скажи мне правду!

— Я уже сказала! Это ошибка, ее нужно исправить.

— Бросив все, что ты здесь начала? Но ты же этого не хочешь.

— Ты не знаешь, чего я хочу! Ты совсем меня не знаешь.

— Разумеется, это не так.

— Чушь! Тебе известно лишь то, что на виду. Эти несколько недель, что я пробыла здесь. Ты не знаешь того, что было прежде. Не понимаешь меня.

Он явственно ощутил боль, которая крылась за ее словами.

— Я в курсе. — Он тоже встал, поставил на столик пиво. — Мне известно, кто ты такая, что тебе пришлось пережить и что ты пытаешься выстроить здесь, вдали от своего прошлого.

Наоми отшатнулась, губы ее задрожали.

— Начальник полиции рассказал тебе.

Теперь пришла очередь Ксандера удивляться.

— Нет. Я не виделся с ним после похорон. Он ничего не говорил мне. Ты все раскрыла сама.

Она обхватила себя руками, словно пытаясь защититься. Но не от него, подумал Ксандер. Не от него.

— Я ничего тебе не говорила.

— Да этого и не требовалось.

Он задавил на время свой гнев. Позже он позволит ему вырваться на свободу, но не сейчас. Пока он говорил просто и буднично.

— Помнишь, как ты впервые пришла ко мне домой? На полке стояла книга. Книга Саймона Вэнса. Когда ты увидела ее, тебя буквально затрясло. Ну а дальше все просто. Там есть фотографии. Много фотографий. Тебе в то время было лет одиннадцать-двенадцать. Конечно, ты выросла, поменяла стрижку. Но глаза остались прежними. Глаза и внешность. К тому же Наоми — не самое распространенное имя.

— Ты знал. — Она неотрывно смотрела на Ксандера. — И ты... ты рассказал обо всем Кевину.

— Нет, — заметив сомнение в ее глазах, он твердо взглянул ей в лицо. — Нет. Кевин — мой лучший друг, но это не значит, что я стану делиться с ним тем, что сама ты предпочитаешь держать в секрете.

— Ты ничего не сказал ему. — В ее голосе уже не было прежнего напряжения. — Ты знал все это время. Понял еще до того, как мы... почему ты не поговорил со мной? Ни о чем не спросил?

— По правде говоря, я надеялся, что ты сама обо всем мне поведаешь. До того, как я вынужден буду швырнуть это тебе в лицо.

— Швырнуть в лицо? — Она отвернулась, заговорила тише. — Но ты этого не сделал. Другие — да, кидали мне в лицо свою правду, так что я прекрасно знаю, каково это.

Она прижала ладони к глазам.

— Подожди минутку, мне нужно успокоиться.

— Хочешь орать, ори. Хочешь плакать, плачь. Я готов выдержать и то и другое.

— Я не буду ни реветь, ни кричать.

— Другие на твоём месте стали бы. Но ты не такая, как другие.

— Верно.

— Хватит!

Эта вспышка шокировала ее настолько, что Наоми вновь повернулась к нему лицом.

— Хватит нести чушь. — Ксандер наконец дал волю своему гневу. — Неужели ты настолько глупа? Пожалуй, я и правда ошибался в тебе, раз считал тебя умницей. Неужели ты веришь, что с тобой что-то не так — только потому, что состоишь в родстве с законченным ублюдком?

— Этот человек — чудовище. И он мой отец.

— А как насчет твоего брата?

Своим вопросом он выбил ее из колеи, на что, собственно, и рассчитывал.

— Я... в каком смысле?

— Что он за человек?

— Мейсон... очень славный. Способный... нет, даже одаренный. И добрый.

— Стало быть, он может оставаться самим собой, притом что у вас общий отец, а ты нет? Ты что, считаешь себя прокаженной?

— Нет-нет, я знаю, что это не так. Умом я все понимаю. Но чувства... чувства говорят порой обратное.

— Ну так наплюй на них.

Наоми ошеломленно взглянула на него.

— Мне... наплевать?

— Да. Забудь о прошлом, живи дальше. Твой отец по уши в дерьме, но это не значит, что и ты должна ощущать себя так же.

— Мой отец — серийный убийца. Самый известный в этом столетии.

— Ну так век еще только начался, — пожал плечами Ксандер.

Наоми воззрилась на него с нескрываемым изумлением.

— Господи, я тебя просто не понимаю.

— Тогда я объясню подробнее. Если ты думаешь, что я стану относиться к тебе иначе только потому, что твой отец — Томас Боуз, ты меня просто оскорбляешь. Неужели тебе кажется, что я поведу себя как-то по-другому, если узнаю, что семнадцать лет назад ты спасла жизнь... да что там, множество жизней? Если это единственная причина, по которой ты пытаешься вышвырнуть меня за дверь, то тебе не повезло: от меня так просто не отделаться.

— Не знаю даже, что и сказать на это.

— Если хочешь избавиться от меня, не используй Боуза в качестве предлога.

— Мне нужно сесть.

Она опустила на диван. Пес, явно решив, что Наоми нужно утешение, прокрался назад и положил голову ей на колени.

— Я не имела в виду ничего подобного, — пробормотала она и

погладила пса по голове. — На самом деле я не хотела избавиться ни от дома, ни от собаки. Ни от тебя. Я говорила себе, что так будет лучше. Не только для меня — для всех. Сам видишь, таким, как я, лучше не задерживаться подолгу на одном месте.

— Я так не думаю. Но ты так часто твердила себе это, что едва сама не поверила. Поверь ты этому окончательно, ни за что не купила бы дом. И не стала бы приводить его в порядок. Ни за что не оставила бы здесь пса, как бы я тебя ни уговаривал.

Ксандер вновь взял свое пиво.

— Ты могла бы переспать со мной... но наши отношения не вылились бы во что-то серьезное.

— Они и не должны были.

— Знаешь, в жизни многое идет не по плану. Возможно, мы оба собирались переспать друг с другом пару раз, а затем разбежаться. Но этого не произошло. Мы вместе, и это сработало как нельзя лучше.

Наоми расхохоталась:

— Боже, Ксандер, мое сердце просто трепещет от твоих романтических объяснений. Такое чувство, что мне прочли целый сонет.

— Тебе хочется романтики? Я могу принести цветы.

— Мне даже не во что их поставить, — вздохнула Наоми. — Я не люблю романтики и не знаю, что с ней делать. Мне нравится ощущать, что я прочно стою на земле. Но сегодня... когда я побывала на похоронах... Мне снова вспомнились все те, кто пострадал от рук отца. Я говорю не только про женщин, которых он убил. Я про тех, кто любил его.

— Жаль, что именно ты нашла Марлу. Мало того, что это само по себе неприятно, так еще и вызвало в тебе столько воспоминаний. Ты рассказала об этом убийстве брату? Или своим дядюшкам?

— Нет. Зачем возвращать их в прошлое? Я вообще ни с кем не собиралась говорить на эту тему.

— Как знаешь. Но ты успела подружиться с Кевином и Дженни. Умалчивая о своем прошлом, ты оказываешь дурную услугу и им, и себе.

— Примерно то же сказал мне Сэм Уинстон, когда говорил о тебе. Дурная услуга.

— А что еще он тебе сказал?

— Как только он подъехал, я сразу поняла, о чем пойдет речь.

Вздохнув, она снова погладила Тэга.

— Земля будто ушла у меня из-под ног. Конечно, я знала, что он будет копать — как-никак именно я нашла тело. И все же... Надо сказать, Сэм обошелся со мной по-доброму. Пообещал, что никому ничего не расскажет.

Понимаешь, до сих пор я тесно общалась только с близкими, а они и так обо всем знали. Если правда вдруг просачивалась наружу, я просто перебиралась в другое место... не дожидаясь неприятных перемен.

— Переезжала, даже не зная, произойдут ли эти перемены?

— Вроде того. Но я действовала, исходя из прошлого опыта. Это ужасно, когда люди меняются по отношению к тебе. Такое чувство, будто в тебе что-то умирает.

— Смотри, я сижу тут и пью пиво... о чем мечтал уже пару часов. В духовке греется ужин, а мы тем временем можем полюбоваться на закат. Ничто не изменилось, Наоми. Не изменилось и не изменится. Привыкай к этому.

Неужели он прав? Возможно ли это?

— Давай посидим тут еще немножко, чтобы я привыкла к этой мысли.

— Не возражаю.

* * *

Пару часов спустя, когда все в городе, не считая баров, закрылось на ночь, а улицы понемногу опустели, он привычно затаился в засаде.

К этому времени он успел досконально изучить график работы магазинов и ресторанов, расположенных вдоль главной улицы. Присмотреться к женщинам, которые закрывали эти магазины или уходили домой с вечерней смены.

Выбор пал на молоденькую блондинку, однако он не собирался привередничать. Если что-то сорвется, не страшно. По крайней мере, три девушки работали в пиццерии в вечернюю смену.

Кемпер^[8] он оставил на стоянке в двенадцати милях от города.

Знали бы они только, чем он занимался в своем домике на колесах, когда выпадал удобный случай! Он едва не захихикал от одной только мысли.

Наконец задняя дверь ресторана распахнулась.

На пороге, как по заказу, появилась сексуальная блондинка.

Совершенно одна.

Выскользнув из машины, он застыл на краю парковки. В руке у него была тряпка с хлороформом. Ему нравилось использовать снотворное. Никакой тебе суеты, все чисто и без проблем.

Он бросил взгляд на дверь ресторана, чтобы убедиться, что никто из посторонних не помешает игре, и сделал шаг вслед за блондинкой.

И тут же свет фар озарил парковку, заставив его вновь отпрыгнуть в темноту. Блондинка дождалась, пока машина подъедет поближе, и распахнула дверцу.

— Спасибо, папа.

— Не за что, детка.

Ему хотелось заорать в приступе ярости: машина уехала, оставив его в шаге от вожденной мечты.

Разочарование было так велико, что на глаза навернулись злые слезы. И тут дверь ресторана распахнулась вновь.

Две женщины шагнули за порог. До него донеслись голоса, донесся веселый смех.

Затем на улицу вышел парень. Девушка помоложе взяла его под руку, и они заспешили к воротам.

Оставшаяся женщина зашагала к своей машине. Уже в годах и не такая хорошенькая, как остальные. Да и не блондинка. Но ничего, сойдет.

Выискивая в сумочке ключ, она что-то напевала себе под нос.

Бесшумно приблизившись, он замер у нее за спиной. Намеренно помедлил, чтобы она ощутила неожиданный страх, чтобы сердце у нее замерло в дурном предчувствии.

А затем быстро накинул тряпку ей на лицо, прижал, заглушая невнятные крики. И подхватил обмякшее тело.

Потребовалось секунд двадцать на то, чтобы запихать обездвиженную жертву в машину и накрыть старым одеялом.

Из города он выезжал медленно, старательно следуя всем знакам. Даже радио включить не осмелился. И лишь за пределами жилых домов он открыл окна, чтобы остудить покрасневшееся лицо, бросил взгляд на бесформенную фигуру на заднем сиденье.

— Еще немного, и мы с тобой как следует позабавимся. Ты и не представляешь, что за ночька ждет нас впереди!

Фокус

Зритель нередко видит больше, чем игрок.

Джеймс Хауэлл

Двадцать один

Единственное, чего хотелось Ксандеру в воскресное утро, — это спать, спать и спать. В пятницу его дважды вытаскивали из постели в связи со срочным ремонтом, а после субботнего выступления — весьма удачного во всех отношениях — он и вовсе лег в два ночи.

Неудивительно, что пятичасовую побудку Тэга он встретил недовольным ворчанием.

— Я займусь собакой, — сказала Наоми.

Признательно буркнув что-то в ответ, Ксандер вновь погрузился в сон.

Проснулся он в полном одиночестве, тремя часами позже. Машинально провел рукой по лицу. Да уж, ему явно не помешает побриться! Впрочем, он тут же вспомнил, что сегодня воскресенье. А что толку бриться в выходной?

Больше всего на свете ему хотелось кофе. Встав, он надел джинсы. Тут же, на стуле, лежала рубашка — выстиранная и выглаженная. Он признательно натянул ее, радуясь тому, что не придется таскать пропахшую потом одежду.

Прикрыв за собой дверь спальни, он направился к лестнице, но в следующее мгновение до него донесся голос Наоми. Оставив на время мысли о кухне, Ксандер повернул к комнате, которая служила временным кабинетом.

Окна здесь были широко распахнуты, а у стола, довольно растянувшись, лежал пес.

Под солнечными лучами волосы Наоми переливались сотнями оттенков. Казалось, будто они сотканы из золота, бронзы и нежной карамели. Тихонько бормоча себе под нос, она что-то вырезала с помощью длинного инструмента. Из большого принтера выполз и упал в лоток лист размером с постер.

Ксандеру потребовалась пара секунд, чтобы понять, что это снимок его собственных рук, сжимающих книгу Джейн Остин.

Здесь же, у стены, стояли другие распечатки — фотографии его книг, снимки восхода над заливом. По соседству лежала целая стопка маленьких картинок.

Пес, приветственно стукнув хвостом, вскочил и приволок Ксандеру мячик.

Ксандер, рассеянно погладив пса по голове, вновь взглянул на Наоми.

Та подняла голову, и глаза их встретились. Буря чувств пронеслась в душе. На мгновение у него даже перехватило дыхание. И как только люди живут с этим?

Его собственная жизнь никогда уже не будет прежней. Любовь изменила все.

— Ты в порядке? — спросила Наоми.

Какой уж там порядок! Похоже, его надолго выбило из колеи.

Чтобы немного успокоиться, Ксандер повернулся к распечаткам.

— Похоже, ты провозилась тут все утро.

— У меня много заказов. Галерея, Интернет, Криста. Ты вчера поздно вернулся, — добавила она, доставая из принтера новый постер.

— Около двух, я думаю. Разбудил пса.

— Я слышала. Что ты думаешь об этих снимках? — кивнула она в сторону небольшой стопки.

Ксандер хотел было сказать, что шел за кофе, но тут вдруг заметил фото собственной группы. Взяв в руки пачку, он начал перебирать снимки.

— Господи, Наоми, это же здорово! Дейв и так места себе не находит — все думает, что ему выбрать для сайта. Смотрю, ты сделала кое-что в черно-белом цвете.

— Да, это создает особое настроение.

Ксандер положил снимки на место.

— Я хочу кофе.

— Приготовь сам. Мне надо кое-что доделать, потом я тоже спущусь вниз. И выпусти пса — не стоит ему сидеть дома в такой замечательный день.

Как только Ксандер повернулся к двери, Тэг тут же устремился вперед. Сбежав до середины лестницы, он внезапно замер и грозно зарычал.

— Иду, иду, — со вздохом сказал Ксандер. — И почему только я сразу не пошел за кофе?

Распахнув входную дверь, он увидел, что рядом с машиной Наоми припарковался чужой автомобиль. Водитель — высокий мужчина со светло-каштановыми волосами — выбрался наружу.

Мужчина бросил взгляд на пса, который стоял рядом с Ксандером, затем взглянул на самого Ксандера.

— И кто ты такой, позволь узнать?

— То же самое я хотел спросить у тебя, — ответил Ксандер в той же манере.

— Агент особого назначения Мейсон Карсон, ФБР. — Мейсон достал свое удостоверение. — Ну а теперь позволь узнать, кто ты такой.

— Все в порядке. — Ксандер положил руку на голову пса. — Я — Ксандер Китон.

Мейсон прищурился:

— Механик.

— Верно. Наоми наверху, заканчивает работу. Я бы тоже хотел вернуться в дом — за чашкой кофе.

Тэг обнюхал ботинки Мейсона, и тот потрепал его по голове.

— И часто ты пьешь здесь кофе?

— Случается.

— Я бы тоже не отказался от чашечки.

Тэг снова подбежал к Мейсону и бросил у его ног мячик. Тот улыбнулся, и в этой улыбке Ксандер увидел Наоми.

Он подождал, пока Мейсон кинет игрушку, после чего повел его в дом.

— Я могла бы приготовить... — начала Наоми, спускаясь по лестнице. — Мейсон! Господи, Мейсон.

Она не сошла, а буквально слетела вниз. Мейсон обнял ее, закружил. Наоми рассмеялась, на глазах у нее заблестели слезы.

— Что ты здесь делаешь? Почему не сказал, что приезжаешь? Господи, как же я по тебе соскучилась!

— И я соскучился, — улыбнулся он в ответ. — Итак, ты обзавелась домом. И собакой.

— Безумие с моей стороны, правда?

— А еще у тебя есть... механик.

Рассмеявшись, Наоми сжала его руку.

— Ксандер, это мой брат Мейсон.

— Да, мы уже пообщались. Пойду-ка я за кофе.

— Я сама приготовлю. Я покажу тебе дом, — обратилась она к Мейсону, — и начнем мы с кухни. Надолго ты приехал?

— М-м-м.

— Ты уже поел?

— Перехватил на пароме сэндвич.

— На пароме? Откуда ты приехал? Я думала, ты в Нью-Йорке.

Мейсон вновь пробормотал что-то неразборчивое, и Ксандер насторожился.

— Мне пришлось заглянуть в Сиэтл, — Мейсон замер на пороге кухни. — Боже, Наоми, это же потрясающе!

— Мне тоже нравится. Ксандер, проводи, пожалуйста, Мейсона на террасу, а я принесу нам кофе.

— Хорошо.

— Чудесный вид, — заметил Мейсон, когда Ксандер распахнул стеклянные двери. — Представляю, как это зацепило Наоми. И как давно ты спишь с моей сестрой?

— Об этом тебе лучше спросить у нее. Я же пока хочу поговорить с тобой о другом. О том, зачем ты здесь. Очевидно, что ты не просто в гостях.

— Через час я встречаюсь с начальником полиции.

— Стало быть, ты приехал по поводу Марлы.

— Марла Рот. Ты был с ней знаком.

— Да.

— Донну Ланьер ты тоже знаешь?

В груди у Ксандера что-то сжалось.

— Да. С ней что-то случилось?

— Пока не знаю. Если не возражаешь, я сам сообщу обо всем сестре.

Наоми вышла на террасу с подносом в руках.

— Шампанского у меня, к сожалению, нет, но...

— Кофе вполне достаточно, — обнял ее за плечи Мейсон. — Я думаю, ты сделала миллион снимков с этой террасы.

— Не меньше двух. Городок тоже очарователен. Но ты так и не сказал, надолго ли к нам.

— Пока не знаю.

Что-то в его тоне насторожило Наоми.

— Что-нибудь не так? — Она побледнела. — Сет или Гарри? Кто-то из них болен?

— Да нет, с ними все в порядке.

— Значит, что-то еще. Это Марла Рот, да? Ты приехал из-за этого убийства?

— Не мог же я оставить без внимания убийство, произошедшее рядом с домом моей сестры.

— Значит, ты приехал, чтобы поговорить с Сэмом Уинстоном.

— Я приехал поговорить с ним и повидаться с тобой.

— Не нужно ходить вокруг да около, Мейсон. Я же знаю, чем ты занимаешься.

— Дело не только в этом. Пропала еще одна женщина. Тоже из местных.

— Кто? Когда? Я... — Она повернулась к Ксандеру: — Ты знал об этом?

— Нет, и хватит кипятиться. Давно пропала?

— Донна Ланьер закрыла ресторан Ринальдо в пятницу вечером, в

одиннадцать сорок пять. Двое других работников ушли примерно в это же время. Они же были последними, кто ее видел. Донна собиралась ехать в Олимпию, чтобы провести выходные с сестрой. Но ее автомобиль по-прежнему на стоянке. С сестрой она так и не встретилась. Даже не созвонилась.

— Она могла передумать... — начала было Наоми.

— Ее сумка все еще в машине. Она собиралась ехать в Олимпию сразу после работы. Тем не менее с вечера пятницы никто о ней не слышал. Она не звонила, не отправляла сообщений и не пользовалась карточкой.

— Донна. Это та брюнетка? — повернулась к Ксандеру Наоми. — Около сорока, с приветливым лицом?

— Да. Они с Лу дружат еще со школы. Ты думаешь тот, кто убил Марлу, не просто воспользовался возможностью? — обратился он к Мейсону. — Думаешь, что то же самое могло произойти с Донной?

— Я не исключаю такой возможности. Но для начала мне нужно поговорить с вашим начальником полиции.

— Откуда ты вообще узнал обо всем? — резко спросила Наоми.

— Я связался с Уинстоном после истории с Марлой Рот. Неужели ты думала, что можно оставить это втайне от меня?

— Я ничего не сказала, потому что не видела в этом смысла. Не хотела попусту тревожить ни тебя, ни Сета с Гарри.

Мейсон пожал плечами:

— Я пообщался с Уинстоном насчет Марлы Рот и оставил ему свой телефон. На случай, если появится что-то новое. Вот он и позвонил.

— Надо было сказать мне, что ты общался с начальником полиции. Что ты приехал сюда по делу.

— Надо было сказать мне, что ты нашла труп едва ли не у себя во дворе.

— В следующий раз сообщу тебе первому.

— Не шути так.

— Я не шучу. — Наоми на мгновение прикрыла глаза. — Не понимаю, как у тебя хватает сил делать свою работу. Я знаю твои мотивы, горжусь тобой... и все же...

— Давай поговорим об этом позже. Наедине.

— Сэм Уинстон знает, кто мы такие. Он проверил меня сразу после того, как я обнаружила тело.

— Я догадался.

— Ксандер тоже знает. Я ему рассказала.

— Ты... — Мейсон ошеломленно взглянул на сестру, затем на

Ксандера. — Это правда?

— Да. Так что можешь спокойно говорить в моем присутствии.

— Пока что и говорить особо не о чем. Я должен повидаться с начальником полиции. — Он потрепал Наоми по плечу. — Я скоро вернусь, и тогда ты покажешь мне дом.

— Хорошо.

Он поцеловал ее в лоб и шагнул к двери.

— До встречи, — кивнул он Ксандеру.

Когда Мейсон вышел, Ксандер опустился на диван.

— Давай отдохнем минутку, ладно?

— Я хотела...

— Мне это нужно. Мне придется позвонить Лу. Наверняка до нее уже дошли слухи. Мы бы тоже обо всем услышали, если бы не выступали в субботу за городом.

Наоми подошла, села рядом.

— Мы посидим, а потом ты поедешь к ней в бар. Будет лучше, если ты поговоришь с ней лично, а не по телефону.

— Ты права. Но я не хочу оставлять тебя одну. До тех пор, по крайней мере, пока все не прояснится.

Наоми решила не спорить.

— Я поеду с тобой. Отправлю сообщение Мейсону и поеду с тобой.

Двадцать два

Мейсон, как и Наоми, нашел городок очаровательным. А уж то, что расположен он был у воды, добавляло еще больше привлекательности. Неплохо бы задержаться здесь на пару деньков — отдохнуть, взять в аренду каяк, который так любила фотографировать его сестра.

Жить бы он здесь не стал — в отличие от Наоми, Мейсон любил шум и толчею крупных городов. Ему нравилось встречаться, общаться, быть частью команды. Наоми предпочитала покой и уединение.

Мейсон пока не знал, что ему думать про Ксандера Китона и его связь с Наоми. То, что сестра с самого начала рассказала Китону про Боуза, позволяло предположить, что ей наконец-то удалось сформировать прочные отношения.

Сам Китон произвел на него впечатление человека, не просто уверенного в себе, но способного при случае защитить сестру. Для первого раза этого было вполне достаточно.

Свернув за угол, он увидел полицейский участок. Небольшая веранда у дома была недавно выкрашена и сияла чистотой.

Первым, кого он увидел внутри, был помощник шерифа. Он лениво взглянул на Мейсона:

— Могу я вам чем-нибудь помочь?

«Ты уже знаешь, кто я такой, и знаешь, зачем я здесь, — просчитал Мейсон. И тебе не нравится, что чужак лезет в дела города».

— Агент Мейсон Карсон. У меня встреча с шерифом Уинстоном.

По лицу помощника скользнула тень усмешки.

— Ваше удостоверение?

Мейсон начал вытаскивать удостоверение, но в этот момент в комнату вошел еще один мужчина с кружкой кофе в руке.

— Майк, — сказал он помощнику, — тот, кто карабкается слишком высоко, рискует разбить себе нос, — он протянул руку Мейсону: — Сэм Уинстон. Рад знакомству, агент Карсон.

— Весьма признателен, что вы согласились встретиться со мной.

Вместе они прошли в офис шерифа, откуда открывался вид на гавань. Сэм уселся за стол, кивнул Мейсону на свободный стул.

— Сразу должен сказать, нам так и не удалось связаться с Донной Ланьер. Машина по-прежнему на стоянке, заперта. Ключи мы обнаружили под ней. Очевидно, что все произошло именно там.

Мейсон кивнул:

— Я хотел бы осмотреть стоянку и жилье миссис Ланьер.

— Разумеется. Хочу сразу внести ясность, агент Карсон. Донна Ланьер не из тех, кто готов бросить все и сбежать на парочку дней. У нее есть дочь, которую она любит, и работа, которую она ценит. Я не верю, что она могла вот так вот сорваться и уехать неизвестно куда, не предупредив ни одного человека.

— Понимаю. Но мне хотелось бы самому вникнуть в дело. Сторонний человек может увидеть порой то, на что местные просто не обратят внимания.

Сэм мрачно кивнул.

— Я не собираюсь навязывать вам своего мнения, но скажу вот что. Я знаю людей, которые живут в этом городе. И я уверен: ни один из них не мог сделать того, что сделали с Марлой. В Санрайз Ков хватает туристов. Они приезжают сюда на недельку, на пару деньков — отдохнуть на море, пожить в лесу. И вот их-то я как раз не знаю.

— Вы считаете, Марлу Рот убил кто-то посторонний.

— Не сомневаюсь в этом.

— Я знаю, Марла была замужем за Чипом Питерсом. Почему они развелись?

— Она так захотела. Ей всегда хотелось большего. Чего — один бог знает, но тем не менее. Не зря же она в тот вечер набросилась на вашу сестру.

— Простите?

Сэм откинулся на спинку стула.

— А вы не знали? Видите ли, Марла редко отступалась от желаемого. А в последнее время она решила, что ей нужен Ксандер Китон.

— Китон.

— Именно. Ксандер, похоже, относился к ней без особого восторга. К тому же они друзья с Чипом, а для него это главное. Вдобавок — и это тоже было очевидно — он с самого начала положил глаз на вашу сестру.

— И где произошла стычка? В баре?

— Да. Марла пару раз пихнула Наоми, та попросила ее уняться. Но Марлу уже было не остановить. Тогда Наоми вывернула ей руку, так что Марла в буквальном смысле села на пол. Потом Наоми уехала, а Марла — на тот момент она была здорово пьяна — поцапалась с подружкой и выскочила из бара. С тех пор никто о ней не слышал... до того момента, как Наоми нашла под обрывом ее тело.

Мейсон постарался говорить спокойно.

— Наверняка вы проверили прошлое Наоми.

— Конечно.

— Стало быть, вы знаете, что Томас Боуз — наш отец.

— Верно, но это ничего не значит. Я не так давно знаком с Наоми, но готов спорить, что она не имеет ничего общего с этими исчезновениями.

— А как насчет Китона?

— Его я тоже не подозреваю. Не нужно быть психологом, чтобы понять, что он за человек. Настоящий работяга, но с деловой хваткой. Читает запоем — ни у кого я не видел столько книг, сколько у Китона. Организовал собственную группу — они выступают в местных барах. Поверьте, их стоит послушать. Пару раз я видел его с вашей сестрой — ни на кого он не смотрит так, как на нее. — Сэм улыбнулся. — Похоже, это серьезно.

Сэм встал, прошелся по комнате.

— Ксандер с симпатией относился к Донне. Мы все ее любим. Меня мутит при одной мысли о том, что она может быть в руках у того типа. И если вы мне хоть в чем-то поможете, я буду очень признателен. В пятницу вместе с Донной работала молоденькая девушка, Макси Аптон. Обычно она уезжает с той же стоянки, но на этот раз ее машина была в ремонте — Ксандер взялся заменить все шины. Пообещал сделать все быстро при условии, что Макси не пойдет домой одна, а позвонит отцу. Из пиццерии она вышла за несколько минут до Донны, и ее практически сразу подхватил отец.

— Того же типа, что Марла Рот?

— Моложе, но внешне похожа. Хорошенькая блондинка. Вот я и думаю, не она ли была главной целью того типа?

— Вполне возможно. Не исключено, что он из тех, кто пользуется подвернувшейся возможностью. Заметил на улице Марлу и пошел на дело. То же самое произошло с Донной Ланьер. Марлу Рот он держал у себя два дня, после чего бросил ее тело за городом. Это значит, его стоянка где-то недалеко, в пределах, скажем, двадцати миль. И без машины тут не обойтись. Но вы, я думаю, и так это просчитали.

— В общем и целом, — кивнул Сэм. — Вокруг города много съемных домиков. Мы проверили те, что расположены достаточно близко.

— Возможно, вам стоит расширить территорию. Присмотреться к тем, кто устраивается в зоне Национального парка. Там тихо — идеальное место, чтобы скрыться от посторонних глаз.

Он умолк, пытаясь систематизировать свои мысли, после чего продолжил:

— Очевидно, что мы имеем дело с сексуальным садистом. Ему нравится мучить свои жертвы. И хоть убийство — главная цель, он понимает, что со смертью жертвы удовольствию приходит конец. Марлу Рот он держал двое суток. И раз уж вы не нашли второе тело, Донна Ланьер все еще у него.

— Видимо, так.

— Этот человек знаком с городками вроде вашего. Здесь легко подобрать жертву, поскольку люди не привыкли остерегаться. Думаю также, это не первое его убийство.

Сэм быстро наклонился вперед.

— Я и сам подумал то же самое. Этому типу уже случалось убивать.

— Его метод слишком эффективен для новичка. Полагаю, вы не нашли отпечатков пальцев — он достаточно умен, чтобы пользоваться перчатками и презервативом. Это свидетельствует об определенном самоконтроле. Что касается общения с местными, он скорее всего ведет себя достаточно дружелюбно, но держится в тени.

Сэм энергично кивнул:

— Один из тех, кто не ввязывается в неприятности.

— Именно. Почти уверен, что он ел в той самой пиццерии. К сожалению, это пока все. Больше я смогу сказать лишь после того, как мы обнаружим тело.

Сэм вздохнул:

— Получается, если нам не удастся найти преступника достаточно быстро, Донну ничто не спасет.

— Если взять за основу похищение Марлы Рот, Донну он должен убить сегодня вечером. После этого он избавится от трупа — прятать не станет, а бросит там, где его можно легко обнаружить. Простите, но это так.

— Похоже на правду. Почему бы вам не подождать несколько минут? Я проверю всех, кто арендует домики в окрестностях города и на территории парка. Охвачу кольцо в двадцать пять миль. Потом отвезу вас домой к Донне и на стоянку. Так вы лучше поймете, о чем идет речь.

— Хорошо. — Мейсон встал. — Не найдется у вас пока чашечки кофе?

— Кофе у нас достаточно, — улыбнулся Сэм, — в комнате отдыха. Там же есть зеленый чай.

— Спасибо, но я, пожалуй, обойдусь кофе.

В доме над обрывом Наоми прочла текст сообщения.

— Мейсон пишет, что задержится еще на пару часов. Ты точно хочешь, чтобы я поехала с тобой к Лу? Вдруг она почувствует себя неудобно?

— Если это случится, я выставлю тебя за дверь.

— Довольно жестко, но честно. — Она задумчиво взглянула на Ксандера: — А как насчет Тэга? Брать его с собой?

— Лу любит собак.

— Это хорошо, поскольку он умеет располагать к себе. Ладно, пойду приоденусь, и можем ехать.

— Зачем? — Взяв Наоми за руку, он потянул ее из комнаты. — Мы же не на вечеринку.

— Но я даже не накрашена.

— Ты и так красивая.

Поймав на себе ее удивленный взгляд, он добавил:

— Очевидная вещь, правда? Ты же смотришься в зеркало.

— Все равно приятно услышать это от тебя.

Поскольку поездка с собакой исключала мотоцикл, Ксандер направился к машине Наоми.

— Я поведу, — сказал он, забираясь на водительское сиденье. Наоми пристроилась рядом, щелкнула ремнем безопасности.

— А где, собственно, живет Лу?

— Над баром. У нее там квартира. Черт, я даже не знаю, что ей сказать.

— Ничего, на месте поймешь. Ты же чувствуешь людей.

Припарковавшись, он с минуту разглядывал здание.

— Она в баре, — заметил он наконец. — Свет включен, а открытие не раньше четырех.

Они выбрались из машины. Порывшись в карманах, Ксандер достал ключи и открыл дверь бара.

Внутри гремела музыка. Какая-то рок-группа, распознать которую Наоми так и не смогла. Все стулья были убраны. Лу, в потертых джинсах и черной футболке, яростно натирала тряпкой пол.

Ксандер, не сказав ни слова, зашел за стойку и выключил звук. Лу резко обернулась, сжимая тряпку, будто биту, но тут же расслабилась.

— У тебя лопнут барабанные перепонки.

— Рок и должен быть громким.

— И с какой стати ты возишься тут с тряпкой?

— Решила немного разнообразить свою работу. А ты с какой стати тут, а не у той блондинки? Помнится, ты все пытался залезть ей в штанишки.

— Я привез ее с собой.

Заметив Наоми, Лу чертыхнулась сквозь сжатые зубы. Не успела она, впрочем, ничего сказать, как Тэг выступил вперед, явно решив, что пришло время поздороваться.

— Это и есть тот полудохлый пес, которого вы нашли?

— Он самый.

— Выглядит вполне здоровым. — Лу потрепала собаку по голове. — Ладно, очень мило, что вы сюда заглянули, но мне еще нужно закончить работу. По-хорошему, мне бы закрыться на недельку, вычистить здесь все как следует...

Она отвернулась, продолжая сжимать мокрую тряпку.

Ксандер, вздохнув, взъерошил волосы. Затем подошел к Лу и молча притянул ее к себе.

— Мне нужно закончить! Черт возьми, я хочу домыть пол...

— Ну же, Лу.

Обмякнув, она взглянула ему в лицо.

— Ксандер, мне так страшно. Донна. Где она? Что с ней? Как такое вообще могло случиться?

Прижавшись головой к его плечу, она дала волю слезам.

Двадцать три

Не зная, чем еще заняться, Наоми принялась изучать машину для горячих напитков. В конце концов она остановила свой выбор на кофе. Достав кружки, она стала подбирать состав.

Лу тем временем успела слегка успокоиться.

— Просто не знаю, чем себя занять, — вздохнула она. — Мне все время нужно что-то делать.

Ксандер подвел ее к кабинке, усадил за столик.

— Я готовлю кофе, — сообщила Наоми.

— По правде говоря, я бы предпочла виски, — пробормотала Лу.

— Значит, ирландский кофе, — кивнула Наоми. — Ксандер?

— Мне колу.

Тэг тем временем забрался под стол, положил голову Лу на колени. У него был свой подход к людям.

— Донна неделями твердила об этой поездке, — сказала Лу. — Уговаривала и меня ехать. Я бы и рада была составить ей компанию, но я на дух не переношу ее сестрицу. Если бы я все-таки согласилась... она бы не осталась в тот вечер совсем одна. Я бы за ней заехала.

— Не исключено, что в этом случае искали бы не ее, а тебя.

— Глупости! Я умею постоять за себя. А Донна... она другая.

Наоми подошла к столику, поставила колу и чашку с кофе.

— Давайте, я прогуляюсь с собакой, а вы пока тут поговорите.

— Не надо его уводить. — Лу погладила Тэга по голове. — И ты присядь.

Сделав глоток из своей кружки, она с удивлением взглянула на Наоми.

— Замечательный кофе.

— Я училась у мастера. Не знаю, поможет ли это, но мой брат сейчас здесь. Встречается с шерифом Уинстоном. Он работает на ФБР.

— Донну похитили в пятницу вечером. Она до сих пор у этого ублюдка. В городе только и говорят о том, что он сделал с Марлой...

— Не надо думать об этом, Лу, — Ксандер сжал ее руку, — иначе мы просто сойдем с ума.

Пожав плечами, она снова взялась за кофе.

— Тебе надо отвлечься, — заметил Ксандер. — Не хочешь пообедать с нами? Мы могли бы посидеть в каком-нибудь ресторане.

— Уж лучше я продолжу чистку, — покачала головой Лу. — Ничто так

не успокаивает, как интенсивная работа. А вы идите. И собаку заберите. А то как бы я не решила оставить ее у себя.

— Если что-то будет нужно, позвони мне.

— Конечно. А пока я буду надеяться на то, что с Донной все в порядке. Что очень скоро она объявится сама, живая и невредимая.

Ксандер с Наоми направились к выходу, а Лу вновь взялась за свою тряпку.

* * *

Решив, что Мейсон останется хотя бы на ночь, Наоми затащила Ксандера на местный рынок, чтобы запастись продуктами. И почти сразу об этом пожалела — едва ли не каждый встречный спрашивал у Ксандера про Донну, интересовался новостями.

— Может, Мейсон сумеет что-нибудь разузнать, — заметила она, усаживаясь в машину. — Я знаю, он мой брат, но он чертовски умен. Все замечает, ничего не забывает. Поначалу я ужасно злилась на него за то, что он решил пойти в ФБР, чтобы ловить серийных убийц. Почему бы не оставить былое прошлое? В конце концов, он мог бы стать обычным доктором.

Когда Ксандер подъехал к дому, Наоми первой вышла из машины.

— Я знаю, что Мейсон спасает чужие жизни, и горжусь этим. Остается лишь примириться с тем, что значительную часть своего времени он проводит во тьме, разыскивая таких, как мой отец.

— Точнее, он рассеивает эту тьму.

Наоми замерла с сумкой в руках.

— Пожалуй. Твоя интерпретация нравится мне куда больше моей.

На кухне они выгрузили покупки, и Наоми достала бутылку вина.

— Тебе нравятся свиные отбивные, фаршированные помидорами и грибами?

— Очень может быть.

— Это очень хорошо, потому что именно их я буду готовить на ужин. Вместе с жареным картофелем, тушеным аспарагусом и ванильным крем-брюле.

— Ни за что не пропущу этот ужин.

— Прекрасно. Тогда я приступаю.

— Дай и мне какую-нибудь работу.

Тоже хочет заглушить беспокойство, подумала Наоми.

— Я купила у Сесила стол и четыре стула. Хотела, чтобы Кевин отвез их прямо к Дженни. С другой стороны, если ты привезешь их сюда, мы сможем поужинать за настоящим столом.

— Позвони Сесилу, скажи, что я подъеду. Это избавит меня от лишних объяснений.

Оставшись в одиночестве, Наоми довольно потерла руки: «Что ж, приступим к готовке».

Этот процесс отвлек ее, заставил на время забыть о Донне. Она терла и нарезала, поджаривала и кипятила.

Прошло, должно быть, не меньше часа, прежде чем на террасе появился Ксандер со стульями в руках.

— Сесилу пришлось поклясться, что это именно те стулья, которые ты купила, — заметил он, скептически разглядывая облупившееся дерево, протертые сиденья.

— Это замечательные стулья. Просто сначала их нужно привести в порядок. Заново обить, покрасить.

— И кто будет этим заниматься?

— Дженни. Это по ее части. А как насчет стола?

— Стол неплох.

— Я не о том. Помочь тебе вытащить его из машины?

— Это подождет.

Ксандер вышел из комнаты, а когда вернулся, в руках у него был огромный букет сирени. Душистые ветки стояли в ярко-голубом кувшине.

— Это тебе, — заявил он, опуская букет на стол. — Сразу с вазой. Сирень пришлось украсть, а вот кувшин я честно купил.

Наоми ошеломленно смотрела на Ксандера.

— Я... даже не знаю, что сказать. Чудесный букет, спасибо тебе большое.

— Да не за что. Пойду почищу стулья, чтобы на них хоть сидеть можно было.

Он вышел на веранду, а Наоми напомнила себе о том, что ее ждут свиные отбивные. Первым делом, впрочем, она достала телефон и сфотографировала букет под разными углами.

К тому моменту, когда она взялась за начинку, с улицы раздался голос Мейсона. В следующее мгновение он поднялся по ступенькам на террасу.

Ксандер заглянул на кухню.

— Сейчас мы с Мейсоном притащим стол. Стулья я почистил, но красивее они от этого не стали.

— Ничего, Дженни приведет их в порядок.

Пока она заканчивала с начинкой, Ксандер и Мейсон внесли на кухню стол. Мейсон принялся.

— Да это же... свиные отбивные!

— Все, как ты любишь. — Поставив блюдо в духовку, она повернулась к брату: — Мейсон, почему бы тебе не рассказать нам о своей встрече с шерифом Уинстоном? Потом мы могли бы спокойно поужинать.

— Я бы не сказал, что мне удалось узнать много нового. Судя по всему, Донну Ланьер похитили прямо с парковки, после того как она вышла с работы. За несколько минут до нее из здания вышла еще одна девушка, Макси Аптон. Обычно она ставит машину в той же части парковки, но в пятницу ее автомобиль был в гараже. В твоём, — добавил он, обращаясь к Ксандеру.

— Да, Макси собиралась идти домой пешком, но я настоял, чтобы она позвонила отцу.

— Ей повезло, что ты проявил такую предусмотрительность.

Выпрямившись, Ксандер внимательно взглянул на Мейсона.

— Хочешь сказать, тот тип охотился на Макси? Ждал, пока она выйдет к машине?

— Вполне возможно. Она моложе Донны, блондинка. Гораздо больше похожа на первую жертву.

— А на Донну он напал только потому, что она была там? — спросила Наоми.

— Скорее всего. Шериф Уинстон уже проверил схожие преступления, но я намерен сделать это снова, включив сюда тех женщин, которые числятся пропавшими. Уинстон — хороший коп. Умный, внимательный, не склонный отвергать чужое мнение. Он сделает все, что в его силах, а я тем временем попытаюсь помочь.

Наоми подошла к брату, обняла его.

— Как бы то ни было, я рада, что ты здесь. Поживешь у меня пару деньков?

— Пожалуй. До завтра точно останусь. Ну а сейчас мне надо переодеться. В машине у меня сумка с одеждой, пойду заберу. Покажешь, где моя койка?

— Пока что это и правда койка. Но к следующему визиту обещаю тебе настоящую кровать. — Она взглянула на Ксандера: — Я сейчас вернусь.

Они вышли, а Ксандер подошел к окну, всмотрелся в вечерние сумерки. Ее брат согласился остаться на ночь, поскольку ждал, что наутро найдут тело Донны.

После ужина Ксандер встал из-за стола.

— Ладно, мне пора.

— То есть как? — удивленно взглянула на него Наоми.

— У тебя полно своих дел, у меня — своих. Спасибо за ужин. Еще увидимся, — кивнул он Мейсону и вышел.

Наоми тоже встала и начала убирать посуду.

— Присядь на минутку, — сказал Мейсон. — Я хочу кое-что спросить. Насколько у вас серьезно с этим механиком?

— У механика есть имя.

— Это верно, но мне еще нужно привыкнуть к мысли, что моя отшельница-сестра обзавелась внезапно домом в центре курорта, собакой и каким-то непонятным парнем.

— Вообще-то Тэга я не собиралась заводить. Он тут сам прижился.

— Ты уклоняешься от ответа.

— Я не уклоняюсь. Просто я сама еще не успела разобраться в наших отношениях.

— Ответь мне, по крайней мере, ты с ним счастлива?

— Да. И для меня это полная неожиданность. Я не привыкла к подобным эмоциям.

— Что ж, в этом случае мне и правда придется называть его Ксандером.

Улыбнувшись, он встал из-за стола и принялся помогать Наоми с уборкой.

В два ночи он сел в машину и поехал в тихий лесок возле обрыва. Труп он завернул в обычную пленку — так было надежней. Полиция, возможно, уже выставила патрули, но ему в это не особо верилось — слишком рано для экстренных мер.

С некоторым трудом подняв тело, он вынес его из машины. Тяжеловата, что и говорить. Ему нравились женщины постройнее.

Вообще она оказалась настоящим разочарованием. Никакой тебе дерзости, никакого вызова. Ему нравилось, когда жертвы сопротивлялись, а эта сдалась уже через пару часов. И убил ее он едва ли не со скуки.

Местность он изучил заранее, пользуясь фотографиями с сайта Наоми, и теперь без труда обнаружил то, что искал, — поваленное дерево неподалеку от туристической тропы. Бросив на землю тело, он скатал пленку и убрал в сумку.

Затем достал телефон и включил камеру. Еще один снимок на память. Пусть Донна Ланьер присоединится к его коллекции.

Потом повернулся и зашагал прочь, даже не оглянувшись на убитую им женщину. Та уже принадлежала прошлому, а его мысли витали в будущем.

Возвращаясь по окружной дороге, он бросил взгляд на дом, высившийся на обрыве.

«Спи, Наоми, — подумал он. — Отдыхай в свое удовольствие. Скоро мы встретимся. Ждать уже недолго».

Двадцать четыре

Молодая пара из Спокана, отправившаяся в лес на прогулку, обнаружила тело в понедельник днем.

В скором времени Сэм Уинстон стоял над мертвой женщиной, которую знал три десятилетия и о которой мог сказать только хорошее.

Почти сразу к нему присоединился Мейсон.

— Я все-таки надеялся, что до этого не дойдет.

— Мне очень жаль, шериф. Искренне вам сочувствую.

Осторожно, стараясь ни к чему не прикоснуться, Мейсон наклонился вперед и принялся разглядывать труп.

— Не возражаете, если я сделаю несколько снимков?

— Конечно нет. Мы и сами сейчас начнем работу. Мне просто хотелось... попрощаться с ней.

Сэм всмотрелся в лесную чащу, которая с приближением лета становилась все зеленей.

— Для начала нужно огородить место, провести необходимые процедуры. Потом мне предстоит встретиться с дочерью Донны и с ее сестрой.

— Если хотите, я могу поехать с вами.

— Признателен за предложение, но лучше я сделаю это один. Возможно, им будет немножко легче, если они узнают обо всем от знакомого.

* * *

Наоми понимала, что с убийством процедура расследования принимала официальный характер. Но она не могла допустить, чтобы Ксандер узнал о случившемся от полицейских.

Войдя в гараж, она окликнула одного из механиков:

— Ксандер на месте?

— Да, в дальнем боксе. Идите прямо, затем направо.

Ксандер копался в моторе, руки по локоть были выпачканы в масле. Со всех сторон грохотали машины, громко звучала музыка.

— Ксандер.

Хватило лишь слова, чтобы он услышал ее. Глаза его заволокло

печалью.

— Мне так жаль...

Быстро отвернувшись, он подошел к раковине, принялся счищать с рук пятна грязи.

— Где ее нашли?

— Точно не знаю. Где-то в лесу. Шериф позвонил Мейсону, и тот сразу уехал.

Ксандер кивнул, продолжая начищать руки чем-то похожим на тальк.

— Мне нужно ехать к Лу, — сказал он, открывая воду.

— Конечно. Нельзя бросать ее в такую минуту. Только позвони мне, пожалуйста, если решишь переночевать в городе.

— Я приеду, только не знаю пока, в какое время. Если останешься дома одна, обязательно запри двери.

— Я так и сделаю. Не беспокойся обо мне.

Вернувшись домой, Наоми закрылась в своем временном кабинете, чтобы не общаться ни с кем из рабочих. Время тянулось невыносимо медленно. В конце концов, не выдержав, она повела Тэга во двор.

Пес счастливо бегал за мячиком, когда Наоми увидела выходящего из дома Кевина. По выражению лица сразу стало ясно, что он обо всем знает.

— Ксандер позвонил мне. Сказал, что будет в течение часа. Как хочешь, Наоми, но я задержусь здесь до его приезда. Или до возвращения твоего брата.

— Я понимаю. Давай тогда поднимемся наверх, посидим там.

— Ксандер сказал, с Донной поступили так же, как с Марлой. — В сопровождении пса они зашагали к дому. — Только тело бросили не у обрыва, а в лесу. Наоми, тебе нельзя больше гулять в одиночку. До тех пор, во всяком случае, пока его не найдут.

— Я и не собираюсь, не беспокойся за меня.

В ее лесу, подумала она. Сначала у подножия ее обрыва, а теперь в лесу. Снова рядом с домом.

Усадив Кевина, она присела рядом. Они заговорили про дом и про ремонт, стараясь избегать всего, что так или иначе было связано с Донной. В какой-то момент пес вскочил и бросился к выходу.

— Ксандер, — сказала Кевину Наоми. — Пес как-то узнает, что это он, и больше не лает.

Она поднялась, когда в комнату вслед за собакой вошел Ксандер.

— Как там Лу?

— Для нее это стало настоящим ударом. Но она все-таки взяла себя в руки. Лу сейчас дома у Донны, разговаривает с ее дочерью.

— Мне тоже пора, — поднялся Кевин.

Попрощавшись, он скрылся за дверью. Ксандер сел на его место.

— Кевин сказал, Донну нашли в лесу.

— Верно. И мне не нравится, что это снова в окрестностях твоего дома.

— Ну, это понятно. Местность не самая оживленная, машин на дороге мало...

Пес громко тьякнул и снова устремился к двери. В следующее мгновение из-за угла показался Мейсон.

— Мне нужно сделать пару звонков, потом я присоединюсь к вам, — сказал он.

— А я пока посмотрю, что можно приготовить на ужин, — кивнула Наоми.

— Если хочешь, я закажу пиццу, — пожал плечами Ксандер. — Тогда тебе не придется возиться у плиты.

— Нет уж, лучше готовка. Это всегда успокаивает.

Проверив содержимое шкафчиков и холодильника, она остановила выбор на куриной грудке с рисом и овощами.

— Умеешь чистить морковь? — спросила она у Ксандера.

— Пожалуй, — нахмурился он.

Наоми вынула из холодильника овощи, достала специальный нож и вручила все Ксандеру.

— Приступай.

Сама она занялась разделкой курицы.

Вернувшийся на кухню Мейсон застал Ксандера с морковкой в руках, которую тот старательно очищал от шкурки. Наоми тем временем взялась за специи.

— Не забыл, как резать цветную капусту? — спросила она у Мейсона.

— М-м-м.

— Тогда за дело.

Какое-то время они работали молча. Затем Мейсон отложил свой нож.

— Ладно, расскажу, что успел узнать. По всем признакам, Марлу Рот и Донну Ланьер убил один и тот же тип. Как и шериф Уинстон, я уверен в том, что Донна не была для него главной целью. Он похитил ее только потому, что другая добыча от него ускользнула.

— У него есть определенный тип, и Наоми прекрасно в него вписывается.

— Верно. Вот почему я надеюсь, что она примет все необходимые меры предосторожности.

— Я же сказала, что буду осторожна.

— Ты могла бы пожить пару неделек в Сиэтле, — предложил Ксандер. — Походи по магазинам, поработай над снимками. За это время, я думаю, что-то прояснится.

— Вот еще, — пожала плечами Наоми.

— Она не поедет, — сказал Ксандеру Мейсон. — Я и сам хотел предложить это, но быстро понял, что бесполезно.

Улыбнувшись, Наоми принялась нарезать кубиками очищенную морковь.

— Вы двое можете быть свободны, — заявила она. — Выгуляйте пса, прогуляйтесь сами. Ужин через полчаса.

— Ты приехал на мотоцикле? — спросил у Ксандера Мейсон.

— Да.

— Не возражаешь, если я взгляну на него?

— Да ради бога. — Ксандер первым вышел во двор.

— Никогда не катался на такой штуке. — Мейсон принялся внимательно осматривать мотоцикл. — Выглядит внушительно.

Он обошел байк с другой стороны.

— Не возражаешь, если я прокачусь?

— А ты уверен, что справишься?

— Как-никак я — агент ФБР. А любой уважающий себя агент должен водить мотоцикл.

Рассмеявшись, Ксандер протянул ему шлем.

— Тогда вперед. Врежешься во что-нибудь, будешь сам платить за ремонт.

Мейсон с довольным видом устроился на сиденье.

— И что я должен делать теперь?

В скором времени, привлеченная ревом мотора и воинственным криками Мейсона, во двор вышла Наоми.

— Я только... это что, Мейсон на твоём мотоцикле?

— Да. — Ксандер с собакой наблюдали за всем со ступеней веранды.

— И когда он научился водить мотоцикл?

— Как я понимаю, только что.

— Господи. Останови его, а то он разобьется.

— Не волнуйся, мамочка, с ним все будет в порядке.

Наоми недовольно хмыкнула:

— Скажи, пусть слезает, а то ужин остынет.

— Это другое дело.

Поднявшись, Ксандер направился к Мейсону, который выписывал

очередную петлю. Ее брат и правда схватывал все на лету.

Двадцать пять

С приездом Лело к шуму и грохоту в доме прибавились шум и грохот во дворе.

Наоми принесла фотоаппарат и стала снимать, как трактор выкорчевывает старые кусты и уродливые пни, которые так портили картину.

Продержавшись в этом аду пару часов, она сбежала наконец в дом и тут же схватила плеер с наушниками. Сделав музыку погромче, она принялась работать.

И едва не подскочила на стуле, когда кто-то хлопнул ее по плечу.

— Мейсон! Я и не знала, что ты вернулся.

— Завтра я собираюсь в Сиэтл, а пока что хочу поработать немного на террасе.

— На террасе? Среди этого грохота?

— Я могу работать где угодно. — Он наклонился к экрану компьютера, по которому проплывали снимки. — Симпатичные фото. Делала здесь же, в лесу?

— Да. Хочу обработать их, обрезать до формата открыток.

— Постой-ка, а это что?

— Просто бревно, а вокруг него молоденькая поросль.

— Симпатично, — повторил Мейсон. — Давно этот снимок висит у тебя на сайте?

— Недели две, я думаю.

— Ясно. Ну что ж, я на террасу.

Только она возобновила работу, как кто-то вновь хлопнул по плечу.

— Прости, — сказал Кевин, — но я хотел сказать, что ты можешь перебраться в свою студию.

— Неужели все готово?

— Да, так что завтра мы начнем приводить в порядок эту комнату.

Вместе они подошли к новому кабинету. Распахнув дверь, Наоми замерла на пороге.

У одной стены стоял стол, который она выторговала у Сесила. Только теперь он выглядел как новенький. Прочее оборудование тоже находилось в комнате — расставлено все было именно так, как она указала на схеме. На стенах висели некоторые из ее работ.

Посреди комнаты стояла Дженни, взволнованно прижимая к груди

руки.

— Скажи, что тебе это нравится! Пожалуйста...

— Я... господи! Конечно, нравится! Разве может это не понравиться?

Я и не знала, что ты привела в порядок стол.

— Сюрприз! — улыбнулась Дженни.

— Спасибо тебе огромное. Вам спасибо!

— Теперь ты можешь устроиться в своем новом кресле и как следует поработать!

— Знаешь, так я и сделаю.

Дженни и Кевин ушли, а Наоми уселась за стол и снова принялась листать снимки. Удовольствие работать в новом, прекрасно организованном месте заставило ее забыть о времени.

Когда она бросила наконец взгляд на часы, стало ясно, что пора приниматься за ужин.

Сбежав по лестнице, она буквально впорхнула в кухню. И обнаружила тут Мейсона. На столе перед ним стоял открытый ноутбук, рядом дымились кружка с горячим кофе. Вокруг были разложены какие-то карты.

— Ты же собирался поработать на террасе.

— Мне нужно больше места.

— Я вижу. Ты сиди, а я займусь пока креветками...

— Я попросил Ксандера купить пиццу. Он сейчас будет.

Наоми, успевшая открыть холодильник, вновь закрыла дверцу.

— Почему бы мне тогда не пойти на террасу и...

— Почему бы тебе не сесть? Я хочу кое-что сказать.

Пес, мирно лежавший на полу, вскочил и бросился к двери.

— А вот и Ксандер с пиццей. — Наоми попыталась встать, но Мейсон сжал ее руку.

Ксандер вошел на кухню, бросил на стойку коробку.

— Что тебе удалось обнаружить?

Мейсон застучал по клавишам ноутбука.

— Начнем с этого снимка. Помнишь, то самое бревно, которое ты сфотографировала в лесу, неподалеку от дома.

— И что с того? — нахмурилась Наоми.

— А вот этот снимок я сделал вчера, когда нашли Донну. Видишь, они практически идентичны. Тело Донны бросили у этого бревна, в стороне от тропы. Меня еще вчера заинтересовал этот момент. Зачем тащить тело по лесу, если можно было спокойно оставить его на дорожке?

— Может, он хотел, чтобы Донну нашли не сразу?

— А смысл? Для него это явно не принципиально. Но это не все. Вот

снимок с твоего сайта. — Мейсон вывел на экран фото обрыва. — Он висел там пару месяцев. И вот такой же. С места, где нашли Марлу Рот.

Наоми почувствовала, как по спине у нее побежали мурашки.

— С какой стати ему использовать мои снимки как указание на то, где оставлять тела? В этом нет никакого смысла.

Ксандер подошел к ней сзади, сжал ее за плечи.

— А в том, что он сделал с Марлой и Донной, есть какой-нибудь смысл?

— Нет, конечно, но...

— Это еще не все.

— Что ты хочешь сказать?

— Вот снимок, который ты сделала в феврале в Долине Смерти. И вот еще один — мне прислали его местные копы. Там тоже обнаружили тело. Жертва — двадцати с небольшим лет, блондинка. Жила и работала в Вегасе. Танцевала в стрип-баре, и все такое. В преступлении тогда обвинили ее сутенера.

Мейсон вывел на экран новую пару снимков.

— На Рождество ты прилетала домой.

— Верно.

— Слева — твоё фото из Баттери-парка. Рядом — снимок с места преступления. Тоже девица легкого поведения. Двадцать лет, блондинка. Тут явно прослеживается схема.

— Но Донна не была блондинкой.

— Донна не была главной его целью, Наоми.

Она почувствовала, как все сжалось в груди.

— Получается, он использует мои фото. Скольких еще ты обнаружил?

— Четверых. Не считая тех, которые числятся пропавшими. Наоми, мне нужны даты. Даты и места. Я хочу знать, где ты снимала на протяжении двух последних лет. Ты же отслеживаешь подобные вещи?

— Да, я веду журнал. Там есть все с того момента, как я уехала из Нью-Йорка... все, за последние шесть лет. — Она покачала головой. — Выходит, он идет за мной по пятам.

— Он не следует за тобой. Он тебя выслеживает, — поправил ее Ксандер. — Все эти блондинки... Для него каждая из них — это ты.

— Почему же он ни разу не попытался напасть на меня? Если остальные — всего лишь суррогат, почему он предпочитает игнорировать меня?

— Потому что тогда все будет кончено, — пожал плечами Ксандер. — И он прекрасно это понимает.

— Я тоже так думаю, — кивнул Мейсон. — Я успел связаться с начальством. Они присылают сюда группу расследования. Этот тип умен, осторожен и умеет маскироваться. В то же время он очень высокого мнения о себе, и в этом его слабость. Мы остановим его, Наоми, обещаю тебе. Но для начала мне нужны даты. В них — залог нашего успеха.

— Я отправлю тебе файлы на электронную почту. — Она встала и, не проронив больше ни слова, вышла из кухни.

* * *

Наоми сидела за столом. За своим прекрасно отремонтированным столом, в прекрасно обставленной студии. Даже странно, что еще час назад она была здесь так счастлива.

И как только она могла поверить в то, что с прошлым покончено? Есть призраки, которых невозможно изгнать.

Услышав за дверью шаги, она открыла компьютер, начала просматривать файлы. В комнату вошел Ксандер.

— Мне потребуется несколько минут, чтобы отправить все Мейсону, — произнесла она ровным тоном.

— Я так и понял.

— Тебе лучше спуститься вниз, а то пицца остынет.

— Я люблю холодную пиццу. Почему бы тебе не выплеснуть хоть часть того, что кипит у тебя внутри? Тем более что о многом я и так догадываюсь?

— Да что тут говорить? Не поселись я в этом доме, Донна была бы сейчас жива.

— Чушь, и ты сама это понимаешь. Продолжай ты раскатывать по стране, этот тип следовал бы за тобой. И скольких еще он бы убил, пока кто-нибудь вроде твоего брата не связал вместе эти убийства?

— Понятия не имею. Знаю только, что второй раз в жизни я оказываюсь напрямую замешана в историю с серийным убийцей.

— Послушай, тебе и правда не повезло, что какой-то чокнутый преследует тебя, во всем подражая твоему отцу. Но дело-то не в тебе, а в его больной голове.

— Да не важно это все. Я сделала глупость, когда поверила в то, что смогу жить как все нормальные люди. Купила дом, завела себе пса...

— И что ты намерена делать? Собрать вещи, бросить собаку и сбежать куда глаза глядят? Даже не думай об этом.

— Только я решаю, что мне делать и что нет. И хватит повышать голос. Ксандер лишь покачал головой:

— Если хочешь, можешь тоже покричать. Даже лучше, когда ты злишься — приступ паники тебе точно не грозит.

— Ты не понимаешь. — Ей и правда хотелось кричать, но она сдержала себя. — Я надеюсь, Мейсон прав и этого мерзавца действительно поймают. Но когда это случится... моя жизнь вновь пойдет прахом. Все узнают обо всем. А уж пресса...

— Плевать на прессу. Ты справишься с этим.

— Ты просто не представляешь, что это такое.

— Ты справишься, Наоми. Не забывай, что ты не одна. Ты всегда можешь положиться на меня. — Он притянул ее к себе, обнял. — Я люблю тебя.

Поймав ее удивленный взгляд, он только кивнул:

— Я люблю тебя. И мы никуда не едем. Ты никуда не едешь. Ты справишься, Наоми.

Она глубоко вздохнула:

— Я попытаюсь.

— Вот и хорошо.

Баланс

*Куда бы ни забросила нас судьба,
Мы сами находим или творим свое счастье.*

Сэмюэл Джонсон

Двадцать шесть

Больше всего это напоминало допрос. Наоми знала, что это не так, и все же... Когда Мейсон вошел утром в ее студию и уселся на стул, святилище мгновенно превратилось в комнату для допросов.

— Наоми, я знаю, тебе кажется, что вся твоя жизнь развалилась на части. Но нужно держаться. Я скоро еду в город, встречаюсь с ребятами из ФБР. Работать будем из полицейского участка. Мы поймаем его, Наоми.

— Что бы мы ни сделали, это не изменит того, что уже случилось.

— Нет.

— Я знаю, нет смысла раз за разом прокручивать это в голове, но меня так и тянет на мрачные мысли.

— Старайся использовать свои сильные стороны. И одной из них будет способность к наблюдению.

— Моя способность к наблюдению не помогла мне заметить, что меня вот уже два года преследует маньяк.

— Дольше, я думаю.

— Дольше? И как давно?

— Скажи, ты была знакома с Элизой Андерсон?

— Понятия не имею. — Наоми потеряла виски. — Ты же знаешь, Мейсон, мне приходится встречаться с огромным количеством людей. Во время съемки, в галерее, во время поездок в Нью-Йорк. А тут еще служащие гостиниц, официантки, продавцы, работники заправок. Не думаю, что смогу припомнить...

И тут вдруг ее осенило.

— Постой-ка. Лиза. По-моему, ее звали Лизой. Я как раз была на втором курсе, когда ее убили.

— Что именно ты помнишь?

— Она была на год старше, и мы даже не общались. Я узнала ее, когда увидела снимки в Интернете. Первые два года в колледже я подрабатывала в ресторане, и мне случалось обслуживать ее столик.

Наоми покопалась в памяти.

— Блондинка, волосы примерно до плеч. Очень вежливая, приятная девушка. Но ее никто не похищал, Мейсон. А в убийстве, если не ошибаюсь, обвинили ее бывшего парня.

— Думаю, она была первой жертвой нашего подозреваемого. Все пошло не так, и он запаниковал. Вообще ему здорово повезло. Если бы

полиция не вцепилась сразу в другого, он давно бы уже мог сидеть в тюрьме. — Мейсон покачал головой. — Лиза была немного похожа на тебя.

— Да нет, что ты.

— В то время ты не стриглась так коротко. Блондинка. Она чуть пониже, но тоже высокая и худенькая.

— Мейсон, но это же было десять лет назад.

— Поначалу он убивал не так часто, как сейчас. Экспериментировал, совершенствовал свой метод. Изучал тебя, изучал Боуза.

Не выдержав, она встала, зашагала по комнате.

— Десять лет, Мейсон. Десять лет. Лиза была примерно того же возраста, что и Эшли, когда я нашла ее в том погребе.

— Об этом я не подумал. — Мейсон откинулся на спинку стула. — Не исключено, что это и подтолкнуло его к действиям. Студентка колледжа. Когда-то ты спасла такую студентку, а потом сама училась в колледже. Парень решил закончить то, что было начато Боузом. Убить тебя или того, кто замещает тебя в его глазах.

Мейсон встал.

— Ладно, мне пора в город. А ты покопайся как следует в памяти. Постарайся вспомнить те несколько дней, которые предшествовали убийству Элизы Андерсон. — Он коснулся пальцем ее лба. — И постарайся не мучить себя пустыми переживаниями. Я позвоню, если не смогу приехать к ужину.

Он ушел, а Наоми ощутила сильнейшее желание вновь попереживать о случившемся. Вместо этого она уселась за стол, достала свои папки.

И принялась вспоминать студенческие годы.

* * *

Так она просидела два часа, освежая в памяти события и делая заметки. Затем взяла камеру и вышла во двор, где повсюду кипела работа. К ней тут же устремился Тэг — донельзя грязный и ужасно счастливый.

Наоми хватило одного взгляда на него, чтобы понять — теперь еще придется мыть собаку.

Вернувшись в дом, она отправила Мейсону сообщение:

Напиши мне, кто был его следующей жертвой. А я организую свои заметки и отправлю их тебе сегодня же.

Практически сразу он прислал ей два имени и две даты. Первую от убийства Элизы Андерсон отделяло восемь месяцев.

Весь этот день Наоми вспоминала прошлое. Обедать она не пошла, продержавшись до вечера на воде, холодном кофе и чистом энтузиазме. В конце концов, когда головная боль пересилила все остальное, она выпила таблетку и отправилась на кухню.

По-хорошему ей стоило бы вздремнуть, но кто бы тогда помыл пса и приготовил ужин?

Рабочие уже ушли, и вокруг царила тишина. И только добравшись до кухни, она обнаружила, что осталась в доме не одна.

С террасы до нее донесся голос Ксандера:

— Да угомонись ты, наконец. Сам же видишь, не до тебя.

Шагнув на террасу, Наоми замерла.

Ксандер сидел на стуле, увлеченно собирая какой-то стальной шкаф. Здесь же лежали детали от этого гиганта.

Тэг — чисто вымытый и благоухающий шампунем — пытался подсунуть Ксандеру свой мячик.

— Это что, гриль? — пробормотала она.

Ксандер кивнул, не отрываясь от работы.

— Не думала, что они бывают такими... большими.

— Что толку в маленьких? — Он философски пожал плечами.

Какое-то время Наоми молча рассматривала эту грудку железа.

— У меня разболелась голова, — сказала она наконец, — до того я устала от всех эти заметок и воспоминаний. Ужасно хотелось прилечь и отдохнуть, но сначала нужно было помыть пса.

— Я уже вымыл его. Так что прими аспирин и ложись спать.

— Голова уже утихла, да и усталость немножко прошла, — наклонившись, она поцеловала Ксандера в щеку. — Ты помыл собаку. Купил гриль — всем грилям гриль. И теперь собираешь его. А я пока приготовлю нам ужин.

— Да о чем ты? Минут через сорок я закончу и пожарю на нем те стейки, которые купил по пути домой. Если хочешь помочь, почисти картошку. Я тоже приготовлю ее на гриле.

Наоми уже доставала овощи, когда в дверях появился Мейсон.

— Сейчас я переоденусь, — сказал он Наоми, — а потом мы поговорим. Ксандер дома? Я видел его машину.

— На террасе. Собирает гигантский гриль.

— Гриль. — Мейсон шагнул на террасу и даже присвистнул. — Вот это да! Давай я тебе помогу.

— Ты же никогда не разбирался в таких вещах, — сказала Наоми и тут же получила в ответ ледяной взгляд.

— Ты плохо меня знаешь. — Закатав рукава и ослабив галстук, Мейсон приступил к работе.

* * *

Как ни странно, но уже через сорок минут, несмотря на сомнительную помощь Мейсона, Ксандер собрал чудо-гриль.

Не желая ограничиваться жареным картофелем, Наоми сбрызнула ломтики маслом, натерла смесью из приправ и завернула все в фольгу.

Затем они с Ксандером усадились на диван-качалку и стали поджидать Мейсона, который отправился переодеваться.

Вернувшись, тот вновь бросил восхищенный взгляд на гриль.

— Красавец, — хлопнул он по стальной крышке. — Ну что, подождем ужина или я начну прямо сейчас?

— Лучше сразу, — сказала Наоми. — Все, что нам сейчас нужно, — как можно больше информации.

— Хорошо. По нашим прикидкам, приблизительный возраст подозреваемого — около тридцати.

— Значит, мой ровесник, — кивнула Наоми.

— Я не успел прочитать все твои заметки, Наоми, но главное я уловил. Первые два года в колледже ты жила в студенческом городке и подрабатывала в кафетерии. В день убийства Элизы Андерсон ты ушла с работы около девяти вечера.

— Это была пятница. По пятницам я всегда уходила в девять. Шла пешком, даже если была плохая погода — ходьбы там было минут на десять. Я вспоминала, просматривая записи. А в тот вечер за мной неожиданно зашел Джастин, мой тогдашний приятель. Он, как и я, посещал наш фотоклуб. Мне нравились его снимки. Возможно, потому-то мы и начали встречаться. И мы пошли домой вдвоем — я, Джастин и еще одна девушка из нашего клуба.

— Иными словами, вы спутали планы нашего подозреваемого. Наверняка он следил за тобой, знал твои привычки. Но не мог же он напасть, когда вы были вдвоем?

— Тогда он нашел мне замену. Элизу Андерсон.

— Как мы выяснили, она ушла из библиотеки в половине десятого вечера. Собиралась на вечеринку. Скорее всего подозреваемый силой

затолкал Элизу в ее машину — мы знаем, что изнасиловали и убили ее именно там. Тело он запихал в багажник, а машину оставил на стоянке. Обнаружили ее уже утром, и к этому моменту он успел скрыться.

— Если он знал мое расписание, значит, наблюдал не одну неделю.

— Возможно. А может, просто спросил у кого-нибудь. На самом деле я не исключаю вероятность того, что вы познакомились с ним еще в Нью-Йорке. Не обязательно близкий знакомый. Один из тех, к примеру, кто ходил к Гарри в ресторан. «Что, Наоми уехала из Нью-Йорка?» — «Да, отправилась изучать фотодело». — «Да что вы! В Колумбийский университет?» — «Нет, на Род-Айленд». Согласись, подобный разговор ни у кого не вызвал бы подозрения.

— Ты прав, — кивнула Наоми.

— Удалось тебе вспомнить что-нибудь еще из той поры, когда ты была в колледже?

— Как-то раз мы всем клубом отправились в Нью-Бедфорд. Стоял февраль, и мы собирались делать снимки зимнего пляжа. Покрутившись пару часов на ледяном ветру, сделали перерыв на обед. Помню, сидели в одном ресторане, и девушка — звали ее, кажется, Холли — начала донимать меня разговорами о том, что некоторые парни не сводят с меня глаз. Она мотнула головой в сторону бара. Я взглянула туда, но парень, на которого она указывала, успел повернуться к нам спиной.

Наоми замолчала, припоминая детали того дня.

— Потом Холли встала и направилась к бару. Краем уха я слышала, как она сказала тому парню, что он может купить ей пива. Мол, у меня уже есть бойфренд, а она свободна. Но тот молча отвернулся и зашагал к двери. Вот, собственно, и все. Поначалу мы собирались задержаться в Бедфорде подольше, но надвигался шторм, и мы предпочли в тот же вечер вернуться в кампус. А об убитой женщине я и не слышала. Узнала лишь этим утром, когда ты прислал мне ее имя.

— Что за женщина? — спросил Ксандер.

— Работала в том самом ресторане, в котором вы тогда обедали, — пояснил Мейсон. — Ушла с работы в семь вечера и поехала на занятия по йоге. Нашли ее на следующий день, на том самом пляже, где Наоми с приятелями делали снимки.

— Февраль, — прикинул Ксандер, — холод, зима. Должен же он был где-то жить?

— Полиция проверила все съемные дома и мотели, но никого подозрительного не обнаружила.

— Жаль, что я не подошла тогда к бару, — сказала Наоми. — По

крайней мере, могла бы описать тебе его.

— Ничего, — заметил Мейсон. — Мы разыщем ту девушку, Холли. Она единственная, кто знает, как выглядит... точнее, выглядел этот тип.

И они вновь погрузились в прошлое, перебирая воспоминание за воспоминанием. Наконец Ксандер встал и направился к грилю.

— Какие стейки вы предпочитаете? — поинтересовался он.

— Ах да. Мне — слабо прожаренный. Мейсону посильнее. — Наоми тоже встала. — Пойду приготовлю салат.

Пора сделать перерыв, заняться чем-то привычным. Потом она вновь вернется в прошлое, чтобы вспомнить как можно больше лиц и имен.

Двадцать семь

Наоми заворочалась, и Ксандер проснулся.

— Это просто сон. — Он обнял ее, пытаясь успокоить. — Все в порядке.

— Он гнался за мной. По лесу, вдоль пляжа... был где-то рядом, но я не видела его. Потом я упала в яму, и яма превратилась в погреб. Он накинул мне веревку на шею, и я увидела, что это мой отец.

— Он никогда не выйдет из тюрьмы.

— Но у него есть ученик... или соперник. Называй это как хочешь. Я не могу больше бояться, Ксандер. В тот раз я выбралась из погреба. Выбралась сама и вывела Эшли. Я не желаю бояться того, что не произошло. Или того, что может случиться.

— Разумно. Ну как, сможешь заснуть?

— Нет, — наклонившись, она накрыла его рот жадным поцелуем. — У меня другие планы.

— Я понял, — выдохнул он.

Наоми чувствовала, как бьется его сердце. То самое сердце, которое Ксандер безоговорочно ей отдал. Она пока не знала, что с этим делать. Понимала только, что сможет принять любовь, не испугавшись этого чувства.

Взяв его руки, она прижала их к собственной груди, к своему сердцу.

В следующее мгновение она оказалась сверху, начала неспешно, ритмично двигаться. Желание плеснуло в его кровь, будто огнем, но Ксандер сдержался, позволил ей следовать собственному ритму.

Удовольствие было настолько острым, что порой походило на боль. А желание казалось таким всепоглощающим, что в нем можно было утонуть.

— Подожди, — шепнула Наоми. — Подожди, и получишь то, что хочешь.

Движения ее ускорились. В какой-то момент она замерла, будто превратившись в статую, из горла у нее вырвался то ли всхлип, то ли вскрик.

И Ксандер не выдержал. Перекатившись, он накрыл ее всем телом, крепко сжал запястья.

Он погрузился в нее, будто одержимый. А ее бессвязные крики, стоны удовольствия лишь добавляли остроты его желанию.

В конце концов не осталось ничего, кроме их страсти. Страть

полностью их поглотила.

* * *

Наутро Ксандер устался на галстук с таким видом, будто решал, что лучше: завязать его или сразу повеситься на нем.

— Думаю, Донне было бы все равно, пойдешь ты в галстук или без.

— Нет, но... Видишь ли, я понесу гроб. Дочь Донны попросила нас с Кевином.

— Понятно.

Наоми знала, что для него это будет двойным грузом. Она подошла к собственному гардеробу, чтобы выбрать что-нибудь неприметное.

— Тебе не обязательно идти, — заметил Ксандер. — Вы же практически не были знакомы.

Насколько проще было бы остаться в тишине дома! Тем более что Ксандер сам завел об этом речь.

— Я и правда знала ее совсем плохо, но Донна мне нравилась. Это не обязательство, Ксандер. Я просто хочу выразить свое почтение.

Повернувшись, она завязала на нем галстук.

— Дядя Сет научил меня этой премудрости. Сказал, каждая уважающая себя женщина должна уметь завязывать галстук. Теперь-то я понимаю, почему он так говорил.

Она достала из шкафа черное платье.

— Мне нужно одеться. А ты мог бы пока выгулять Тэга. Не хочу оставлять его на улице, пока мы будем на похоронах.

— Идем, приятель! — Ксандер щелкнул пальцами, и пес тут же завилял хвостом. — Идем на задний двор, и постарайся не влезать на гряды.

Взяв куртку, он направился к выходу на веранду. Тэг потрусил за ним.

— Запри за мной дверь, — сказал Ксандер Наоми.

Так она и сделала. После чего стала собираться на похороны... вторые по счету в этом городке.

* * *

Спрятавшись в лесу, он наблюдал за тем, как Наоми и ее дружок-механик проезжают мимо. На всякий случай он выждал еще пять минут и

только после этого зашагал к дому.

Машину он припарковал в полумиле отсюда. Даже прикрыл боковое зеркало белым платком — как если бы у него случилась поломка.

Ему повезет, если он сможет забраться внутрь. Разумеется, там стояла сигнализация, но он неплохо разбирался в подобных вещах. Не исключено, впрочем, что она вообще забыла включить ее — с людьми такое случается постоянно.

Но спешить он не будет. Когда настанет время заняться Наоми — а время это приближалось с неумолимой быстротой, — он не откажет себе в удовольствии поразвлечься.

Разумеется, он мог бы схватить ее и раньше, благо возможностей хватало. Но ждать — выжидать — было куда приятней.

Кто бы мог подумать, что он прикончит любимицу всего города? В баре он наслушался всякого и теперь знал, что едва ли не все собираются на ее похороны. Когда еще подвернется такой шанс забраться в дом к Наоми?

Уверенной походкой он зашагал к входной двери.

Под рукой у него всегда были отмычки и считывающее устройство — на случай, если придется выключать сигнализацию. За эту штучку он отдал приличную сумму, и она редко его подводила.

За дверью раздалось гавканье, но его это не встревожило. В кармане лежала парочка заранее припасенных собачьих крекеров. Он не раз наблюдал, как это глупое животное ластится ко всем подряд, и не считал, что пес станет для него помехой.

Но когда он достал отмычки и принялся вскрывать замок, псина залаяла громче. А еще через пару секунд лай перешел в яростное рычание.

Надо было что-то делать.

Немного подумав, он направился в обход дома к задним — стеклянным — дверям. Пусть собака как следует рассмотрит его. А заодно и крекеры. Нужно подружиться с этой глупой шавкой.

Натянув на лицо широкую улыбку, он достал из кармана угощение и шагнул к двери.

И никого не увидел.

«Вот вам и сторожевая собачка», — ухмыльнулся он. Натянув перчатки, протянул руку к двери, чтобы проверить, заперта ли та.

Пес — огромная собаченция — выскочил из комнаты и с лаем устремился к проходу. От неожиданности он отшатнулся, даже прикрыл лицо руками, забыв, что между ними прочное стекло.

«Проклятье». Он вновь попытался наклеить на лицо улыбку, хотя в

душе бушевала чистая ненависть. Он достал из кармана крекер, показал псу.

«Смотри, ублюдок, что я тебе принес. — Голос его так и лучился дружелюбием. — Стоило бы начинить его ядом».

Но, несмотря на льстивый тон, несмотря на лакомство, четвероногий был неумолим: лаял и лаял, обнажая острые клыки.

«Пожалуй, мне стоило бы угостить тебя вот этим». — Он махнул в сторону дверей ножом. Но пес не испугался. Он зарычал с удвоенной яростью и бросился на двери.

«Дьявол, — трясущейся рукой он убрал нож на место. — Я еще вернусь, слышишь ты, скотина! Вернусь и вскрою тебе глотку. А она пусть посмотрит на это!»

В ярости он устремился по ступенькам вниз, выбежал на подъездную дорожку. Ничего, он еще вернется. Наоми и мерзкий пес с лихвой заплатят за то, что испортили ему забаву.

* * *

Никто еще не хотел так выбраться из своего костюма, как Ксандер. Как только он снимет его, сразу же повесит в шкаф к Наоми... и постарается забыть о нем по мере сил.

— Спасибо, что осталась до конца, — сказал он Наоми, сворачивая к дому. — Я знаю, все тянулось очень долго.

— Люди любили ее. Они говорили об этом так искренне, что мне захотелось остаться. Обычно я стараюсь избегать большого количества народа, но тут вдруг я осознала, что стала частью местного сообщества. По крайней мере, пересекла границу, которая отделяла меня от него.

Ксандер аккуратно припарковался у дома.

— Ты купила это место и как следует вложились в него. Ты ходишь за покупками в местные магазины, нанимаешь здешних рабочих. Все это говорит в твою пользу. У нас с тобой завязались отношения, и это тоже не прошло незамеченным.

— Да уж. «Наш Ксандер и эта Наоми из Нью-Йорка». — Она улыбнулась. — Так меня обычно называют за спиной. Вот почему для меня стало сюрпризом пересечение пресловутой границы. Но где же Лело?

Ксандер бросил взгляд на машину приятеля.

— Где-нибудь здесь. Скоро и остальные подтянутся.

Наоми открыла дверь и выключила сигнализацию. Пес бросился к ним

из глубины дома, всячески изъясняя свою радость.

— Ладно, ладно. Я знаю, что мы сильно задержались.

Она хотела выпустить собаку, но Ксандер ее остановил.

— Пусть лучше гуляет за домом. Здесь он сразу перепачкается в свежей земле.

Они вышли к стеклянным дверям и по ту сторону их обнаружили Лело. Тот заполнял почвой контейнеры для растений.

Довольно ухмыляясь, он помахал им рукой.

— Привет! — сказал он, когда Ксандер открыл дверь, и присел, чтобы погладить пса. — Я бы выпустил его, но двери были заперты. Бедняга был страшно расстроен поначалу, все скулил и лаял, но потом успокоился... когда увидел, что я никуда не ухожу.

Наоми тем временем изучала контейнеры.

— Лело, как же ты здорово все придумал!

— И правда вышло неплохо. В машине у меня кое-что из цветов и рассады. Если хочешь, я посажу это прямо сегодня.

— Вообще-то я бы предпочла сделать это сама. День начался довольно мрачно, так почему бы не уравновесить его чем-то приятным?

— Конечно. Пока ты переоденешься, я заполню эти контейнеры, — кивнул Лело. — А тебе, Ксандер, я хотел бы сказать пару ласковых. Пора бы уже понять, что не стоит ходить по свежезасеянной земле.

— Я и не ходил.

— Значит, это сделал кто-то еще. Ладно, не проблема. Я заровняю граблями.

— И где натоптали?

— Да там, перед главным входом. В принципе ничего страшного.

— Пошли посмотрим. Наоми, придержи пса.

— Послушай, я не собираюсь отправлять тебя — или кого-то еще — в тюрьму за исхоженные гряды, — сказал Лело, но все-таки повел его вокруг дома.

Наоми пришлось приложить немало сил, чтобы удержать пса и пристегнуть к ошейнику поводок. Когда она вышла наконец через парадную дверь, Ксандер и Лело внимательно разглядывали на земле отпечатки чьих-то следов.

— Ради бога, Лело, ты же сам видишь — моя нога гораздо больше.

— Это верно. Должно быть, кто-то из рабочих наследил.

— Вчера они ушли раньше тебя, а сегодня еще не возвращались. — Он бросил взгляд на Наоми, которая все еще пыталась удержать пса. — Сидеть! — приказал Ксандер, и Тэг, к удивлению Наоми, послушался.

— Позвони Мейсону, Наоми. Скажи, кто-то шнырял тут, пока мы были на похоронах.

— Черт возьми, Ксандер, — заметил Лело, — об этом я даже не подумал. Вот почему пес был так взволнован.

Забрав у Наоми телефон, Ксандер сам нашел номер Мейсона. И схватил ее за руку, когда заметил, что она собирается войти в дом.

— Мне нужно посмотреть, не пропало ли что-нибудь...

Ксандер лишь покачал головой, продолжая беседовать с Мейсоном. В конце концов он вернул мобильник Наоми.

— Подожди здесь. Мне нужно осмотреть комнаты.

— Это мой дом, Ксандер. Мои вещи. И я не собираюсь ждать, пока ты будешь обыскивать каждую комнату.

Не выругался он только потому, что это было бы лишней тратой сил.

— Ладно, идем вместе.

Вместе они осмотрели два этажа, после чего Ксандер заявил, что собирается в подвал.

— Я знаю, это маловероятно, чтобы кто-то пробрался сюда мимо Тэга, да еще с включенной сигнализацией, но осторожность не повредит. — Он снял пиджак, развязал галстук. — Мейсон будет здесь с минуты на минуту. — Он немного помялся. — Знаешь, Лело не настолько глуп, как кажется.

— Он вовсе не выглядит глупым. И он наверняка начнет складывать два и два, когда полиция и ФБР примутся обыскивать местность из-за каких-то дурацких следов. — Наоми вздохнула. — Можешь рассказать ему.

— Что именно?

— Все, что сочтешь нужным. А я поговорю позже с Кевином и Дженни. Не стоит утаивать от них правду.

— Прекрасно. — Он привлек ее к себе, взглянув прямо в глаза. — Ты преодолела эту границу, Наоми, поскольку сама так захотела. И обратного пути у тебя нет. Ладно, я скоро вернусь.

Оставшись в одиночестве, она сменила платье на джинсы и футболку. Нет, она не станет менять планы и засадит эти новые контейнеры! Как бы испугана она ни была, страх в ней явно уступал место гневу.

За этот гнев она и будет держаться.

Наоми вышла на террасу и с минуту разглядывала синие воды залива, окруженные зеленым поясом леса.

Она знала, что сделает все возможное, лишь бы сберечь для себя эту красоту.

Двадцать восемь

Наоми не знала всех этих федеральных агентов в темных костюмах и солнцезащитных очках. Но вряд ли они так уж сильно отличались от тех, которые семнадцать лет назад рыскали по их дому там, в Западной Виргинии.

Тогда она не наблюдала за обыском — ждала его окончания в чужом доме.

Теперь же это был ее дом, ее территория.

Пока что она не вмешивалась, не задавала вопросов. Просто смотрела. И тот тип — если он наблюдал за домом, за происходящим — знал о ее присутствии.

Сэм Уинстон шагнул ей навстречу, поправил на голове кепку.

— Сожалею, что все так вышло, Наоми. На самом деле здесь мог побывать кто угодно, просто чтобы удовлетворить свое любопытство.

— Но вы так не думаете.

— Я думаю, мы сделаем все, чтобы прояснить картину. В ФБР есть люди, которые по отпечаткам ноги смогут установить приблизительный рост и вес подозреваемого. И даже тип сложения. Если тут побывал тот, кого мы ищем, он явно совершил ошибку.

— Вы правы.

Впрочем, они с начальником полиции говорили о разных вещах. Наоми знала: тот тип дал маху, когда вторгся на ее территорию. В результате гнев в ней возобладал над страхом.

Развернувшись, она зашагала к грузовику Лело. Самого парня отправили прочь — как и рабочих, прибывших в свое привычное время. Ничего, она сама достанет растения, перенесет их к нужному месту.

Однако в машине ничего не оказалось, и Наоми, прихватив с собой пса, зашагала к задней террасе.

Лело опередил ее: горшки с саженцами аккуратными рядами стояли вдоль контейнеров. Здесь же лежали ее рабочие перчатки и садовая лопата.

Несмотря на протесты Тэга, она пристегнула его ремешок к перилам.

— Прости, но иначе ты будешь мешаться всем этим полицейским.

Чтобы смягчить обиду, она поставила перед ним чашку с водой, дала собачий крекер. Затем присела и почесала между ушами.

— Это ты спугнул его, да? Большой, сильный пес. Это от тебя он сбежал в такой спешке. Должно быть, добрые феи подбросили тебя в тот

день на обочину дороги, как раз когда я проезжала мимо.

Поднявшись, она взяла перчатки и направилась к новеньким контейнерам.

Наоми аккуратно прихлопывала землю вокруг помидорного саженца, когда на террасе появился Ксандер.

— Они практически закончили, так что Лело может вернуться завтра к работе. Как и ребята Кевина.

— Прекрасно. — На очереди у нее был перец. — Знаешь, почему я занимаюсь этим?

— Ну, я предпочел бы услышать это от тебя.

— Смотри, я сажаю тут овощи и травы. Потом я буду поливать их и наблюдать за тем, как на перцах и помидорах образуются понемногу плоды. Когда наступит пора, я соберу урожай, чтобы впоследствии съесть его. И все это берет начало с того, что я делаю здесь сегодня. Это моя жизнь, и я хочу видеть ее именно такой.

Какое-то время Ксандер наблюдал за тем, как она высаживает рассаду.

— Тот тип сбежал, — сказал он наконец, и Наоми кивнула.

— Я видела.

— Что ты видела?

— Его следы. Не нужно быть экспертом, чтобы прийти к определенным выводам: сюда он явно шел неспешно, а вот следы, ведущие от дома, говорят о том, что ему пришлось поторапливаться.

— Да уж, поначалу он просто вышагивал. Спокойно, будто у себя дома. Не знаю, собирался ли он забраться внутрь или просто хотел посмотреть, но кончилось все тем, что он просто сбежал. Пес его напугал.

— Думаю, он пришел сюда, чтобы как следует осмотреться. При возможности проникнуть в дом. Но пес его спугнул. Тэг защищал свою территорию. Нашу территорию.

— Ты не поверишь, но именно к этой версии пришли все те обученные копы и федералы, которые осматривали твой дом.

— Ну, разве я не умница?

— Ясное дело, — улыбнулся Ксандер.

— Я до того зла, что мне, пожалуй, стоило бы прерваться с посадкой. Если сажать помидоры в таком настроении, они могут вырасти горькими.

Она сдернула перчатки.

— Злость — это даже неплохо, — заметил Ксандер, — при условии, что она не идет рука об руку с глупостью или беспечностью.

Наоми нахмурилась:

— Я что, выгляжу дурочкой или беспечной особой?

— Я бы не сказал.

— Вот и прекрасно, — мысленно она приказала себе остыть, приберечь гнев для более подходящего случая. — Как думаешь, Кевин и Дженни могут договориться насчет няни? Я бы хотела, чтобы они пришли сюда. Пора уже им узнать обо всем... вот только не в присутствии детей.

— Если хочешь, я все устрою. На какое время договариваться?

— Это уже на их усмотрение. Я собираюсь закончить высадку рассады, потом займусь уборкой. Пусть приезжают когда смогут.

* * *

Где же ей признаться в кровном родстве с маньяком? В большой и маленькой гостиной слишком мало мебели. Устроиться на кухне, вокруг обеденного стола? Тоже не самая блестящая идея.

В конце концов выбор ее пал на место, где она чувствовала себя наиболее комфортно, — на кухонную террасу. Всего-то и нужно, что принести сюда побольше стульев.

А как быть с едой? Еще одна проблема. Что лучше всего подойдет к моменту?

Мой отец был серийным убийцей. Попробуйте крабовые роллы.

В итоге она собрала кое-что из закусок: сыр, хлебцы, оливки. В скором времени в дом вернулся Ксандер, выезжавший по срочному вызову — машина заглохла прямо на дороге.

— Знаешь, сколько людей отправляется в путь, не позаботившись о том, чтобы заранее заправить машину?

— И сколько?

— Больше, чем ты думаешь. В результате им приходится платить вдвое дороже по сравнению с заправкой, что вызывает их искреннее негодование. Как будто, вызвав механика, они оказывают ему тем самым неоплаченную услугу.

Наоми рассеянно пережидала этот всплеск негодования.

— Помнишь, ты принес мне сирень?

Ксандер нахмурился:

— Да. По-твоему, я должен был повторить этот жест?

— Когда-нибудь непременно. Но ты принес мне сирень в голубой вазе. Вот тот самый момент.

— Какой момент? Да и что в этом особенного?

— Да то, что именно в этот момент я поняла, что люблю тебя. Но я

понятия не имела, как мне поступить. Никогда раньше я не чувствовала того, что чувствую сейчас... даже не думала, что способна на такие эмоции. Теперь все более-менее прояснилось.

— И?

— Я признательна за то, что ты тоже меня любишь. И рада, что это случилось сейчас, когда я перестала наконец-то бежать от самой себя. Остается надеяться, что и ты разделяешь мои чувства.

— И все это сирень?

— Да.

— Надо сказать Лело, чтобы он посадил куст сирени перед домом.

— Лучше позади. Так мы сможем любоваться на него прямо с веранды. Я уже сказала ему, что сама посажу сирень.

— Мы посадим ее вдвоем.

Наоми кивнула, пытаясь справиться с подступившими слезами.

Ксандер шагнул ближе, сжал в ладонях ее лицо.

— Я переезжаю к тебе. Освободи мне немного места.

— Здесь полно места.

— Это ты сейчас говоришь, — улыбнулся он. — Подожди, пока мы с Кевином не построим гараж.

— У мужчины должен быть гараж. С северной стороны дома, вход через прачечную.

— Ты уже думал об этом.

— Я просто ждал, пока ты привыкнешься с этой мыслью. Я люблю тебя, Наоми.

— Ты сказал, что сделаешь меня счастливой, и тебе это удалось, — вздохнув, она слегка отстранилась. — Но мне все еще не по себе.

— Это понятно.

Пес, тявкнув, метнулся к двери.

— Наша сигнализация говорит о том, что Кевин и Дженни уже приехали, — улыбнулся Ксандер. — Пойду впусти их.

Наоми вынесла на террасу поднос с едой, затем вернулась в дом за тарелками, стаканами и салфетками. Из коридора до нее донесся смех Дженни.

Она открывала бутылку вина, когда подруга вошла на террасу.

— Как мы удачно! — воскликнула Дженни.

— Я рада, что вы приехали.

— Кевин сказал мне, кто-то шнырял около дома, пока мы были на похоронах. Я уверена, это кто-то из ребяташек. Пытались, должно быть, заглянуть в окно.

— Я так не думаю. Об этом мне тоже хотелось с вами поговорить. Идем на террасу.

— Боже, как тут здорово! Это Лело все устроил? Кевин, только взгляни на горшки для растений!

— Замечательно. — Кевин появился на террасе в сопровождении Ксандера. — Как поживаешь? — спросил он Наоми.

— Бывало и лучше. Тем не менее... — Она бросила взгляд на Ксандера. — Давай я налью тебе вина, Дженни, и мы сразу приступим к разговору.

— Похоже, ты настроена серьезно.

— Иначе не получается.

— Ты не заболела? — схватила ее за руку Дженни. — Что-то случилось? Ты, наверно...

— Угомонись. — Кевин потянул ее к стулу. — Присядь лучше.

— Ладно-ладно, умолкаю.

Наоми налила себе и Дженни вина, но садиться не стала.

— И так, с места в карьер. Карсон — девичья фамилия моей матери. Мы с Мейсоном давным-давно поменяли фамилию. С Боуз на Карсон. Наш отец — Томас Дэвид Боуз.

Она ожидала чего угодно, только не этих выжидающих взглядов.

— Не каждый знает, кто это такой, Наоми, — заметил Ксандер.

— Звучит знакомо, — сказал Кевин. — Кажется, я где-то слышал это имя.

— Томас Дэвид Боуз, — продолжила Наоми. — В период между 1986 и 1998 годами убил двадцать шесть женщин... Это лишь то, в чем он признался. Арестовали его в августе 1998-го.

— Боуз, — протянул Кевин. — Да, что-то припоминаю. Это было где-то на востоке.

— Западная Виргиния. Он мучил, насиловал и убивал свои жертвы.

— Твой отец? — Дженни смотрела широко распахнутыми глазами. — Он еще жив?

— Да. В этом штате нет смертной казни.

— Он что, сбежал? Это то, что происходит тут сейчас?

— Нет, он в тюрьме. Он сидит там уже семнадцать лет. Мы сменили имена, переехали в Нью-Йорк, но факт есть факт. Вы помогли мне обосноваться здесь, проявили настоящую доброту. Я не хочу больше ничего скрывать от вас.

Кевин неотрывно глядел на Наоми.

— Это ты нашла ту девушку, верно? Помогла ей сбежать, добраться до

полиции.

— Верно, — кивнула Наоми. — Ее зовут Эшли.

— Эшли. Ты помогла ей спастись. Именно так его нашли.

— Семнадцать лет? — повторила Дженни. — Но ты же... господи, Наоми, — вскочив, она обняла подругу. — Ты же была совсем ребенком!

— Мне было почти двенадцать. Я...

— Совсем ребенок, — повторила Дженни. — Он... он тебя обижал?

— Нет. Он был строг. Случалось так, что он на несколько дней уходил из дома. Но нас с Мейсоном он и пальцем не тронул. Он был дьяконом в местной церкви, работал на кабельную компанию. В свободное время стриг газон и красил веранду. И убивал женщин. Я не планировала рассказывать об этом, — вздохнув, добавила она. — Но ситуация изменилась.

Наоми прикрыла лицо ладонями, пытаясь справиться с эмоциями. Ксандер обнял ее.

— Ну-ну, хватит переживаний.

— Дай ей минутку, чтобы выплакаться, — вспыхнула Дженни. — Мне тоже нужно прийти в себя. Наоми, если ты хочешь сохранить это в секрете, можешь довериться нам. Мы никому не скажем, — с тяжким вздохом она оттащила Наоми от Ксандера. — Господи, на мужчин в таких случаях надежды никакой. Мы уйдем на пару минут в дом. Где тут мое вино?

— Она такая — одна на миллион, — заметил Ксандер, когда Дженни увела Наоми в комнату.

— Это ты о которой?

— Да в общем-то, об обеих. Нам с тобой здорово повезло.

— Это точно. А теперь расскажи, какое отношение имеет Боуз к Марле, Донне и к тому, что здесь сейчас происходит?

Ксандер сел и рассказал обо всем, что ему было известно.

* * *

Утром, заслышав на лестнице шаги Мейсона, Наоми поставила на стол кружку с горячим кофе. И вынула из микроволновки тарелку, которую держала теплой.

— Кофе и горячий завтрак? — Он взял кружку, сделал глоток. — Мне придется отъехать ненадолго. Поскольку Ксандер здесь, это не составит особой проблемы.

— Что вы обнаружили по отпечаткам ботинок?

— Немало. Это парень среднего роста, весом около 75 килограммов.

Он белый, и лет ему скорее всего около тридцати.

— Иными словами, мне надо вычислить, кто из моих знакомых мужчин — парень среднего роста и телосложения — захотел вдруг меня убить. Это не сарказм, — поспешила она добавить, — я действительно пытаюсь понять, кто же это может быть.

— Этот тип наверняка знает Боуза. Я хочу еще раз проверить его визитеров и переписку, а потом поговорить с ним самим.

— Ты... ты собираешься в Западную Виргинию.

Мейсон кивнул.

— Мне тоже нужно лететь? — спросила Наоми, собравшись с духом.

— Разве что позже. Если это поможет делу.

— Знаешь, вчера я рассказала обо всем Кевину и Дженни, и они отнеслись к этому с полным пониманием.

— Что ж, это серьезный шаг вперед.

— Ксандер любит меня.

— Я это заметил.

— Вчера вечером я набралась храбрости и призналась в том, что тоже люблю его. Даже не думала, что в моей жизни появится человек, к которому я буду испытывать подобные чувства. Это... это просто чудо. Знаешь, он переезжает ко мне жить.

— И что ты в связи с этим ощущаешь?

Такой вопрос мог бы задать ей психоаналитик, но Наоми лишь улыбнулась:

— Меня это нервирует. Не пугает, а именно нервирует. Не говоря уже о том, что я очень счастлива.

— Дядюшки будут в восторге от этого известия.

— Я знаю. Но я хочу рассказать им обо всем лично, когда они приедут. Хочу, чтобы они сначала познакомились с ним. Мейсон, постарайся положить конец всем этим ужасам.

— Над этим я и работаю.

Двадцать девять

Буквально за день Ксандер перевез все необходимое в дом над обрывом. И тут же возник вопрос, что делать с книгами — в библиотеку они просто не помещались.

— Кто бы мог подумать, что в таком доме вдруг не хватит для чего-то места?

Ксандер, пожав плечами, разглядывал полки, доверху забитые книгами. И коробки, в которых по-прежнему оставалась часть его коллекции.

— Какой смысл держать все в одном месте? Мы могли бы разбросать книги по разным комнатам.

— Для этого их слишком много.

— Только не говори, что мне стоит избавиться от части.

— Я и не думала об этом.

А если такая мысль и мелькнула, то была тут же отброшена.

— Я просто не знаю, куда их убрать. Не держать же это все в коробках?

— Кевин мог бы сделать еще один стеллаж.

— Хорошая мысль, — кивнула Наоми. — Только где?

— В подвальном этаже. Ты вроде хотела устроить там фотолабораторию?

— Ну да, как только сделаем главные комнаты.

— А я бы мог использовать часть пространства под свой офис. Лишь бы поместились стол да пара шкафов.

— Офис в подвале?

— Почему нет? Я не буду мешать тебе, ты — мне. Вдобавок там полно места. Вполне хватит для стенки с книгами. А до тех пор пусть полежат в ящиках. Я сам заплачу за обустройство офиса и все, что будет с ним связано.

В том числе, подумал он, за двери, ведущие прямо во двор. Но об этом можно будет поговорить позднее.

— У меня есть деньги, Наоми. Лучше уж я вложу их в этот дом, чем в очередную ренту. Свою мебель я оставлю на прежней квартире. Тебе же не нужен этот хлам?

— А тебе?

— Мне необходимы книги. Без них я и правда не могу обойтись. —

Наклонившись, он вытащил потрепанный экземпляр «Человека в картинках». — Читала? — спросил он у Наоми.

— Я смотрела фильм.

— Не то же самое. — Он сунул книжку ей в руки. — Почитай, не пожалеешь. В любом случае, если у тебя нет других планов, я предложу Кевину сделать для меня рабочее место и книжную стенку.

— Я думала только о фотолаборатории. В остальном можешь использовать этот этаж, как тебе вздумается.

— Вот и прекрасно.

Сунув книжку в карман джинсов, Наоми наклонилась, чтобы поднять одну из коробок, но Ксандер опередил ее.

— Зачем таскать тяжести?

— Возле гостиной есть небольшая комнатка. Отнесем это туда.

Наоми повела его по тихим, обезлюдившим комнатам. Рабочие ушли. Остались лишь она, пес да этот мужчина. Но дом не стал меньше от того, что в нем поселились пес и мужчина. Казалось, будто он всегда поджидал их появления.

Добравшись до места, она окинула помещение критическим взглядом.

— Внизу, в подвале, есть небольшой шкафчик — всего четыре полки. Я планировала использовать его под цветы, но мы вполне можем отдать его под книги. Дополним только парой фотографий.

— Это намек на то, что мне нужно сходить за мебелью?

— Что толку держать в доме мужчину, если он не может принести из подвала маленький шкафчик?

— Разумно.

— Еще я видела у Сесила старенький радиоприемник — куполообразный, в винтажном стиле. Он, правда, не работал...

— Не работает — не значит, что не может работать.

— Именно. Что толку держать в доме механика, если он не может починить винтажный проигрыватель? Знаешь, со временем я привыкну к твоему присутствию.

— Ладно, пойду за шкафчиком. Почему бы заодно не прихватить вина? Так мне будет проще приспособиться к новой обстановке.

Они неспешно пили вино и выставляли книги на полки.

— Ты уже говорил с Лу?

— Да. Давно я не видел ее такой рассерженной. Да не на тебя, — добавил он, взглянув на Наоми. — Не настолько уж она мелочна. Ее бесит, что этот ублюдок преследовал тебя буквально с колледжа. Бесит, что он убил Донну. Но теперь она настороже. У Лу постоянно толчется масса

людей. И местных, и приезжих. И если попадется кто-то подозрительный...

Ну да, подумала Наоми, так он и станет привлекать к себе внимание. Но вслух ничего не сказала.

— Мейсон собирается в Западную Виргинию, в тюрьму.

— Тоже не помешает.

— У них уже есть несколько подозреваемых.

Ксандер выронил книгу, которую доставал из коробки.

— Почему ты мне ничего не сказала?

— Я никого не узнала. Они намерены проверить всех, кто так или иначе попадает под описание. Всех, кто вел переписку с Боузом.

— Хорошо. До сих пор никто не пытался вычислить этого ублюдка. Не думаю, что он так уж умен, чтобы выскользнуть из такой сети.

— Мейсон тоже так считает. Не исключено, что его напугала эта шумиха, и он перебрался в другое место, куда подальше.

Но когда на обочине дороги, в полумиле от их дома, обнаружили тело Карен Фишер, совмещавшей работу официантки с досугом проститутки, стало ясно, что далеко он не уехал.

* * *

За что он всегда ценил удостоверение журналиста, так это за возможность бывать везде, где хочется. Смерть маленькой шлюшки вновь взбаламутила тихий городок — вернулись репортеры из Сиэтла, к ним добавились представители национальных компаний.

Ну а он был в самой гуще. Какая история могла бы из этого получиться! Смело можно претендовать на Пулитцеровскую премию.

Он еще покажет им всем — и «Нью-Йорк таймс», и «Вашингтон пост»! Всем этим ископаемым газетенкам, которые отказались взять его в штат, когда он только подыскивал работу.

Время газет прошло. Будущее было за блогингом.

Отныне он мог писать где угодно, не теряя ни минуты драгоценного времени. И до чего же забавно было освещать собственную работу!

Забавно-то забавно, но пора было отправляться в путь. Слишком много ищеек понаехало в этот забытый богом городок. Он размышлял о планах на будущее, записывая речь начальника полиции (тупица!) и представителя по связям с общественностью от ФБР (высокомерная сучка).

Да, пришло время завершать свою одиссею. Он чуял это нутром. Скоро он отправится в путь, прихватив с собой Наоми. Он пообщается с

девчонкой, как следует позабавится.

А затем прикончит.

А в один прекрасный день он напишет книгу. Напишет не ради денег. Придется, конечно, подождать, пока он не выберет себе местечко поспокойней. Может, ту же Аргентину. Он опубликует ее на собственные средства, выложит все без утайки. Пусть тогда попляшут эти тупицы и высокомерные сучки!

Пока что он дотошно записывал, делал снимки. Больше всего ему нравилось фотографировать Мейсона.

«Эй ты, ублюдок! Скоро я убью твою сестрицу. Развлекусь с ней как следует, а потом задушу, как это сделал бы ваш отец».

Может, послать старику Боузу фото Наоми? А что, хорошая мысль. Существуют лазейки, позволяющие переслать их даже в закрытую тюрьму — уж он-то удосужился изучить их от и до!

Нет, он сделает лучше. Он выложит фото в Интернет — снимки всех шлюх, над которыми успел поработать. Вот где будет веселье!

Тогда все поймут, что он переплюнул Боуза. Переплюнул их всех. Зодиак? Убийца с Зеленой реки? Да они ничто по сравнению с ним!

Позже он устроился в баре, чтобы поработать над статьей для блога.

— Принести вам что-нибудь?

Он поднял голову и увидел миловидную блондинку. Ту самую, которую он тогда выслеживал и упустил.

«Ты чудом осталась жива».

— Простите, что вы сказали?

— Да так, слегка заработался. — Он широко улыбнулся. — Забыл на минутку, где я нахожусь.

— Если хотите, я подойду попозже.

— Нет-нет, все в порядке. Я бы не отказался от колы... и от еды тоже. Принесите-ка мне пиццу.

— Хорошо.

Через пару минут она вернулась с напитком.

— Вы здесь живете? — поинтересовалась она. — Вы уже к нам заглядывали.

— Пока что да. Я журналист.

— А-а. — Она тут же погрузилась.

— Простите, — он мгновенно изобразил сочувствие. — Полагаю, вы знали... Донну Ланьер. Если не ошибаюсь, она работала в вашем баре.

— Да.

— Мне очень жаль. Если хотите что-нибудь рассказать о ней, чтобы я

мог потом опубликовать...

— Нет-нет, спасибо. Приятного вам аппетита.

Девушка поспешила прочь, а он с трудом скрыл улыбку.

Может, он еще вернется за ней. А почему бы нет? Пусть Наоми полюбуется на то, что он сделает с этой молоденькой сучкой.

«Эту тебе спасти не удалось, — так он ей скажет. — Не то что с Эшли. Тут ты оплошала. А когда я ее прикончу, когда прикончу тебя, обязательно навещу твою милую подружку Эшли. Завершу то, что не удалось старику Боузу».

Работая над статьей, он прислушивался к тому, что болтали вокруг.

Эти городишки все на одно лицо. Хочешь быть в курсе того, что происходит, посиди подольше в одном месте.

Очень скоро он узнал, что механик переехал жить к женщине-фотографу, в большой дом на Пойнт-Блафф. Еще он понял, что люди напуганы. Некоторые вовсе ругали полицию.

Почему они никак не схватят этого типа?

Да потому, что он лучше и сообразительней, хотелось ему закричать в ответ.

А еще он услышал, что новый приятель Наоми в пятницу вечером будет играть в этом самом баре.

И тогда он начал составлять свой план.

* * *

— Лукас Спиннер. — Мейсон вновь ткнул пальцем в снимок. — Точно не помнишь?

— Однозначно. — Она задержала взгляд на молодом лице с всклокоченными волосами и бородкой. — Почему ты все время спрашиваешь о нем?

— Он был журналистом в Огайо, несколько раз ездил к Боузу в тюрьму. Потом еще переписывался с ним полтора года. Предположительно, погиб в 2006-м, когда освещал пожар в Калифорнии.

— Но если он умер...

— Предположительно, — повторил Мейсон. — Вскоре после этого Боуз начал получать письма от некоего Брента Стивенса из Квинса. Однако проверка показала, что такого человека там в то время просто не было. Я видел письма Спиннера и Стивенса — они написаны одним человеком. И синтаксис, и терминология абсолютно идентичны.

— Если Спиннер и Стивенс — одно лицо, не исключено, что это тот, кого ты ищешь, — заметила Наоми.

— Все может быть.

— Пока ты будешь в Западной Виргинии, я поиграю с фото Спиннера на компьютере — посмотрю, как этот парень может выглядеть без бороды. Сейчас нам в любом случае пора идти.

Мейсон бросил взгляд на часы.

— Ах да, вечер пятницы. Местная рок-группа выступает в баре. Но разве что на пару часиков — мы вылетаем завтра в семь тридцать.

— Давненько мы не ходили вместе в бар. Даже не помню когда.

— На мой двадцать первый день рождения. Ты тогда специально прилетела домой — устроила мне сюрприз.

* * *

Он сразу заметил, когда она вошла в бар. Не зря же он весь вечер наблюдал за дверью.

Пришла не одна, а с младшим братцем. Тот, бросив взгляд на сцену, где местные умельцы наигрывали допотопных Rolling Stones, тут же принялся осматривать зал.

Пришлось отвернуться, сделать вид, что занят пивом.

Ему без труда удалось найти местечко в конце стойки. Одинокий посетитель за столиком всегда привлекает внимание, а на тех, кто у бара, никто и не смотрит.

Наклонив голову, он посматривал на Наоми. Еще пара минут, и он прикончит пиво, оставит умеренные чаевые. Помнят тех, кто платит слишком мало или слишком много, на остальных не обращают внимания.

А потом он прогуляется. Ему еще много чего нужно сделать.

* * *

Подойдя к столику, Наоми положила руку Дженни на плечо.

— Мы немного задержались. Пойду закажу нам выпивку. А вы как, будете повторять?

— Непременно.

Развернувшись, Наоми направилась к бару. Поскольку ей хотелось перекинуться парой словечек с Лу, она подошла к центру стойки, неспешно

разглядывая присутствующих.

В самом конце она заметила какого-то мужчину. Смотрел он вроде бы на полупустой стакан с пивом, но Наоми ощущала на себе его взгляд. Неожиданно она развернулась и направилась к противоположному концу стойки.

Когда она бросила взгляд назад, мужчина неспешно шагал к выходу.

Ерунда, сказала она себе. Случайный посетитель, и только.

— Привет, Наоми, — окликнула ее Лу. — Парень, который сейчас вышел, явно к тебе присматривался.

— Я это заметила.

— Не понравился он мне, — сказала Лу.

— Почему?

— Сидел тут два часа, нянчил свое пиво и все время посматривал на дверь. Голову почти не поднимал, но за тобой проследил очень внимательно.

— Я не смогла как следует рассмотреть его, а ты?

— Тоже не очень. Сидел, как я уже сказала, опустив голову. Ты просто поболтать или хочешь что-то выпить?

— Хочу сделать заказ для нашего столика. Кевину пиво, нам с Дженни вино. Моему брату «Корону» с лаймом. Мне так жаль, Лу... Я про Донну.

— Брось, ты ни в чем не виновата. Если хочешь, поговорим позже, а то сейчас мне все время приходится перекрикивать этот шум. Главное, что мой друг тебя любит. Остальное — ерунда.

— Я изо всех сил постараюсь не испортить наших с ним отношений.

Лу со смешком поставила на поднос два стакана.

— Похоже, ты из тех, кто привык мыслить позитивно.

— Для меня это весьма оптимистичный настрой.

Наоми отнесла поднос к столику, расставила напитки.

— Я уж думал, ты никогда не вернешься, — сказал Мейсон, забирая пиво.

— Там такая толкотня. К тому же я разговаривала с Лу. Там был один парень...

Мейсон мгновенно подобрался.

— Что за парень?

— Да так, какой-то тип у барной стойки. Мы обе почувствовали, что он наблюдал за мной. Но он уже ушел.

— Ты успела его разглядеть?

— Нет. Послушай, Мейсон...

— А Лу?

— Тоже нет.

Он поставил пиво на столик и направился к бару.

— Эй! А я-то хотела уговорить его на танец!

— Он сейчас вернется, — пообещала Наоми. Она уже пожалела, что затеяла этот разговор.

Вернувшись, Мейсон уселся рядом и зашептал ей на ухо:

— Лу сказала, около тридцати лет, белый, русые волосы, худощавый.

— Ну да, могу подтвердить. Мейсон, тут таких десятка два, не меньше.

— Тем не менее вы обе почувствовали неладное. Не следует пренебрегать этим. Поможешь нам завтра составить фоторобот.

— Мейсон.

— Люди замечают гораздо больше, чем им кажется. Особенно наблюдательные люди.

— Ладно-ладно. А теперь иди, потанцуй с Дженни. Она обожает танцевать, а Кевина можно затащить туда только силком.

— Почему бы нет? — сделав еще глоток, Мейсон поставил пиво на столик и взял Дженни за руку.

Пока Кевин наблюдал за ними с довольной ухмылкой, Наоми обратила все внимание на сцену. Ксандер пел, не спуская с нее взгляда, и это позволило ей немного взбодриться.

* * *

Наоми уселась в машину Ксандера, чувствуя, что вечер удался на славу.

Кай наклонился к окошку.

— Не хочешь пропустить по кружечке пива? — спросил он у Ксандера.

— Мне уже пора.

— Подумай сам, какой вред от одной-единственной кружки?

— Она может стоить мне лицензии. Ладно, ребята, созвонимся позже.

— Если ты отказываешься из-за меня... — начала было Наоми, но Ксандер лишь покачал головой:

— Да нет, нам уже пора. Чтобы расслабиться, необязательно набираться пивом. Есть способы и получше.

— Ты так думаешь? — улыбнулась Наоми.

— Вот увидишь.

После того как они выгуляли пса и устроились на ночь, Ксандер показал ей, почему выпивка не идет ни в какое сравнение с домом и постелью.

* * *

Телефон ожил в четыре пятнадцать, и Ксандер искренне пожалел, что не уступил эту смену напарнику.

Чертыхнувшись, он схватил мобильный.

— Китон. Да, понял. Хорошо. Буду минут через пятнадцать.

— Ты уезжаешь?

— У этого парня, судя по всему, заглох аккумулятор. Где-то между твоим домом и городом. Я доеду, проверю все на месте и где-то через полчаса вернусь.

— Хочешь кофе? — сонно пробормотала Наоми.

— Больше всего на свете, но я сам сварю. Спи дальше.

— Как скажешь. — Она вновь погрузилась в дремоту.

Даже Тэг не встал так рано. Он молча наблюдал за тем, как Ксандер натягивает одежду, но не побежал за ним на кухню. Налив в пластиковую кружку кофе, Ксандер зашагал к машине.

«Полчаса, от силы сорок минут», — думал он, усаживаясь за руль. Двери накрепко заперты, сигнализация включена, пес на месте.

За это время с ней ничего не случится.

К тому же этот проклятый ублюдок ни разу еще не врывался в дома, напомнил он себе.

Очередной поворот, и он заметил машину. Кемпер стоял на обочине, в темноте мигали аварийные огни.

Ксандер притормозил у самой машины и увидел, как с водительского сиденья слезает мужчина. Незнакомец помахал рукой, после чего вновь повернулся к машине и заговорил с кем-то внутри.

— Китон? — обратился он к Ксандеру.

— Верно.

— Майк Родер. Быстро же вы добрались. Я просто не смог завестись. У меня сынишка в машине — едем в Олимпию, чтобы пожить там недельку. Ему приспичило выйти, а когда он вернулся, мотор забастовал. Нет, Бобби, — бросил он назад, — мы еще не приехали. Спи давай.

— Поднимите капот, — распорядился Ксандер. — Я посмотрю, что там.

— Думал, проторчу здесь до утра, а потом огребу от своей бывшей по полной программе. Надеюсь, не придется покупать новый аккумулятор.

— Ну-ка, попробуйте завестись, — сказал Ксандер, заглядывая под капот.

— Сейчас-сейчас.

В голосе мужчины мелькнула какая-то странная нотка, и Ксандер подобрался. Но было уже поздно: удар по голове принес с собой вспышку боли. Затем все погрузилось в темноту.

— Ну что, приятель, добавить еще парочку для ровного счета?

Он поднял лом, но тут за поворотом мелькнули чьи-то фары.

Выругавшись, он быстро опустил лом и спихнул Ксандера с обочины в канаву.

Машина притормозила.

— Ты в порядке, парень? — донеслось из окна.

— Да, все в норме! Спасибо за беспокойство.

— Да не за что. Удачного пути.

Машина отъехала, и он быстро смахнул с лица пот. Да уж, из-за такой мелочи все могло пойти прахом. Времени возиться с Ксандером не было. Забравшись в кемпер, он поехал к дому на обрыве.

Бросил взгляд на часы, улыбнулся. Точно по расписанию. Главное, остановиться чуть в стороне, чтобы ни Наоми, ни этот проклятый пес не расслышали шум мотора.

Поначалу он подумывал о том, чтобы отравить собаку. Даже искал в Интернете способы. Но все они были слишком ненадежны, да и занимали много времени.

Проще всего застрелить. Но шум выстрела наверняка спугнет Наоми, позволит ей скрыться.

Нож? Не хотелось бы соперничать с острыми клыками.

Ничего, он затаится и выждет удачного момента. В конце концов, эта утренняя рутина была ему хорошо знакома. Наоми выпустит собаку из спальни, после чего отправится на кухню, чтобы сварить кофе.

Все, что ему нужно, — это подождать.

* * *

Как и ожидалось, пес разбудил ее в пять.

— Встаю, встаю, — пробормотала Наоми, пока Тэг радостно

пританцовывал рядом с кроватью.

Натянув домашние брюки и футболку, она вышла из спальни и зашагала по лестнице в кухню.

Сегодня она приготовит вафли. А если Ксандер не вернется к этому времени, она отправит ему эсмэску.

Не слишком ли это навязчиво? Вот еще глупости! Всего лишь одно сообщение — поторопить, чтобы вафли не остыли.

Первым делом она зажгла свет, сунула в кофемашину кружку и нажала на значок эспresso.

Затем начала готовиться к завтраку. Достала чашку, яйца, муку, молоко... и прервалась, чтобы взять готовый кофе. С чашкой в руке Наоми подошла к дверям на террасу, желая вдохнуть свежий утренний воздух.

Не успела она открыть стеклянную дверь, как сзади кто-то шевельнулся.

Тридцать

Резко развернувшись, она увидела его... и тут же швырнула кружку с кофе. Удар пришелся прямо в грудь, горячий кофе плеснул на лицо. Заорав, он выронил тряпку, которую держал в руках. За это время Наоми успела метнуться к кухонным ножам.

Схватив один из них, она снова обернулась. И замерла.

— Так-то лучше. — Он махнул револьвером, который держал в руках. — Брось ножик. Ты испортила мне рубашку. Клянусь, ты за это заплатишь.

— Тебя скоро поймают.

— Можешь утешать себя этими сказками. На самом деле я сам спланировал все до мельчайшей детали.

— Но зачем?

— Поговорим позже. У нас с тобой масса времени. — Ухмыльнувшись, он скользнул пальцами вверх по переносице.

— Я не...

И тут она вспомнила. Этот жест, кривая полуулыбка.

— Чаффинс.

— Узнала наконец. — Он самодовольно усмехнулся. — Об очках я давно забыл, нос слегка подправил. Сделал приличную прическу. Давненько мы с тобой не виделись, Карсон. Точнее, Боуз.

— Как ты мог... мы же были друзьями.

— Черта с два. Я первым тогда догадался, кто ты такая. И мы заключили с тобой сделку. А ты натравила на меня того копа, сделала все, чтобы я не проболтался.

Это безумие в его глазах. И как только она не заметила его сразу, еще в школе?

— Я не заключала никаких сделок.

— Ты украла мою идею! Сама написала в газету. Это была моя история!

— Она никогда не была твоей.

— Это потому, что ты — дочь Томаса Дэвида Боуза?

Если бы он хоть на секундочку опустил пистолет, у нее появился бы шанс. Небольшой, но все же.

— С самого начала все крутилось вокруг него.

— Разве что сначала. Я уже тогда знал, что сумею затмить его. На

самом деле все началось с твоей матери.

— С мамы?.

— Я же сказал, поговорим позже. Идем.

Судя по всему, он не собирался убивать ее прямо сейчас. И Наоми решила не уступать.

— Скажи мне, какое отношение имеет к этому моя мать.

— Она-то? Она была первым мертвым телом, которое я увидел... не считая убитых мною птиц и бездомных котов. Для меня это стало настоящим откровением. Она была совершенно холодной, а эти глаза... да, это было нечто! — Он расхохотался, увидев отвращение на ее лице. — С этим рождаются, Карсон. Я появился на свет, чтобы убивать, как и твой отец. Я долго изучал этот вопрос, копался в книгах по психологии. Нам с твоим младшим братцем было бы о чем поговорить.

— Держись от него подальше.

— Он мне не нужен. Я всегда интересовался тобой, с того самого дня, как увидел тело твоей матери. А когда я узнал, кто ты, все стало еще заманчивей. Ладно, шевелись, а то мне придется прострелить тебе колено. Раньше я действовал по-другому, но...

Он дернулся, когда на дверь с той стороны обрушился пес.

Чаффинс выстрелил в воздух, и грохот выстрелов смешался с диким собачьим лаем.

Когда он повернул пистолет в сторону двери, Наоми вскинула руки:

— Не надо, не стреляй. Я иду с тобой, иду.

Она намеренно встала между ним и дверью.

— Давай на улицу, и побыстрее. Иначе, клянусь богом...

Тэг приоткрыл дверь посильнее, напружинился и прыгнул.

Заметив движение пистолета, Наоми бросилась вперед, прикрыв собой собаку.

Боль была такой, что перед глазами у нее все поплыло. Пес взвизгнул. Она упала, прямо на собаку.

— Сучка! Глупая, безмозглая сучка!

Лицо Чаффинса маячило где-то сверху. В глазах у него светилась ярость.

— Так вот как ты хочешь умереть? С пулей в башке? Что ж, может, оно и к лучшему. Может, так оно и было задумано.

Наоми с легким удивлением смотрела на пистолет. Почему он такой маленький? Такое чувство, будто находится за много миль отсюда.

Потом все пропало. Она еще слышала крики, какой-то грохот, но звуки раздавались откуда-то издалека. Сама же она стремительно погружалась в

беспамятство.

* * *

— Взгляни на меня! Открой глаза, Наоми!

Боль в боку вспыхнула с новой силой. Вскрикнув, Наоми разжала веки.

— Прости, что сделал тебе больно, но придется и дальше жать на рану, — наклонившись, он прижался губами к ее рту. — Потерпи, потерпи немного.

— Ксандер, — с трудом подняв руку, она коснулась его виска. — У тебя кровь. Ты весь в крови.

— Да, ты тоже. Помощь уже близко. Просто смотри на меня, говори со мной.

— Ты что, попал в аварию?

— Нет. Потерпи, все будет в порядке.

— Я... — воспоминания нахлынули потоком, слегка притушив боль. — Тэг. Мой пес.

— Лежи, не двигайся! Он в порядке, с ним все в порядке. Слышишь сирены? Помощь уже рядом.

— Он был в доме. Собирался застрелить Тэга. Он... у него есть пистолет.

— Уже нет. Не думай о нем. Я ему хорошенько врезал.

— Я не собиралась сдаваться. Но пес... он решил спасти меня. Хочу закрыть глаза...

— Не смей! Смотри на меня. Нельзя терять сознание. Мы здесь! — закричал он в сторону двери. — Живей, у нее рана, и я не могу остановить кровь!

— Школьный приятель.

— Что?

— Чаффинс. Энсон Чаффинс. Скажи Мейсону. — Пробормотав это, она вновь соскользнула в небытие.

* * *

В себя она пришла уже в «Скорой». До нее донеслись голоса, обрывки слов. Ксандер сжимал ее руку.

— Энсон Чаффинс, — повторила Наоми.
— Я понял. Его уже поймали. Не переживай, лежи спокойно.
Над головой мелькали какие-то лампочки, голоса сыпали медицинскими терминами.
— Сейчас вколю болеутоляющее.
Услышав это, Наоми вновь встрепенулась.
— Да, да, пожалуйста, — прошептала она.

* * *

Ксандер был в ярости от того, что ему не позволили ехать с Наоми. Он даже подумывал, не сбить ли с ног коренастую медсестру, которая столь решительно преграждала ему путь.

— Нужно убрать отсюда собаку и обработать вашу рану.
— Пес тоже ранен. Вы что, не видите, что в него стреляли?
— Я дам вам номер ветклиники...
— Вы должны заняться собакой.
— Именно так. — Мейсон многозначительно помахал своим удостоверением. — Пуля — это улика, ее следует извлечь как можно скорее. Пес — материальное свидетельство преступления, и его нужно привести в полный порядок.

Ксандеру позволили остаться с Тэгом, пока извлекали пулю. В это же время другой доктор обрабатывал его собственную рану.

— С ним все будет в порядке, — заявил хирург, стежок за стежком зашивая ногу Тэга. — Какое-то время он похрамает. Я дал ему антибиотики. Сейчас я составлю отчет для ветеринара — она продолжит лечение.

— Спасибо. Узнайте кто-нибудь, как там Наоми. Наоми Карсон. Просто... черт!

— Не шевелитесь, — сказала врач, занимавшаяся его раной.
— Посидите еще пару минут, — кивнул хирург, — я узнаю, что с мисс Карсон.

В этот момент в комнату вошел Мейсон.
— Как она? — подскочил Ксандер. — Черт! Да что вы там копаетесь в моей голове?

— Она в операционной, но врачи говорят, что все будет в порядке. Пуля прошла насквозь, через нее прямо в Тэга.

— Ваша улика, агент.

— Спасибо, — сказал Мейсон, забирая с тарелки пулю. — Она потеряла много крови, но внутренние органы не задеты. На ночь ее оставят в больнице. Не исключено, что та же участь ждет и тебя.

Ксандер был настроен решительно.

— Я буду с ней. Я и пес.

— Я уже обо всем договорился. Можешь рассказать мне, что тут произошло?

— Да. Скажи только, где сейчас Чаффинс.

— В тюремной камере Санрайз Ков. Доктор успел осмотреть его, обработать раны. Ты расквасил ему нос, выбил три зуба и сломал пару ребер.

— Серьезно? — Ксандер бросил взгляд на распухшие костяшки пальцев.

— Спасибо. Я знаю, ты любишь ее, но я-то люблю ее с незапамятных времен. Спасибо, что спас жизнь моей сестре.

— Всегда пожалуйста.

Мейсон притянул к себе стул, сел.

— А теперь расскажи, что тут случилось.

И Ксандер пустился в объяснения.

— Я должен был догадаться. Я и догадался, вот только поздно. Купился на выдумку этого ублюдка. А когда пришел в себя, сразу рванул к Наоми. И тебе позвонил по дороге. Припарковался за его кемпером, бросился в дом. И услышал выстрел.

Замолчав, он прикрыл глаза.

— Потом раздался крик. Когда я вбежал на кухню, он стоял над ней, размахивая пистолетом. Я сбил его с ног, избил до полусмерти. Наоми и пес лежали на полу, все в крови. Я схватил пару полотенец, прижал к ее боку. Она очнулась от боли.

— Это не твоя вина, а его, — попытался утешить Ксандера Мейсон.

* * *

Ей снился лебедь, плавно скользивший по водам залива. Белое пятно на голубой глади волн. В какой-то момент она пришла в себя, и ей показалось, что где-то рядом похрапывает пес.

Еще до нее донесся голос Ксандера:

— Я бы тоже не отказался от снотворного.

Улыбнувшись, она вновь погрузилась в сон, а когда очнулась, в палате

вовсю сияло солнце.

— Наконец-то. А я все гадал, когда ты проснешься.

Повернув голову, она увидела Ксандера.

Выглядел тот бледным и измученным. На виске — огромный синяк.

— Мы... попали в аварию.

— Не совсем.

— Я не помню... — повернувшись в другую сторону, она увидела Тэга, который наблюдал за ней с больничной койки. — Мы... мы в больнице. В меня стреляли. В нас стреляли.

— Не вставай. — Ксандер опустил руку ей на плечо. — Энсон Чаффинс.

— Верно, верно. Теперь я припоминаю. Он проник в дом.

— Да. Дождлся, пока ты выпустишь собаку, и перехватил тебя на кухне. Мейсон сказал, вы учились с ним в школе.

— Он был на год старше. Да и знакомы мы были лишь несколько месяцев — работали вместе над школьной газетой. Но он был со мной, когда я нашла свою мать мертвой. Сказал, что для него это стало настоящим откровением. Своего рода отправной точкой. Заявил, что такие, как он и мой отец, просто созданы, чтобы убивать.

— Не думай сейчас об этом. Ты закрыла собой Тэга, когда Чаффинс пытался пристрелить его, так ведь?

— А ты бы разве не сделал то же самое?

— Пожалуй. — Ксандер вздохнул. — Мы с тобой неисправимые идиоты.

— А что с твоей головой? Я помню, ты был весь в крови.

— Раны на голове всегда сильно кровоточат.

— Это он, да? Он мог убить тебя.

— Но не вышло. Привыкай к этому. — Он сжал ее руку. — Я сам никак не могу оправиться от того, что он едва не убил тебя.

— Это ты меня спас?

Он коснулся губами ее руки.

— Ты бы сделала для меня то же самое.

— Ты прав. И вот мы оба здесь, в больнице. — Она с улыбкой взглянула на Тэга. — Точнее, втроем. А где Чаффинс?

— В тюрьме. Новости уже выплеснулись за пределы городка. Вчера вечером я почитал кое-что на своем телефоне. Прости, но журналисты уже раскопали твоё родство с Боузом.

— Теперь это уже не важно. Мне с самого начала стоило махнуть на это рукой. Сколько мне ещё оставаться в больнице? Я хочу домой.

— Скорее всего тебя отпустят прямо сегодня.

— Я хочу домой, Ксандер, но сначала я хочу увидеть его. Я ни разу не говорила с отцом, но мне хотелось бы побеседовать с Чаффинсом.

— Возможно, Мейсону удастся это организовать.

Через два часа они наконец-то покинули здание больницы. У бокового выхода их поджидал Мейсон.

— Выглядишь хорошо, — сказал он, обнимая сестру.

— Я и чувствую себя лучше.

Он помог ей усесться в машину. Ксандер и Тэг устроились на заднем сиденье.

— В городе полно журналистов. Наверняка они дежурят и у тюрьмы.

— Не важно.

— У Чаффинса тоже было удостоверение журналиста. С ним он устраивался в гостиницы. Или жил в своем кемпере — когда не использовал его для других целей.

— Он прятал там свои жертвы — как Боуз когда-то в своем погребе.

— Верно. Еще он вел журнал, в котором регистрировал каждую жертву — имя, время и место. У нас достаточно данных, чтобы упрятать его за решетку на несколько жизней. Можешь навсегда забыть о нем.

— Я так и сделаю. Ты сказал Сету и Гарри, что со мной все в порядке?

— Да, я разговаривал с ними.

Подъехав к полицейскому участку, Мейсон припарковался у самой двери. Как только Наоми выбралась из машины, со всех сторон к ним устремились репортеры.

— Тэг идет с нами. Хочу, чтобы он взглянул и на пса.

Сэм Уинстон распахнул перед ними дверь, затем вышел на улицу.

— Эй вы, кончайте орать, — заявил он репортерам, — или я арестую вас за нарушение общественного порядка. Это мой город, и я вправе так поступить.

Закрыв дверь, он повернулся к Наоми:

— Это и твой город. Ну что, ты готова с ним встретиться?

— Да. Это займет всего пару минут.

Трудно было держать спину прямо, но Наоми не хотела заходить в камеру, согнувшись от боли. Когда она вошла, Чаффинс скатился с нар и подошел к решетке. Несмотря на опухоли и синяки, на заклеенный нос и разбитые губы, на лице его проступила улыбка.

— Младший братец, механик и пес. Боишься меня, Наоми?

— Ничуть. Мне просто хотелось, чтобы все они взглянули на тебя там, где тебе предстоит провести остаток жизни.

— Я еще доберусь до тебя! — огрызнулся он. — Ты вечно будешь жить в страхе!

— Нет, не буду. — Покачав головой, она повернулась к Ксандеру: — Не возражаешь, если я скажу ему пару слов наедине?

— Только не подходи к решетке, — предупредил он.

— Хорошо. И ты, Мейсон. Всего минутку.

— Я подожду за дверью, — кивнул тот.

Наоми внимательно разглядывала Чаффинса. Паренька, с которым она когда-то училась в школе. Чудовище, в которое он превратился.

— О тебе тоже могут написать книгу, — сказала она.

— Ясное дело!

— И даже снять фильм. Но мы-то с тобой будем знать, что ты проиграл. Ты проиграл, Чаффинс. Я отправила за решетку отца, а он когда-то значил для меня очень много. Теперь я упрятала за решетку тебя, а ты для меня — ничто.

— Тебе повезло. В следующий раз...

— Можешь помечтать об этом. Надеюсь, я буду сниться тебе долгими, холодными ночами, которые ты проведешь в своей камере.

— Это я буду сниться тебе в кошмарах!

— Нет. Я забуду тебя, как забыла много лет назад. Я — дочь такого же монстра, и чудовища меня не пугают. Идем, Тэг. Пора купить тебе сахарную косточку.

— Вернись! Вернись, я еще не закончил с тобой!

— Зато я с тобой покончила.

Не оглянувшись, она вышла за дверь.

— Ну как, тебе лучше? — спросил Ксандер.

— Еще бы. Но мне будет гораздо лучше, когда я вернусь домой и приму обезболивающее.

Во время поездки она сидела с закрытыми глазами, пытаясь справиться с колющей болью. Лишь у дома она встрепенулась:

— А чья это машина?

Не успел Мейсон ответить, как входная дверь отворилась.

Подбежав к машине, Сет распахнул дверцу.

— Боже мой, боже мой! Даже не думай выбираться сама. Я отнесу тебя домой на руках.

— Вы приехали, ты и Гарри! Но как? Нет-нет, я пойду сама.

— Никуда ты не пойдешь! — Гарри окинул взглядом Ксандера. — Ты Ксандер?

— Да. Я сам перенесу ее в дом.

Наклонившись, он осторожно приподнял Наоми и вытащил из машины.

— Неси ее прямо в постель. Мы уже все приготовили.

— Нет-нет, не надо. Я бы лучше посидела на террасе.

— Я принесу подушки. — Сет поспешил в дом.

— Я приготовил розовый лимонад, помнишь?

— С ледяной крошкой. — Она признательно сжала руку Гарри. — Как вам удалось добраться сюда?

— Частным рейсом. У нас много знакомых.

К тому времени, когда они добрались до террасы, Сет уже колдовал с подушками. На низеньком столике стояла ваза с цветами.

— Ну вот, опускай ее сюда.

Наоми села, и Сет, опустившись на колени, обнял ее.

— Девочка моя.

— Не плачь, прошу тебя. Со мной все в порядке.

— Ей нужно выпить таблетку, — вмешался Ксандер. — Прошу прощения, но ей действительно нужно принять болеутоляющее.

— Я принесу лимонада, чтобы запить. Будешь лимонад? — спросил Гарри у Ксандера.

— Лучше пива.

— Прекрасно. А тебе, Мейсон?

— Мне нужно идти. Я вернусь, но попозже.

— Приходи к ужину. Я приготовлю что-нибудь особенное.

Гарри поспешил на кухню. Мейсон ушел следом.

— Этому парню, — Сет кивнул в сторону Ксандера, — не помешает лед. Только взгляни на его руки! Надеюсь, он как следует отделал того мерзавца.

— Сломал ему нос, выбил три зуба, — сообщила Наоми.

— Прекрасно.

Гарри вернулся с подносом, на котором стояли пиво и большой стакан с розоватым напитком.

— Рад знакомству, — сказал он, обнимая Ксандера. — Я — Гарри, а это моя маленькая девочка. Мы все признательны тебе за ее спасение.

— Я тоже рад знакомству. — Он вынул из кармана пузырек с таблетками, протянул Наоми: — Выпей одну.

Она со вздохом взяла лекарство.

— Гарри, лимонад просто бесподобен!

— Может, съешь что-нибудь легкое? Немного омлета с тостом?

— Конечно.

— Пойду приготовлю на вас обоих. И что-нибудь особенное для этого храброго пса. Тебе, мой мальчик, найдется сегодня что-нибудь повкуснее сухого корма.

С обожанием взглянув на Гарри, Тэг похромал за ним на кухню. Не успел Ксандер попробовать пива, как на террасу ворвался Сет. В руках у него был мешочек со льдом.

— Ну вот. Почему бы тебе не сесть на диван? Попьешь пива, полечишь руку. А заодно полюбуешься на этот прекрасный вид. Что ни говори, это лучший день в нашей жизни. Тебе удобно, Наоми?

— Да-да, все просто чудесно.

— Когда начнешь задремывать, Ксандер отнесет тебя в спальню, чтобы ты немного поспала. А мы будем рядом. Мы все будем поблизости.

— Я так рада, что вы здесь.

— Ладно, пойду помогу Гарри. Если что-то нужно, зовите.

Наоми, улыбаясь, потягивала свой лимонад.

— Это похоже на сон. Чудесный сон. Ты знал, что дядюшки здесь?

— Мейсон сказал мне. Они прилетели рано утром.

— Они тебе наверняка понравятся.

— Они мне уже нравятся. Как-никак я успел получить пиво, а скоро меня угостят омлетом. — Отложив в сторону мешочек со льдом, он вытащил из кармана телефон. — Отвечу позже. Меня с утра засыпают звонками и сообщениями. Все хотят знать, как ты себя чувствуешь, хотят увидеться.

— Так уж и все?

— Назови любое имя. Держу пари, что этот человек уже позвонил или прислал сообщение.

«Все равно что семья», — подумала она. Друзья и соседи могут стать для тебя настоящей семьей, если ты сам это позволишь.

— Мы можем пригласить их сюда. Гарри обожает готовить для гостей. Но сейчас мне хочется спать. Таблетка, похоже, начинает действовать.

— Завтра. Мы можем собрать всех завтра, если ты будешь к этому готова.

— Пожалуй. Наконец-то все встало на свои места. Я там, где мне хочется быть. С людьми, которых я люблю. И мне плевать на кровные узы и на то, что скажут обо мне те, чье мнение меня совершенно не интересует.

— Прекрасно.

— Мне нравится это место. Я люблю смотреть на залив, и меня радует мысль о том, что я могу делать это каждый день.

— Хорошее место. Мы могли бы пожениться прямо здесь, во дворе.

— Да, замечательное место... что ты сказал?

— Лучше всего осенью, когда природа заиграет всеми красками. — Он в задумчивости отхлебнул пива. — В октябре. Так у тебя будет время подготовиться... цветы там, свадебное платье.

— Жениться? Но я...

— Ничего, к октябрю ты свыкнешься с этой мыслью. Времени еще навалом.

— Ты что, делаешь мне предложение?

— Я куплю тебе кольцо, и мы заживем здесь душа в душу.

— Но я еще не дала согласия. Я...

— Ты обязательно его дашь, — улыбнулся он. — Я люблю тебя, Наоми. Это начало и конец всему. И ты меня любишь.

— Это так, действительно так. Просто я никогда не думала о замужестве. — Она снова прижала к его руке мешочек со льдом. — Пожалуй, я смогу к этому привыкнуть.

— Итак, октябрь. Об остальном успеем договориться.

— Дядюшки наверняка устроят из этого события целое шоу.

Ксандер пожал плечами:

— Почему бы нет? Шоу — это замечательно, пока есть вот что...

Наклонившись, он коснулся ее губ.

Пока есть любовь, подумала Наоми, отвечая на его поцелуй. И большой дом, в котором можно наладить прекрасную жизнь.

Жизнь, в которой будет место цветам и восходам, друзьям и тихому счастью.

А еще очень верному псу.

СНОСКИ

1

Игровая консоль.

Тейлор Свифт — американская кантри-поп-исполнительница, автор песен и актриса.

Название отеля, где разворачиваются главные события романа Стивена Кинга «Сияние», написанного в жанрах психологического ужаса и готической литературы.

Брюс Спрингстин — американский рок— и фолк-музыкант и автор песен. Стал известен благодаря своим рок-песням с поэтичными текстами, основной темой которых является его родина, Нью-Джерси.

The E Street Band (И Стрит Бэнд) — аккомпанирующая группа Брюса Спрингстина. Была сформирована в начале 1970-х годов.

Заглавная песня группы Derek and the Dominos с альбома Layla and Other Assorted Love Songs, выпущенного в декабре 1970 года. Считается одной из самых значительных песен о любви в рок-музыке. «Лейла» примечательна виртуозными гитарными проигрышами в исполнении Эрика Клэптона и Дуэйна Олмэна в первой части песни и контрастирующей фортепианной партией без слов, сочиненной Джимом Гордоном во второй. Поводом для сочинения песни была любовь Клэптона к Патти Бойд, жене его друга Джорджа Харрисона.

Томас Чиппендейл (1718–1779) — крупнейший мастер английского мебельного искусства эпохи рококо и раннего классицизма. Изготовленная из красного дерева, мебель этого мастера отличалась сочетанием рациональности форм, ясности структуры предмета с изяществом линий и прихотливостью узора.

Жилой прицеп, относящийся к классу домов на колесах. Они оборудованы всем необходимым для комфортного проживания во время путешествия. Жилые прицепы не обладают двигателем, но имеют шасси.